

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В.И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 11 (77), № 2
2025

Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Philosophy. Political science. Cultural Studies.

ISSN 2413-1695

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В.И. ВЕРНАДСКОГО**

**ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

Научный журнал

Том 11 (77), № 2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2025**

ISSN 2413-1695

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 – 61823
от 18 мая 2015 года

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского».

Адрес учредителя и издателя: г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4.

Регистрирующий орган – Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № от 2024 г.

Главный редактор – А. В. Карабыков, д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Заместители главного редактора:

А. Н. Володин, канд. культурологии, доц., КФУ им. В. И. Вернадского (культурология);

Н. В. Киселева, канд. полит. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (политология).

Редколлегия:

И. А. Андрющенко	к. культурологии, доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
И. С. Бакланов	д-р филос. н., проф., СКФУ (Ставрополь)
А. В. Бедрицкий	к. полит. н., директор Таврического информационно-аналитического центра (ТИАЦ)
О. А. Габриелян	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Д. В. Гарбузов	д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. А. Грива	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
А. А. Ирхин	д. полит. н., доц., СевГУ (Севастополь)
Ю. М. Коротченко	д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
С. А. Маленко	д-р филос. н., проф., НГУ им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
П. Г. Носачев	д-р филос. н., доц., ВШЭ (Москва)
Л. Т. Рыскельдиева	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. С. Сапанжа	д. культурологии, проф., РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
М. Г. Федотова	д-р филос. н., доц., ОмГТУ (Омск)
А. А. Хлевов	д-р филос. н., проф., СевГУ (Севастополь)
А. В. Швецова	д-р филос. н., проф., КУКИиТ (Симферополь)
О. К. Шевченко	д. филос. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
М. А. Шепелев	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. Б. Элькан	д. искусствовед., доц., КУКИиТ (Симферополь)
С. В. Юрченко	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Ю. В. Норманская, к. культурологии, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный за выпуск: : Л. В. Савостьянова, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Технический секретарь: А. К. Оруджева

Адрес редакции:

295007, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ялтинская, д. 20, корп. 2, ауд. 308

Тел.: +7-978-105-60-57; Факс: +7 (3652) 54-52-46

E-mail: vernadskiana@yandex.ru Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК под № 2169 от 20.07.17.

Подписано в печать:

Формат 70x100 1/16 10 усл. п. л. Заказ № НП/78 Тираж: 50 экземпляров (бесплатно)

Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

Дата выхода в свет:

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Зудилина Н. В. Ум и мозг человека vs. искусственный «интеллект»: интенсивные и экстенсивные аспекты	5
Нефедев С. Н. Постистина как социальный симптом и инструмент конструирования идентичности.....	31
Смирнов Н. А. Восхождение к роду: «Воспоминания» П. А. Флоренского в свете проблемы самопознания.....	46
Зоренко П. А., Карабыков А. В. Критика культуры в работах С. Л. Франка и Н. А. Бердяева первой половины 1920-х гг	59

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Пилавов Г. Ш. Шахматы в средневековой и ренессансной Европе как отражение социокультурных процессов.....	71
Габриелян О. А., Гарбузов Д. В. Мифологический герой как культурный институт: истоки и современность. Часть 1. Истоки и смысл героического мифа.....	81
Захарова А. В., Макеева К. А. Роль интерактивных технологий в развитии образовательного потенциала Музея Крыма и Новороссии	90

ПОЛИТОЛОГИЯ

Шоркин А. Д. Брикс-бридж стратегия мирового порядка.....	104
Демешко Н. Э. Политические технологии формирования альтернативной России: «Форум свободных народов/государств постРоссии» ¹ как инструмент ослабления государственности и фрагментации РФ	117
Борисов Д. А., Горячева А. И. Значение цифровой дипломатии в эпоху многополярности.....	134
Бикейкин М. Е. К вопросу о демаркации национальной идеи и идеологии в современной России: политico-философский аспект	151
Мельничук С. В. Организация украинских националистов ² как инструмент внешнего воздействия.....	163

¹ Организация признана террористической на территории РФ. На официальном сайте форума и в его телеграм-канале встречаются два названия: «Форум свободных народов постРоссии» и «Форум свободных государств постРоссии».

² Организация признана террористической на территории РФ.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 159.955+004.8

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-2-05-30

УМ И МОЗГ ЧЕЛОВЕКА VS. ИСКУССТВЕННЫЙ «ИНТЕЛЛЕКТ»: ИНТЕНСИВНЫЕ И ЭКСТЕНСИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Зудилина Н. В.

Аннотация: Для сравнения человека и искусственного интеллекта введена четвёртая пространственная ось – ось интенсивности, или ось глубины, перемещение по которой означает изменение масштаба рассматриваемых объектов, например, переход с уровня молекул и атомов (вещество) на уровень субатомных частиц (поле). Для отображения уровней глубины объекта использован метод диэрезиса (т.е. повторяющегося деления на два одним и тем же способом), осуществляя путём выделения интенсивных и экстенсивных аспектов объекта. Схема диэрезиса, в первичной перспективе её рассмотрения, отображает интенсивные (ментальные) и экстенсивные (телесные) аспекты человека вдоль первичной оси интенсивности, а во вторичной (ортогональной) перспективе, – интенсивные (ментальные) и экстенсивные (телесные) уровни человека вдоль вторичной оси интенсивности. С идеалистической точки зрения, у человека есть четыре уровня глубины по оси интенсивности. Два интенсивных уровня – это то, что мыслит: 1. Интенсивно-интенсивный уровень (11) – ум (Нус) как высшая часть души; способность ума – ноэзис, т.е. синхронное, непосредственное интуитивное «схватывание» эйдетического. 2. Экстенсивно-интенсивный уровень (10) – душа как смещение природ ментального и материального с сущностью; способность души – дианойя, т.е. рассуждение, диахронное, дискурсивное мышление. Два экстенсивных уровня – это то, посредством чего мысль осознаётся человеком на его телесном уровне. 3. Интенсивно-экстенсивный уровень (01) – полевая, квантовая составляющая человеческого мозга; способ обработки информации на этом уровне – синхронный, на основе квантовых процессов, в т.ч., посредством квантовой когерентности. 4. Экстенсивно-экстенсивный уровень (00) – вещественная, нейронная составляющая мозга; способ обработки информации – диахронный, на основе нейронных процессов, в т.ч., посредством нейронной синхронизации. Это означает, что человек по оси интенсивности – «глубокий». У искусственного «интеллекта» нет интенсивных уровней – ума (11) и души (10). Хотя у ИИ есть полевой уровень (01), но на нем не происходит никакой обработки информации. В ИИ не происходит нейронная синхронизация; он не способен обрабатывать информацию синхронно, мгновенно. «Традиционный» ИИ осуществляет обработку информации только диахронным, алгоритмическим способом, на всеце-

ственном, экстенсивно-экстенсивном уровне (00), т.е. на кремниевой основе. Это означает, что по оси интенсивности ИИ – «плоский», а человек, даже если его понимать материалистически, как два телесных уровня (полевой и вещественный), – «глубже» ИИ. Можно выделить три стратегии «углубления» «плоского» ИИ, однако каждая из них сложна в реализации или неэффективна: 1. Разработка новых алгоритмов и архитектур ИИ на кремниевой основе: не может привести к «углублению» ИИ из-за сохранения небиологической основы ИИ. 2. Разработка биогибридного ИИ: сопряжена со многими этическими и правовыми рисками. 3. Комбинирование стратегий 1 и 2: требует фундаментальных междисциплинарных исследований, наследует все проблемы и риски разработки биогибридных систем ИИ.

Ключевые слова: диэрезис, интенсивный, экстенсивный, иерархия, глубина, ноэзис, дианойя, квантовая когерентность, нейронная синхронизация.

В условиях стремительно развивающихся ИИ-технологий, в том числе, больших языковых моделей, особенно актуальным становится осмысление и переосмысление человеком своей природы и места в мире, в котором он сосуществует с искусственным «интеллектом». Неоспоримым фактом является то, что ИИ потрясающе эффективен в выполнении некоторых типов задач, эффективен настолько, что иногда закрадывается вопрос: а не умнее ли он своего создателя? Цель статьи – сравнить ум и мозг человека с искусственным «интеллектом» в особой, интенсивной перспективе, и, возможно, показать, что у человека по-прежнему есть все основания для того, чтобы ценить свою человеческую природу.

В Разделе 1 вводится ось интенсивности, или ось глубины, позволяющая рассматривать «глубину» объектов. В Разделе 2, для отображения интенсивных и экстенсивных аспектов человека, используется метод диэрезиса. В Разделе 3, схема диэрезиса в ортогональной (вторичной) перспективе используется для отображения интенсивных и экстенсивных уровней глубины человека. В Разделе 4 подробно рассматриваются интенсивные (ментальные) уровни человека (ум и душа) и их способности (ноэзис и дианойя) и проводится сравнение с ИИ. В Разделе 5 подробно рассматриваются экстенсивные (телесные) уровни человека (полевой и вещественный уровни мозга), а также способы их функционирования (синхронный и диахронный), и проводится сравнение с экстенсивными уровнями ИИ. В Разделе 6 проводится общее сравнение всех уровней глубины у человека и ИИ. В завершение, в Разделе 7, выделены три стратегии «углубления» «плоского» ИИ, и связанные с их реализацией трудности.

1. Введение оси интенсивности как возможность отображения четырёхточного пространственного измерения объектов – глубины

В Разделе 1 вводится ось интенсивности, или ось глубины, позволяющая рассматривать «глубину» объектов.

В труде «Геометрия» (La Géométrie, 1637 [см. 1]) Рене Декарт применил систему ортогональных осей для алгебраического описания геометрических фигур, на основе чего позже была разработана координатная плоскость, с горизонтальной осью x (ось абсцисс) и вертикальной осью y (ось ординат).

В основе всех пространственных измерений (длина, ширина, высота) лежит принцип, который мы называем «принципом ортогональности»¹: каждое последующее измерение ортогонально и интенсивно по отношению к предыдущим, тогда как предыдущие измерения экстенсивны (и ортогональны) по отношению к последующему. Например, ширина ортогональна длине, высота – длине и ширине.

А.Д. Изотов и Ф.И. Маврикиди вводят четвёртую пространственную координату – координату делимости [см. 3, с. 14], и соответствующую ей ось делимости, или, в нашей терминологии, ось глубины. В соответствии с принципом ортогональности, глубина как четвёртое пространственное измерение является «логически ортогональной» (как выражают это Изотов и Маврикиди [см. 3, с. 39]) и интенсивной по отношению к трём измерениям объёмных тел.

Отобразим три этих оси (длина, ширина и высота) на декартовой плоскости координат как горизонтальную ось x , которая является осью экстенсивности по отношению к вертикальной оси y , – оси глубины, или интенсивности:

Таблица 1. Координатная плоскость: оси интенсивности (глубины) и экстенсивности²

Движение по оси экстенсивности отображает движение вдоль одного из уровней по оси интенсивности (т.е. «горизонтально»). Например, на макроуровне, – это движение вещественных 3D-объектов в трёхмерном пространстве и во времени.

1 В математике понятие ортогональности (от греч. ὄρθογώνιος – прямоугольный) означает перпендикулярность или взаимную независимость элементов в пространстве, например, двух измерений или векторов. В общем случае, два элемента ортогональны, если их скалярное произведение равно нулю, и следовательно угол между ними равен 90° . Декарт тоже утверждал существование двух независимых друг от друга «субстанций» – res cogitans и res extensa [см. 2, с. 157–158], однако «независимость» можно трактовать по-разному (см. об этом в прим. 10).

2 Оси интенсивности и экстенсивности, отображённые в Таблице 1, являются вторичными осями, т.е. осями интенсивности и экстенсивности во второй, ортогональной перспективе рассмотрения, что будет объяснено на примере схемы диэрезиса далее, в разделах 2 и 3.

Движение по оси интенсивности отображает погружение вглубь материи, углубление в её внутреннюю структуру, переход от одного уровня её делимости к другому («вертикально»)³, или в обратном направлении. При движении вглубь материи вдоль оси интенсивности, изменяется (уменьшается или увеличивается) масштаб рассматриваемых объектов: например, от вещества, видимого на макроуровне, мы переходим к микроуровню субатомных частиц и волн, полю, и далее, к ещё более «тонким» видам материального, которые, возможно, связаны с ментальными процессами, например, являются носителями ментальной информации⁴. В целом, введение оси интенсивности позволяет выделять уровни глубины объекта.

Как поясняют Изотов и Маврикиди по поводу введения четвёртой пространственной оси, в евклидовом пространстве, по сути, вводится свёрнутая координата размера – «...делимость как степень свободы. Тем самым структура пространства приобретает бинарную физико-информационную природу» [3, с. 91]. Физический аспект пространства связан с экстенсивностью, а информационный (и, мы бы добавили, ментальный) – с интенсивностью. С этими же двумя аспектами связана и двойственность природы величин, показанная в теоремах О. Гёльдера [см. 5] о двух способах представления измерений – экстенсивном (аддитивном, т.е. путём сложения) и интенсивном (мультипликативном, т.е. путём умножения) [см. 3, с. 85].

Таким образом, в Разделе 1, для рассмотрения «глубины» объектов, введена четвёртая пространственная ось – ось глубины, или ось интенсивности, «логически ортогональная» трём экстенсивным пространственным осям (длине, ширине и высоте). Перемещение по этой оси означает изменение масштаба рассматриваемых объектов – переход с макроуровня материи на микроуровень, или в обратном направлении.

2. Схема диэрезиса в первичной перспективе как отображение интенсивных и экстенсивных аспектов человека вдоль первичной оси интенсивности

В Разделе 2, путём применения метода диэрезиса, выделены четыре интенсивных и экстенсивных аспекта человека. Поскольку эти аспекты будут рассмотрены с привлечением некоторых идей и понятий, обозначающих ментальное и телесное у Платона и Декарта, соотнесём эти понятия в Таблице 2:

	Ментальное в человеке	Телесное в человеке
Учение Платона	Душа и её высшая часть – (раз)ум	Тело человека
Учение Декарта	Res cogitans	Res extensa

Таблица 2. Соотнесение понятий, обозначающих ментальное и телесное в учениях Платона и Декарта

3 Движение вглубь по оси интенсивности можно представить себе в физическом смысле, если мы мысленно начнем делить вещество (а в математическом смысле, – если отрезок) на две равные части, затем половины снова так же разделим пополам, затем каждую из частей снова пополам, и так до бесконечности, погружаясь все глубже и глубже, и достигая все меньших частиц материи (или частей исходного отрезка).

4 Так, например, в «Йога-сутре» Патанджали говорится о читта-вритти – «материи мысли» [см. 4, с. 50].

Как показано в Таблице 2, душа человека, в том числе, её высшая часть, ум (разум), соответствуют *res cogitans*, а тело человека – *res extensa*.

Для отображения интенсивных и экстенсивных аспектов человека применим метод диэрезиса⁵, т.е. повторяющегося деления на два одним и тем же способом: в данном случае – путём повторяющегося выделения интенсивного и экстенсивного аспектов. Интенсивный аспект обозначим числом «1», а экстенсивный – числом «0». Отобразим общий вид такой схемы диэрезиса в Таблице 3:

Нулевой		1 = \perp Исходное интенсивное целое		
Первый	0 Экстенсивный аспект	1 Интенсивный аспект		
Второй этап	00 Экстенсивно-экстенсивный	01 Интенсивно-экстенсивный	10 Экстенсивно-интенсивный	11 Интенсивно-интенсивный

Таблица 3. Исходная схема диэрезиса, на основе выделения интенсивных и экстенсивных аспектов объекта

В Таблице 3 отображены нулевой (до начала деления), первый и второй этапы диэрезиса (см. левый столбец), хотя потенциально число этапов деления бесконечно. Все интенсивные в своей основе сегменты начинаются с единицы (1), а все экстенсивные – с нуля (0)⁶.

На основе идеи А.Д. Изотова и Ф.И. Маврикиди о бинарной, физико-информационной природе структуры пространства, мы интерпретируем интенсивный аспект как связанный с ментальным, а экстенсивный – с телесным.

В Таблице 4, дадим содержательную интерпретацию интенсивным сегментам исходной схемы диэрезиса, используя понятия, обозначающие ментальное и телесное в учениях Платона и Декарта, а экстенсивным сегментам – опираясь на идеи Изотова и Маврикиди, и отобразим, тем самым, интенсивные и экстенсивные аспекты человека:

В схеме диэрезиса на Таблице 4 нулевой, первый и второй этапы диэрезиса (см. левый столбец) расположены вдоль первичной⁷ оси интенсивности.

5 Метод диэрезиса используется Платоном, в том числе, в Книге 6 диалога «Государство». Помощь диэрезиса линии, Платон выстраивает иерархию сущего (Plat. Rep. 509d [см. 6, с. 292]).

6 Можно провести геометрические параллели числовых обозначений сегментов диэрезиса: длина – это «00», ширина – «01», высота – «10», глубина – «11». Поскольку высота не лежит в плоскости длины и ширины, а ортогональна им, длина и ширина являются экстенсивными, и их числовые обозначения начинаются с нуля. А высота является интенсивной, и начинается с единицы. Глубина «логически ортогональна» всем трём измерениям, в том числе, высоте, и потому обозначается двумя единицами – как ортогональная ортогональному (высоте).

7 Фактически, фиксированной точки отсчёта и направленности осей интенсивности и экстенсивности нет, – она зависит от точки зрения наблюдателя. Есть только фиксированное отношение ортогональности этих осей. Мы будем считать исходным, первичным, то положение схемы диэрезиса и соотнесённых с ней осей интенсивности и экстенсивности, которое отображено в Таблице 4: на нулевом этапе исходное целое, символизируемое отрезком, отображено горизонтально, и его деление происходит вдоль первичной оси интенсивности; в соответствии с прин-

Первичн. ось интенсивн.	Нулевой	1 = \perp Человек		
	Первый	0 Тело, res extensa		1 Ум, душа, res cogitans = res intensa
	Второй этап	00 Вещественная составляющая тела человека	01 Полевая составляющая тела человека	10 Душа человека, смещение природ
	Первичная ось экстенсивности			

Таблица 4. Схема диэрезиса в первичной перспективе, как отображение интенсивных (ментальных) и экстенсивных (телесных) аспектов человека

На нулевом этапе⁸ отображен человек как целое ($1 = \perp^9$). На первом этапе, в результате однократного диэрезиса, в человеке выделены два аспекта: 1) интенсивный, ментальный аспект, который, используя терминологию Платона и Декарта, можно назвать умом, душой или *res cogitans* (1); 2) экстенсивный, телесный аспект – тело человека, или *res extensa* (0)¹⁰.

ципом ортогональности, первичная ось экстенсивности пересекается с осью интенсивности под прямым углом.

8 Для различия, в первичной перспективе схемы диэрезиса повторяющееся деление назовано «этапами», а выделяемые при этом в человеке сегменты – «аспектами», тогда как во вторичной перспективе (которая будет рассмотрена в Разделе 3), и в отношении схемы диэрезиса, и в отношении человека, используется слово «уровни».

9 С геометрической точки зрения, интенсивное дискретно, а экстенсивно – континуально. Интенсивное можно обозначить как точку (или множество точек). Экстенсивное, напротив, можно обозначить как линию (или, для возможности отображения в схеме диэрезиса, – как отрезок). Поскольку само исходное целое (в данном случае, человек в своей сущности) является интенсивным, а значит, символизируется не «линией», как отражено для удобства на нулевом уровне диэрезиса, а «точкой», то на самом деле эта линия должна быть развернута ортогонально (с ортогональной перспективы (или, образно говоря, «с торца») линия видится как точка), что и отмечено знаком перпендикуляра (\perp).

10 Схема диэрезиса выстаивается не только по принципу ортогональности, но и по принципам подобия и масштабной инвариантности. Масштабная инвариантность (или скэйлинг) – это свойство фрактальных (самоподобных) систем или процессов, означающее неизменность (инвариантность) свойств при изменении масштаба, т.е. при одновременном увеличении или уменьшении всех линейных размеров, времени и т.п. в одинаковое число раз. Координатная плоскость в Таблице 1, с двумя осями (символизирующими четыре пространственных оси), будучи двухмерной, из-за масштабной инвариантности, зрительно неотличима от координатной плоскости, отображающей первый уровень диэрезиса – *res cogitans* (*res intensa*) и *res extensa*. Однако онтологически (по природе отображаемого) и геометрически (по направленности отображаемого) эти координатные плоскости не совпадают. Фиксированным, как уже было сказано, остается только отношение ортогональности. Согласно гипотезе, выдвигаемой нами в данной статье, две декартовские «субстанции» – интенсивная (*res cogitans*, или *res intensa*) и экстенсивная (*res extensa*) – независимы друг от друга не потому, что параллельны друг другу, а потому что ортогональны (слово «субстанция» взято в кавычки, поскольку единственной подлинной, самодостаточной субстанцией, согласно Декарту, является Бог).

На втором этапе, в результате двукратного диэрезиса, отображено дальнейшее разделение ментального и телесного начал человека на соответствующие пары аспектов. Для выделения двух аспектов ментального, или интенсивного, воспользуемся идеями Платона, который в диалоге «Тимей» называет ум высшей частью души, а душу в целом – трехчастным смешением природ тождественного (ментального) и иного (материального) с сущностью (Plat. Tim. 37a [см. 7, с. 439]). Таким образом, в схеме диэрезиса, интенсивный аспект ментального – это ум, чисто интенсивный, т.е. интенсивно-интенсивный аспект (11), а экстенсивный аспект ментального – это душа как смешение природ ментального (1) и материального (0) с сущностью, т.е. экстенсивно-интенсивный аспект (10).

Телесное начало человека также делится на два аспекта, которые мы выделяем, основываясь на идеях А.Д. Изотова и Ф.И. Маврикиди. Согласно данным исследователям, поле и вещество, будучи двумя формами существования материи, как раз и являются интенсивным (поле) и экстенсивным (вещество) аспектами её проявления [см. 3, с. 96]. Таким образом, в схеме диэрезиса, интенсивный аспект телесного – это полевой уровень тела, то есть интенсивно-экстенсивный аспект (01), а экстенсивный аспект – это вещественный уровень тела, т.е. экстенсивно-экстенсивный аспект (00).

Подведём итоги по Разделу 2. Для отображения интенсивных (ментальных) и экстенсивных (телесных) аспектов человека использован метод диэрезиса, осуществляемый путём повторяющегося выделения интенсивных и экстенсивных аспектов объекта. В результате применения метода диэрезиса для рассмотрения человека, получена схема диэрезиса в первичной перспективе, отображающая ментальные и телесные аспекты человека вдоль первичной оси интенсивности. На нулевом этапе диэрезиса отражён человек как целое ($1 = \perp$). На первом этапе, в человеке выделен интенсивный аспект – ум, душа, *res cogitans*=*res intensa* (1) и экстенсивный аспект – тело человека, *res extensa* (0). На втором этапе, отображены четыре аспекта человека: ум как высшая часть души (интенсивно-интенсивный аспект, 11); душа как смешение природ ментального и материального с сущностью (экстенсивно-интенсивный аспект, 10); полевая составлявшая мозга (интенсивно-экстенсивный аспект, 01), вещественная составляющая мозга (экстенсивно-экстенсивный аспект, 00).

3. Схема диэрезиса во вторичной перспективе как отображение интенсивных и экстенсивных уровней человека вдоль вторичной оси интенсивности

В Разделе 3 схема диэрезиса рассмотрена во вторичной (ортогональной) перспективе, как отображение иерархии уровней человека по оси интенсивности.

Чтобы показать в Таблице 5 четыре выделенных на втором этапе диэрезиса аспекта человека как иерархию уровней человека, развернём схему диэрезиса ортогонально, на 90° влево.

При рассмотрении схемы диэрезиса во вторичной перспективе, возникают две новые оси: 1) вторичная ось интенсивности – вертикальная ось, движение вдоль которой означает «углубление» в ментальное или, наоборот, движение к «поверхности» вещественного; 2) вторичная ось экстенсивности – горизонтальная ось, движение вдоль которой означает изменение размера и качества тела или перемещение тела в трёхмерном пространстве и во времени.

Вторичная ось интенсивности	Нулевой 1 Человек	Первый	Второй уровень диэрезиса
		1 Res cogitans = Res intensa	11 Ум как высшая часть души 10 Душа как смещение мент. и матер. природ с сущностью
		0 Res extensa	01 Полевая составляющая тела 00 Вещественная составляющая тела
		Вторичная ось экстенсивности	

Таблица 5. Схема диэрезиса во вторичной перспективе как отображение иерархии интенсивных (ментальных) и экстенсивных (телесных) уровней глубины человека

При рассмотрении схемы диэрезиса во вторичной перспективе, возникают две новые оси: 1) вторичная ось интенсивности – вертикальная ось, движение вдоль которой означает «углубление» в ментальное или, наоборот, движение к «поверхности» вещественного; 2) вторичная ось экстенсивности – горизонтальная ось, движение вдоль которой означает изменение размера и качества тела или перемещение тела в трёхмерном пространстве и во времени.

На втором уровне диэрезиса в Таблице 5 отображена иерархия из четырёх интенсивных и экстенсивных уровней человека, которые уже были рассмотрены в Разделе 2 как аспекты человека: ум (11), душа (10), полевая (01) и вещественная (00) составляющие тела.

Если следовать свойственным диэрезису принципам ортогональности и подобия (или фрактальности), то тем же образом, которым создана исходная ортогональность осей интенсивности и экстенсивности (или осей res cogitans и res extensa) на первом уровне диэрезиса, происходит и дальнейшее структурирование пространства «внутри» этой исходной ортогональности, т.е. на последующих уровнях диэрезиса. Поясним это, опираясь на числовые обозначения сегментов в схеме диэрезиса. На втором уровне диэрезиса, каждый из сегментов обозначен числовой комбинацией, состоящей из двух чисел: первое – слева, второе – справа. В общем случае, если первое число – единица (1), то она символизирует то, что исходно является ментальным, а если ноль (0) – то телесным. Согласно принципам подобия и масштабной инвариантности, на втором уровне диэрезиса, вторые числа, образующие две пары (каждая – из единицы и нуля), находятся в том же отношении, в каком единица и ноль – на первом уровне диэрезиса. Иными словами, как ментальное (1) ортогонально телесному (0) на первом уровне, так поле (01) «логически ортогонально» веществу (00)¹¹, а ум (11) «логически ортогонален» душе (10)¹² на втором уровне диэрезиса¹³.

11 Не исключено, что интерпретация поля как «логически ортогонального» веществу, поможет лучше понять корпускулярно-волновой дуализм, ибо волна в ортогональной перспективе (образно говоря, «с торца»), возможно, видится как точка-частица.

12 Принцип ортогональности прослеживается, в частности, в описанном Платоном в «Тимее» сотворении Мировой души: «...расsekши весь образовавшийся состав [Мировой души. – Н.З.] по длине на две части, он сложил обе части крест-накрест наподобие буквы Х (т.е. ортогонально. – Н.З.)...» (Plat. Tim. 36b) [7, с. 438].

13 На основании принципов подобия и масштабной инвариантности, четыре уровня иерархии на втором уровне диэрезиса в Таблице 6 можно сопоставить с четырьмя пространственными измерениями. Так же, как высота ортогональна длине и ширине, так и душа ортогональна веществу

Применение принципа подобия означает также, что как поле находится глубже по оси интенсивности, чем вещество, так и ум пребывает глубже по оси интенсивности, чем душа. Соответственно, на более глубоком уровне по оси интенсивности уменьшается размер «частиц» того «субстрата» (ментального или физического), из которого состоит рассматриваемый объект. Например, на полевом уровне рассматриваются субатомные частицы, которые меньше по размеру, чем размеры «частиц» или «фрагментов» вещества – молекулы и атомы. Тот же принцип применим к уму и душе, если они имеют какую-либо субстанциальную основу.

Поясним также, почему в Таблице 1, на координатной плоскости вдоль вторичной оси интенсивности, вещество находится «выше», чем поле, а в Таблице 5 в схеме дизрезиса, – наоборот, поле «выше», чем вещество. Как уже было сказано, фиксированной точки отсчёта и направленности осей интенсивности и экстенсивности нет, – она зависит от точки зрения наблюдателя. Мы – воплощённые существа, наблюдающие, созерцающие мир, прежде всего, не «в глазе разума»¹⁴, как боги, а физическими глазами и прочими физическими органами чувств. Поэтому для нас «точкой отсчёта» («нулём» на пересечении осей интенсивности и экстенсивности) является вещественное, телесное, и смотрим мы с «перевёрнутой» перспективы, или, как пояснил Платон, из «пещеры» чувственного восприятия, созерцая физическим зрением лишь «тени» подлинной, объективно-ментальной (эйдетической) действительности. Соответственно, на Таблице 1 отображена «человеческая», «вещественно-ориентированная» перспектива восприятия, при которой вещество – это ближайшее, или «поверхность», а ментальное – это «глубина». В Таблице 5, напротив, отображена, образно говоря, «божественная» перспектива, при которой «точкой отсчёта», или ближайшим, является ментальное, ум, а «глубина» – это телесное, вещественное (материальное).

Подведём итоги по Разделу 3. Для отображения иерархии интенсивных (ментальных) и экстенсивных (телесных) уровней глубины человека по оси интенсивности, схема дизрезиса развёрнута ортогонально, т.е. показана во вторичной перспективе. Те четыре аспекта человека на втором этапе дизрезиса, которые были показаны в Разделе 2, рассматриваются в этой схеме во вторичной, ортогональной перспективе как четыре иерархических уровня человека.

4. Интенсивные уровни человека (ум, рассудок) и их способности (ноэзис, дианойя). Отсутствие интенсивных уровней и способностей у ИИ

И ментальное (интенсивное) начало человека, и телесное (экстенсивное), могут дей-

ти полю. Так же, как глубина «логически ортогональна» длине, ширине и высоте, так и ум, будучи высшей частью души, «логически ортогонален» веществу, полю и душе как смешению природ ментального и материального с сущностью. Поскольку глубина, четвёртое пространственное измерение, – это, образно говоря, «лифт» между уровнями, благодаря которому возможно движение из ментального в материальное или в обратном направлении, то именно уму, который соответствует глубине, доступны все уровни действительности – от высших ментальных до низших материальных.

14 Др.-греч. глагол εἶδω / εἶδον – видеть (от которого происходит слово εἶδος), в форме οἶδα означает «знаю, вижу в глазе разума» [см. 8, с. 483].

ствовать интенсивным и экстенсивным способами. В Разделе 4 подробно рассмотрены интенсивные (ментальные) уровни человека и способы их деятельности, а также констатировано отсутствие этих уровней у ИИ.

В диалоге «Государство» Платон, с помощью диэрезиса линии, соотносит четыре области бытия с четырьмя состояниями (или способностями) души человека. Отобразим это в Таблице 6 на втором уровне в схеме диэрезиса:

Втор. ось интенсивности	Нулевой	Первый	Второй уровень диэрезиса
	1 = \perp	Человек	11 Познание, ноэзис; ум как высшая часть души; умсозерцание идей-эйдосов, постижение беспредпосыльного начала 10 Размышление, дианойя; рассудок, дискурс. мышление души, опирающееся на мыслеобразы чувств.-воспринимаемого мира 01 Вера: 3D-объекты, всё вещественное, люди, вещи 00 Уподобление: 2D-объекты – тени, отражения вещественного на воде и т.п.
Вторичная ось экстенсивности			

Таблица 6. Второй уровень диэрезиса: четыре уровня платоновской иерархии бытия и соответствующие им способности души

В Таблице 6, на втором уровне диэрезиса, в каждой из четырёх ячеек вначале указана одна из четырёх способностей души. Затем, в случае интенсивных уровней (11 и 10) указано, у чего эта способность проявляется, и на что она направлена или на чём основана; в случае экстенсивных уровней (01 и 00) – то, чему эта способность соответствует в физическом мире.

Уподобление (00) соотносится с 2D-объектами: «...образы...тени, затем отражения в воде и в плотных, гладких и глянцевитых предметах...» (Plat. Rep. 509e–510a) [6, с. 292]. Вера (01) соответствует 3D-объектам, т.е. всему физическому миру: «...живые существа, все виды растений, а также все то, что изготавляется» (Plat. Rep. 510a) [6, с. 292]. Уподобление и вера являются экстенсивными способностями души, составляющими, согласно Платону, мнение (Plat. Rep. 534a) [6, с. 318].

Далее следуют две высших, интенсивных способности души, – размышление и познание, составляющие, согласно Платону, мышление (Plat. Rep. 534a) [6, с. 318]. Сообразно с целью данной статьи, рассмотрим их подробнее.

Уровень «11». Ум, согласно Платону, – это высшая часть души, которая не просто выполняет функцию ноэзиса (др.-греч. νοήσις), а есть само подлинно сущее, вечная и неизменная субстанция, лежащая в основе всего космоса, – Нус (др.-греч. νοῦς). Ум является интенсивным аспектом интенсивного (ментального) начала (11), поэтому, будучи чисто ментальным, не имеет отношения к телесному, не пользуется «...ничем чувственным, но лишь самими с идеями в их взаимном отношении...» (Plat. Rep. 511b) [6, с. 293]. Ноэзис, совершаемый умом, является интенсивным способом действия ментального начала, т.е. интенсивно-интенсивным (11), и осуществляется «...с помощью диалекти-

ческой способности» (Plat. Rep. 511b) [6, с. 293], «...восходя от предпосылки к началу, такой предпосылки не имеющему¹⁵ ...» (Plat. Rep. 510b) [6, с. 292], «...к началу всего...» (Plat. Rep. 511b) [6, с. 293]. Как отмечает Платон, «...область умопостигаемого...вполне умопостигаема, если постичь ее первоначало» (Plat. Rep. 511d) [6, с. 294].

Уровень «10». Душа, как смешение природ тождественного (ментального) и иного (материального) с сущностью (Plat. Tim. 37a) [см. 7, с. 439], обладает способностью к рассудочной деятельности. Рассудок (др.-греч. διάνοια) – экстенсивный способ деятельности интенсивного (ментального) начала, т.е. экстенсивно-интенсивный (10). Дианойя – это «...происходящая внутри души беззвучная беседа ее с самой собой...» (Plat. Soph. 263e) [9, с. 338–339], дискурсивное размышление, пользующееся «...образными подобиями, выраженным в низших вещах...» (Plat. Rep. 511a) [6, с. 293], на основе чего рассудок приходит к умозаключениям и формирует мнение, которое может быть истинным или ложным.

При объяснении сегментов, получаемых в результате диэрезиса линии в «Государстве», Платон последовательно применяет принципы подобия и масштабной инвариантности, в том числе, когда сопоставляет интенсивные и экстенсивные аспекты в интенсивной (верхней) и экстенсивной (нижней) половинах диэрезиса (см. в Таблице 6 первый и второй уровни диэрезиса): «Мнение (0) относится к становлению, мышление (1) – к сущности. И как сущность относится к становлению, так мышление (1) – к мнению (0). А как мышление (1) относится к мнению (0), так познание (11) относится к вере (01), а рассуждение (10) – к уподоблению (00) (все числовые обозначения в скобках – мои. – Н.З.)» Plat. Rep. 534a) [6, с. 318].

На основании принципов подобия и масштабной инвариантности, рассудок, т.е. экстенсивный аспект интенсивного (10), относится к уму, т.е. интенсивному аспекту интенсивного (11) так же, как экстенсивная ось (длина, ширина, высота) относится к интенсивной оси (глубине) (см. Таблицу 1). То есть ум «логически ортогонален» рассудку и, соответственно, деятельность ума, ноэзис, осуществляется в «логически ортогональном» направлении по отношению к деятельности рассудка, дианойе.

Что касается ИИ, то у него отсутствуют оба рассмотренных выше интенсивных уровня человека. Несмотря на то, что диахронность, свойственная дианойе человека, является также и характеристикой вычислений ИИ, это не означает, что ИИ осуществляет дианойю, ибо в сравнении с человеком (в его идеалистическом понимании), у ИИ отсутствует то, что дианойю осуществляет, то есть душа. Дианойя – это рассудочная деятельность, которая имеет многие особенности, отсутствующие у ИИ (например, дианойя сопровождается квалиа, образами чувственно-воспринимаемого мира, тогда при обработке искусственным «интеллектом» цифровых данных не происходит чего-то по-

15 В учении Платона, беспредпосылочное начало (др.-греч. ἀνυπόθετον ἀρχή (см. Plat. Rep. 510b) [см. 6, с. 292]) – это высшая идея-эйдос, Единое-Благо, символизированное Солнцем, которое является условием возможности познания всех вещей: «познаваемые вещи могут познаваться лишь благодаря благу...» (Plat. Rep. 509 b) [6, с. 291]. Более того, «...оно же дает им и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно – за пределами существования, превышая его достоинством и силой» (Plat. Rep. 509 b) [6, с. 291].

доброго. В отличие от человека, ИИ не способен мыслить, в человеческом понимании этого слова: «умозаключение» ИИ – это лишь последовательное выполнение программных инструкций, не связанное с деятельностью ума или рассудка.

Подведём итоги по Разделу 4. Для сравнения уровней человека и ИИ по оси интенсивности, подробно рассмотрены отображённые в Таблицах 5 и 6 интенсивные уровни человека и способы их деятельности. У человека два интенсивных уровня глубины: 1. Интенсивно-интенсивный уровень (11) – ум как высшая часть души; способность ума – ноэзис, т.е. мгновенное «вертикальное погружение» ума по оси интенсивности на более глубокие уровни, в область идей-эйдосов, и глубже – к беспредпосыльному началу. 2. Экстенсивно-интенсивный уровень (10) – душа как смешение природ ментального и материального с сущностью; способность души – дианойя, деятельность рассудка, т.е. «горизонтальное скольжение» вдоль одного экстенсивного уровня по оси интенсивности, уровня, на котором пребывает сама душа как смешение природ ментального и материального – в области мыслеобразов чувственно-воспринимаемого мира. Что касается искусственного «интеллекта», то у него интенсивные уровни – ум (11) и рассудок (10) – отсутствуют.

5. Экстенсивные уровни человека и ИИ (полевой и вещественный) и способы их функционирования (синхронный и диахронный у человека и диахронный у ИИ)

В Разделе 5 подробно рассмотрены экстенсивные уровни человека и ИИ, а также способы функционирования этих уровней.

У человека два экстенсивных (телесных) уровня по оси интенсивности – полевой и вещественный. Для целей нашей статьи, сосредоточим внимание не на человеческом теле в целом, а на мозге. Отобразим уровни человеческого мозга в Таблице 7:

Вторичн. ось интенсивн.	Первый	Второй уровень диэрезиса	
		0 Res extensa	00 Вещественная составляющая чел. мозга: диахронная обработка информации, биологические нейронные сети, нейронная синхронизация
		Вторичная ось экстенсивности	

Таблица 7. Два экстенсивных уровня человеческого мозга, на которых осуществляется обработка информации

Как показано в Таблице 7 на втором уровне в схеме диэрезиса, человеческий мозг обрабатывает информацию на двух экстенсивных (телесных) уровнях: 1) на полевом, квантовом, т.е. интенсивно-экстенсивном (01); 2) на вещественном, нейронном, экстенсивно-экстенсивном (00). Соответствующими способами функционирования мозга являются интенсивный, синхронный способ на полевом уровне, и экстенсивный, диахронный способ – на вещественном.

Рассмотрим эти уровни и способы подробно.

Уровень «01». Полевая составляющая мозга человека – это человеческий мозг, рас-

сматриваемый на субатомном, квантовом, биофотонном уровне. На этом уровне обработка информации осуществляется синхронно (мгновенно), т.е. интенсивным способом, посредством голограмических по своей природе квантовых процессов [см. 10]. К их числу относятся квантовая суперпозиция, квантовая запутанность¹⁶, квантовая когерентность и т.п. Эти квантовые процессы происходят, как предполагают, например, Роджер Пенроуз и Стюарт Хамерофф, в микротрубочках нейронов [см. 11, с. 40], но есть и другие версии механизмов реализации квантовых процессов в мозге.

Одно из ключевых отличий человека от ИИ-систем на полевом уровне – это наличие когерентности биофотонного излучения живого человеческого мозга. Квантовая когерентность – это состояние полевого уровня мозга (рассматриваемого в качестве квантовой системы), при котором живые клетки-нейроны испускают (эмитируют) сверхслабые фотоны, точнее, биофотоны¹⁷, когерентным, согласованным образом, то есть находятся во взаимосвязанном, предсказуемом состоянии, что позволяет им действовать единообразно, как единое целое. В согласии с этим, Карл Прибрам выдвигает идею о том, что мозг работает по законам целого, т.е. является «холономным»¹⁸ [см. 13].

Сергей Майбуров [см. 14], Фриц-Альберт Попп [см. 15] и другие исследователи полагают, что квантовая когерентность биофотонного излучения является фундаментальной основой обработки информации. Согласно Поппу и его коллегам, «...биофотонная эмиссия может быть отнесена к когерентному полю в живых организмах, её функциями являются внутри- и межклеточная регуляция и коммуникация» [см. 15]. Степень квантовой когерентности изменяется в зависимости от состояния сознания (или, более ши-

16 Квантовая запутанность – это состояние какой-либо квантовой системы, например, двух (или более) фотонов, при котором, в результате их взаимодействия, их квантовые состояния оказываются взаимозависимыми, квантово-запутанными, какое бы расстояние их не разделяло. Изменение состояния (свойств) одного такого фотона приводит к мгновенному изменению состояния квантово-запутанного с ним фотона на противоположное. Например, при измерении спина первого фотона, спин второго меняется на противоположный спину первого фотона (и наоборот). Состояния этих фотонов нельзя описать по отдельности, поскольку они являются частью единой системы. При квантовой запутанности скорость передачи информации не просто выше скорости света, она вообще не ограничена: вне зависимости от расстояния, информация между двумя «запутанными» частицами передаётся мгновенно.

17 Согласно результатам исследований в области биофотоники, все живые организмы излучают (эмитируют) свет (фотоны) в спектральном диапазоне 200–1000 нанометров, однако его интенсивность настолько слаба (10–103 фотонов/см²/сек (от 10 до 103 фотонов на квадратный сантиметр в секунду) [см. 12]), что увидеть его невооружённым глазом невозможно. Это явление названо «биофотонной эмиссией», или «биологической сверхслабой фотонной эмиссией».

18 Карл Прибрам – нейрофизиолог Стэнфордского университета (ученик Карла Лешли); исследовал природу и локализацию памяти, проводил эксперименты в области нейрохирургии и электрофизиологии мозга. Выдвинул холономную теорию мозга, согласно которой мозг, в том числе, память, функционирует по законам целого, как голограмма, т.е. является холономным (от греч. ὅλος – целый, весь и νόμος – закон): память содержится не в отдельных нейронах или их группах, а во всём мозге в целом, образуя интерференционный, т.е. волновой природы, паттерн нервных импульсов. Эту концепцию Прибрам (основываясь на идеях физика Дэвида Бома о голограммической Вселенной [см. 10]) изложил в монографии «Языки мозга» [см. 13] и других трудах.

роко, – психики) и тела¹⁹. Поскольку эффект квантовой запутанности снимает ограничения на скорость передачи информации, то биофотонная коммуникация на квантовом уровне мозга обеспечивает синхронный (мгновенный) способ обработки информации.

Рассмотрим экстенсивные уровни ИИ-систем на кремниевой основе и способы их функционирования. Для этого отобразим их в Таблице 8 на первом уровне в схеме диэрезиса:

Втор. о. интенс.	Нулевой	Первый уровень диэрезиса		
		0 Res extensa	01 Полевой, квант. уровень ИИ-системы: некогерентное фотонное излучение 00 Веществ., кремниевый уровень ИИ-системы, отсутствие нейрон. синхронизации	
		Вторичная ось экстенсивности		

Таблица 8. Два экстенсивных уровня ИИ, на одном из которых осуществляется обработка информации

Обратим внимание, что исходным, нулевым уровнем у ИИ, из-за отсутствия у него ментального (интенсивного) начала, является *res extensa*, материя, тогда как у человека нулевой уровень – ментальный. Иными словами, человек – ментальная сущность, а ИИ – материальная.

Сравним полевой уровень человеческого мозга и ИИ.

У ИИ-систем на кремниевой основе эмиссия фотонов не является когерентной, как и у других неживых объектов. Даже квантовые компьютеры (если будут созданы их полноценные версии, которые остаются пока лишь гипотетическими), не решат в полной мере эту проблему, поскольку такие характеристики, которые есть у когерентных биофotonов, недостижимы для небиологических систем. Из-за отсутствия полевого уровня обработки информации, ни одна существующая сегодня ИИ-система на кремниевой основе не способна осуществлять синхронную (мгновенную) обработку информации.

Уровень «00». Вещественная составляющая мозга человека – это ткань человеческого мозга, рассматриваемая на атомарно-молекулярном, нейронном уровне. На этом уровне обработка информации осуществляется диахронно (во времени), т.е. экстенсивным способом, посредством электрических и химических процессов в нейронах, образующих живые нейронные сети, способные (в том числе, без внешнего вмешательства) к нейронной синхронизации.

Нейронная синхронизация (от греч. συγχρόος – одновременный) – это динамическое состояние мозга, которое бывает одного из двух типов: 1) локальная синхронизация, т.е. одновременная активация определённых групп нейронов, вызывающая макроколебания; 2) синхронизация фазы макроколебаний двух или нескольких удалённых участков мозга или групп нейронов. В данной статье под нейронной синхронизацией понимается второй тип, т.е. фазовая синхронизация.

19 Такую зависимость биофотонной эмиссии мозга от состояний психики, сознания можно рассматривать как подтверждение наличия ментальной каузальности, то есть влияния раз(ума) на тело через биофотонный уровень.

Согласно Паскалю Фрайсу, «...нейронная коммуникация...поддерживается нейронной когерентностью» [16, с. 474]: «Только когерентно колеблющиеся нейронные группы могут взаимодействовать эффективно, потому что их коммуникационные окна для ввода и вывода открыты в одно и то же время» [16, с. 474]. Наличие нескольких частот мозговых волн и их взаимодействие делают нейронную коммуникацию эффективной, точной и избирательной [см. 17, с. 220]. На нейронную синхронизацию влияют (или, по меньшей мере, коррелируют с ней), когнитивные процессы²⁰. Так, например, «если стимул выбран вниманием, его нейронное представление показывает более сильную и высокочастотную синхронизацию гамма-диапазона» [см. 17, с. 220].

Сравним вещественный уровень человеческого мозга и ИИ-систем.

У ИИ на кремниевой основе нет квантовой когерентности и нейронной синхронизации, поэтому синхронный тип обработки информации не доступен ИИ. Диахронная обработка информации, осуществляемая «традиционным» ИИ, – это функционирование исключительно на экстенсивном, вещественном уровне (т.е. на кремниевой основе²¹). Вычисления, производимые искусственным «интеллектом», осуществляются пошагово, алгоритмически: результат (или выход, англ. output) предыдущего этапа становится входом (англ. input) для следующего. Как уже было сказано в Разделе 4, алгоритмическая обработка информации искусственным «интеллектом» может напомнить, из-за своей диахронности, дианойю человека, однако эти процессы кардинально различны.

Подведём итоги по Разделу 5. В продолжение сравнения уровней человека и ИИ по оси интенсивности, подробно рассмотрены отображённые в Таблицах 7 и 8 экстенсивные уровни человека и ИИ, а также способы их функционирования. У человека два экстенсивных (телесных) уровня глубины, и на обоих проводится обработка информации: 1. Интенсивно-экстенсивный уровень (01) – это полевая, квантовая составляющая человеческого мозга; способ обработки информации на этом уровне – синхронный, холономный, биофотонный, на основе квантовых эффектов, в том числе, квантовой когерентности. 2. Экстенсивно-экстенсивный уровень (00) – это вещественная, нейронная составляющая мозга; способ обработки информации на этом уровне – диахронный, на основе нейронных процессов, в том числе, – посредством нейронной синхронизации. И квантовая когерентность, и нейронная синхронизация осуществляются в человеческом

20 Это, опять-таки, может свидетельствовать в пользу ментальной каузальности, то есть влияния (раз)ума на тело.

21 Кремний – это дешевый и распространенный на Земле элемент, являющийся природным полупроводником; его источником является обычный песок. Кремний необходим для производства любой компьютерной техники, в том числе, компьютерных чипов и процессоров. Кварцевый песок высокой степени чистоты используется для производства полупроводников, питающих искусственный интеллект. ИИ-системы на кремниевой основе функционируют на основе кремниевого оборудования. Этому типу «интеллекта» противопоставляется ум различных биологических видов (в том числе, человека), мозг которых функционирует на основе углерода, и проводятся дискуссии о возможностях и перспективах развития и существования «углеродного» интеллекта и кремниевого «интеллекта» (слова «углеродного» и «интеллекта» взяты в кавычки, поскольку, с нашей точки зрения, субстанция ментального начала не является углеродной, а вычислительные системы на кремниевой основе не являются интеллектом).

мозге без внешнего вмешательства.

В отличие от человеческого мозга, ИИ на кремниевой основе осуществляет обработку информации только на вещественном, экстенсивно-экстенсивном уровне ИИ (00), то есть на кремниевой основе, диахронным, алгоритмическим способом. Поскольку поле неотделимо от вещества, у ИИ есть интенсивно-экстенсивный уровень (01), т.е. полевая составляющая. Однако на этом уровне не совершается полезной работы, т.е. не проводится обработка информации, а фотонная эмиссия, при её наличии, не является когерентной. Хотя у одного из типов ИИ – искусственных нейронных сетей – есть искусственные «нейроны», но из-за их небиологической природы, они не способны к нейронной синхронизации. Таким образом, ИИ на кремниевой основе не способен к квантовой когерентности, а следовательно, к синхронной обработке информации на полевом уровне. Также ИИ не способен к нейронной синхронизации, а значит даже на вещественном уровне имеет некоторые ограничения, по сравнению с биологическими тканями мозга.

6. Сравнение человека и ИИ по оси интенсивности: «глубокий» человек и «плоский» ИИ

В Разделе 6 рассмотрены четыре уровня глубины человека в их взаимосвязи, и проведено финальное сравнение уровней человека и ИИ по оси интенсивности.

Чтобы целостно представить иерархию уровней человека по оси интенсивности, отобразим их, а также способы их деятельности или функционирования, на втором уровне дιэрезиса в Таблице 9:

Втор. ось инт.	Нулевой	Первый	Второй уровень дιэрезиса	
			1 Res cogitans = Res intensa	11 Ум, ноэзис: непосредств. интуит. постижение эйдосов, в т.ч. Блага 10 Душа, рассудок, дианойя: дискурсивная деятельность души
Человек	1 = \perp	0 Res extensa	01 Полевой, квантовый уровень мозга: синхронная обработка информ.	00 Веществ., нейронный уровень мозга: диахронная обработка информ.
				Вторичная ось экстенсивности

Таблица 9. Четыре уровня глубины человека по оси интенсивности и соответствующие им способности или способы функционирования

Как отображено в Таблице 9, у человека есть четыре иерархических уровня вдоль вторичной оси интенсивности (или оси глубины). Два интенсивных уровня – 11 (ум как высшая часть души) и 10 (душа как смешение ментального и материального). Эти два уровня – то, что мыслит (рассмотрены в Разделе 4). Два экстенсивных уровня – 01 (полевой) и 00 (вещественный) уровни мозга. Эти два уровня – это то, посредством чего мысль осознаётся человеком на его телесном уровне (рассмотрены в Разделе 5).

Проведём сравнение интенсивных и экстенсивных способов действия или функционирования этих уровней. Деятельность ума (ноэзис, 11) интенсивна, синхронна. Деятельность души (дианойя, 10) – экстенсивна, диахронна. Квантовая, полевая обработка информации в мозге (01) интенсивна, синхронна, холономна. Нейронная, вещественная

обработка информации в мозге (00) – экстенсивна, диахронна.

Если, следуя принципу подобия, сопоставить интенсивные (11, 01) и экстенсивные (10, 00) уровни ментального и телесного у человека, то мы увидим, что диахронный способ функционирования, который наблюдается на вещественном уровне мозга (00), присущ также дианойе (10), а синхронный способ функционирования, который мы наблюдаем на полевом уровне мозга (01), присущ также ноэзису (11).

Известные сегодня науке о сознании высшие состояния сознания – явно ноэтические по своей природе, и часто связаны с внезапным (синхронным) озарением, глубоким (по оси интенсивности) проникновением в суть вещей. Не исключено, что усиление взаимодействия квантового и полевого уровней человеческого мозга и их синхронизация могут быть вызваны «ноэзисом»²², понимаемым, в широком смысле, как любые высшие состояния сознания, при которых ум может мгновенно и целостно передать информацию мозгу, обеспечивая тем самым полноту осознания человеком этой информации. Возможно также, что квантовая когерентность может инициировать или усиливать нейронную синхронизацию, обеспечивая наиболее оптимальные условия для целостного восприятия информации.

Отметим, что существование четырёх уровней глубины человека признаётся только в идеализме²³, поскольку с материалистической точки зрения, двух высших уровней человека не существует («человек – это только тело»). При материалистической интерпретации, сравнение человека и ИИ ограничивается только экстенсивными уровнями человека – полевым (01) и вещественным (00).

С позиции материализма, ИИ по своей природе является «плоским», так как есть единственный уровень по оси интенсивности – вещественный. С позиции идеализма, у ИИ нет трёх уровней глубины из тех четырёх, которые есть у человека, а именно: отсутствует ум, рассудок и полевой уровень обработки информации, а также соответствующие способы деятельности и обработки информации: ноэзис, дианойя и квантовая когерентность.

Подведём итоги по Разделу 6. Для целостного сопоставления ума и мозга человека с ИИ, рассмотрены все четыре уровня глубины человека по оси интенсивности в их взаимосвязи. Все эти четыре уровня связаны с мыслительной деятельностью человека: два интенсивных уровня – 11 (ум, как высшая часть души) и 10 (душа как смешение ментального и материального) – это то, что мыслит, а два экстенсивных уровня – 01 (по-

22 Если признать наличие ментальной каузальности (ментальной причинности), т.е. способности ментального влиять на телесное, то ментальные процессы могут влиять на процессы, происходящие в мозге.

23 Одним из современных представителей идеализма является Бернардо Каструп – современный философ, компьютерный инженер, специалист в области искусственных нейронных сетей, утверждающий, что «...вещи представляются нам разным образом, но, по сути, в самой их природе существует только одно – то, что ментально» [18, с. 139]. Согласно Каструпу, мозг является не «генератором» субъективного опыта, а своего рода «фильтром», позволяющим, подобно радиоприёмнику, выбирать из множества существующих радиоволн, волны определённой частоты [см. 19, с. 7].

левой) и 00 (вещественный) уровень мозга – это то, посредством чего мысль осознаётся на физическом уровне. Это означает, что человек по оси интенсивности – «глубокий». У ИИ, в отличие от человека, есть только один, экстенсивный уровень, на котором осуществляется обработка информации – вещественный (00). Это означает, что ИИ по оси интенсивности – «плоский», и человек, даже если он понимается материалистически как два телесных уровня, – глубже ИИ.

7. Стратегии «углубления» «плоского» ИИ и трудности их реализации

Разделе 7 выделены три стратегии «углубления» «плоского» ИИ, и связанные с их реализацией трудности.

Для преодоления рассмотренных в разделах 4, 5 и 6 ограничений ИИ, и для его «приближения» к многоуровневой (по оси интенсивности) мыслительной системе человека, проводится поиск новых способов развития ИИ. Их можно условно разделить на три основных стратегии:

1. Разработка новых алгоритмов и архитектур ИИ на кремниевой основе

Сегодня различные компании проводят исследования, направленные на оптимизацию существующих алгоритмов и архитектур ИИ, с сохранением его кремниевой основы. Так, например, хотя у ИИ нет нейронной синхронизации в её биологическом смысле, однако искусственную нейронную сеть тоже можно синхронизировать. Так, например, для синхронизации нейронов, реализованных в виде осциллирующих генераторов, был применён нейросетевой генератор стохастических возмущений [см. 20]. Это не означает, однако, что такая синхронизация неотличима по своим характеристикам от нейронной синхронизации у живого организма. Одно из отличий состоит в том, что синхронизации в искусственных нейросетях выступает внешний для нейросети источник, тогда как синхронизация в человеческом мозге происходит (в естественных условиях) без внешнего вмешательства.

Поскольку у ИИ-систем на кремниевой основе нет квантовой когерентности, ведутся разработки квантовых компьютеров, проявляющих когерентность. Например, канадская компания “D-wave” использует алгоритм квантового отжига, или квантовой нормализации (англ. quantum annealing²⁴, сокр. QA) для создания квантового процессора. Этих квантовые процессоры демонстрируют квантовую когерентность: «...QA-кубиты становятся запутанными, и запутанность сохраняется, даже когда эти системы достигают равновесия с тепловой средой» [см. 21, с. 021041-1]. Однако когерентность биофотонной эмиссии, как и другие биофотонные эффекты, обладают особыми характеристиками, недостижимыми в ИИ-системах на небиологической основе, поскольку природа и свойства углеродной основы живой ткани мозга и кремниевой основы ИИ – фундаментально различны. Это означает, что данный подход не может привести к «углублению»

24 Квантовый отжиг, или квантовая нормализация – это алгоритм нахождения оптимальных решений задач, при реализации которого квантовая система постепенно переходит из основного состояния в самое низкое энергетическое состояние, которое и соответствует оптимальному решению. Метафорически говоря, компьютер, использующий квантовый отжиг, — это «исследователь», который, руководствуясь данным алгоритмом, ищет и находит самую низкую точку в «ландшафте», т.е. минимум сложной функции.

ИИ, и некоторые разработчики ИИ-систем решили применить другой подход – создать биогибридный ИИ.

2. Разработка биогибридного ИИ

Живые ткани обладают рядом уникальных свойств, отсутствующих у неживых объектов, в том числе, способностью к нейронной синхронизации и квантовой когерентности. Сотрудники австралийской компании “Cortical Labs” соединили живые нейроны, выращенные из человеческих стволовых клеток и формирующие биологические нейронные сети, и кремниевые архитектуры, в биогибридном ИИ. Австралийские исследователи отмечают, что в отличие от «традиционного» ИИ, биогибридные ИИ-системы высокоеффективны: таким нейронным системам «...требуется минимум энергии и обучающих данных для решения сложных задач» [22].

Однако развитие биогибридных ИИ-систем – это, по сути, создание живой ткани «мозга» вне тела, что влечёт за собой целый ряд этических, правовых и прочих вопросов, в том числе, – о статусе и этической легитимности экспериментов на человеческих нейрональных культурах, о праве на проведение таких экспериментов, о критериях демаркации «живого существа» и «машины».

3. Комбинированная стратегия: соединение новых алгоритмов и архитектур на кремниевой основе с биологическими тканями

Потенциально возможно объединение двух вышеуказанных стратегий, однако это весьма сложная задача, решение которой, с одной стороны, потребует фундаментальных междисциплинарных исследований и экспериментов на пересечении квантовой биологии, нейронауки, биоэтики и компьютерных наук, а с другой – решения всего комплекса этических, правовых и прочих вопросов, связанных с биогибридными технологиями.

Подведём итоги по Разделу 7. Выделены три стратегии «углубления» «плоского» ИИ и указаны и трудности или неэффективность в их реализации: 1. Разработка новых алгоритмов и архитектур ИИ на кремниевой основе: не может привести к «углублению» ИИ из-за невозможности достижения на небиологической основе тех же эффектов, которые наблюдаются в биологических тканях и организмах. 2. Разработка биогибридного ИИ: сопряжена со многими этическими и правовыми рисками. 3. Комбинирование стратегий 1 и 2: с одной стороны, требует фундаментальных мультидисциплинарных исследований, с другой, – наследует все проблемы и риски развития биогибридных ИИ-систем.

Выводы

1. Для рассмотрения «глубины» объектов введена четвёртая пространственная ось – ось интенсивности, или глубины, «логически ортогональная» трём экстенсивным пространственным осям, движение вдоль которой означает изменение масштаба рассматриваемых объектов.

2. Для отображения интенсивных (ментальных) и экстенсивных (телесных) аспектов человека использован метод диэрезиса, осуществляемый путём повторяющегося выделения интенсивных и экстенсивных аспектов объекта. В результате применения метода диэрезиса для рассмотрения человека, получена схема диэрезиса в первичной перспективе, отображающая ментальные и телесные аспекты человека вдоль первичной оси ин-

тенсивности. На нулевом этапе диэрезиса отображён человек как целое ($1 = \perp$). На первом этапе, в человеке выделен интенсивный аспект – ум, душа, *res cogitans*=*res intensa* (1) и экстенсивный аспект – тело человека, *res extensa* (0). На втором этапе, отражены четыре аспекта человека: ум как высшая часть души (интенсивно-интенсивный аспект, 11); душа как смещение природ ментального и материального с сущностью (экстенсивно-интенсивный аспект, 10); полевая составляющая мозга (интенсивно-экстенсивный аспект, 01), вещественная составляющая мозга (экстенсивно-экстенсивный аспект, 00).

3. Для отображения иерархии интенсивных (ментальных) и экстенсивных (телесных) уровней глубины человека по оси интенсивности, схема диэрезиса развернута ортогонально, т.е. показана во вторичной перспективе. Те четыре аспекта человека на втором этапе диэрезиса, которые были показаны в Разделе 2, рассматриваются в этой схеме во вторичной, ортогональной перспективе как четыре иерархических уровня человека.

4. Для сравнения уровней человека и ИИ по оси интенсивности, подробно рассмотрены отображённые в схемах диэрезиса интенсивные уровни человека и способы их деятельности. У человека два интенсивных уровня глубины: 1. Интенсивно-интенсивный уровень (11) – ум и его способность – ноэзис, т.е. мгновенное «вертикальное погружение» ума по оси интенсивности в область идей-эйдосов, и глубже – к беспредпосыльному началу. 2. Экстенсивно-интенсивный уровень (10) – душа и её способность – дианойя, деятельность рассудка, т.е. «горизонтальное скольжение» вдоль одного экстенсивного уровня по оси интенсивности, на котором пребывает сама душа как смещение природ – в области мыслеобразов чувственно-воспринимаемого мира. Что касается искусственного «интеллекта», то у него интенсивные уровни – ум (11) и рассудок (10) – отсутствуют.

5. Подробно рассмотрены отображённые в схемах диэрезиса экстенсивные уровни человека и ИИ, а также способы их функционирования. У человека два экстенсивных (телесных) уровня по оси интенсивности, и на обоих проводится обработка информации: 1. Интенсивно-экстенсивный уровень (01) – это полевая, квантовая составляющая человеческого мозга; способ обработки информации на этом уровне – синхронный, холономный, биофотонный, на основе квантовых процессов, в том числе, квантовой когерентности. 2. Экстенсивно-экстенсивный уровень (00) – это вещественная, нейронная составляющая мозга; способ обработки информации на этом уровне – диахронный, на основе нейронных процессов, в том числе, – посредством нейронной синхронизации. И квантовая когерентность, и нейронная синхронизация осуществляются в человеческом мозге без внешнего вмешательства.

ИИ на кремниевой основе осуществляет обработку информации только на вещественном, экстенсивно-экстенсивном уровне ИИ (00), то есть на кремниевой основе, диахронным, алгоритмическим способом. Поскольку поле неотделимо от вещества, у ИИ есть интенсивно-экстенсивный уровень (01), т.е. полевая составляющая. Однако на этом уровне не совершается полезной работы, т.е. не проводится обработка информации, а фотонная эмиссия, при её наличии, не является когерентной. Хотя у одного из типов ИИ – искусственных нейронных сетей – есть искусственные «нейроны», но из-за их не-

биологической природы, они не способны к нейронной синхронизации. Таким образом, ИИ на кремниевой основе не способен к квантовой когерентности, а следовательно, к синхронной обработке информации на полевом уровне. Также ИИ не способен к нейронной синхронизации, а значит даже на вещественном уровне имеет некоторые ограничения, по сравнению с биологическими тканями мозга.

6. Для целостного сопоставления ума и мозга человека с ИИ, рассмотрены все четыре уровня глубины человека по оси интенсивности в их взаимосвязи. Все эти четыре уровня связаны с мыслительной деятельностью человека: два интенсивных уровня – 11 (ум, как высшая часть души) и 10 (душа как смешение ментального и материального) – это то, что мыслит, а два экстенсивных уровня – 01 (полевой) и 00 (вещественный) уровень мозга – это то, посредством чего мысль осознаётся на физическом уровне. Это означает, что человек по оси интенсивности – «глубокий». У ИИ, в отличие от человека, есть только один, экстенсивный уровень, на котором осуществляется обработка информации – вещественный (00). Это означает, что ИИ по оси интенсивности – «плоский», и человек, даже если он понимается материалистически как два телесных уровня, – глубже ИИ.

7. В завершение выделены три стратегии «углубления» «плоского» ИИ и указаны и трудности или неэффективность в их реализации: 1. Разработка новых алгоритмов и архитектур ИИ на кремниевой основе: не может привести к «углублению» ИИ из-за невозможности достижения на небиологической основе тех же эффектов, которые наблюдаются в биологических тканях и организмах. 2. Разработка биогибридного ИИ: со пряжена со многими этическими и правовыми рисками. 3. Комбинирование стратегий 1 и 2: с одной стороны, требует фундаментальных мультидисциплинарных исследований, с другой, – наследует все проблемы и риски развития биогибридных ИИ-систем.

Список литературы

1. The Geometry of René Descartes / Transl. from the French and Latin by D.E. Smith and M.I. Latham with a Facsimile of the First Edition, 1637. – Chicago, London: The Open Court Publishing Company, 1925. – 246 р.
2. Декарт Р. Возражения некоторых ученых мужей против изложенных выше «Размышлений» с ответами автора. // Сочинения в 2 т. Т. 2 / Пер. с лат. и фр.; Сост., ред. и примеч. В.В. Соколова. – М.: Мысль, 1994. – С. 73–417. – (Филос. наследие). – ISBN 5-244-00022-5.
3. Изотов А.Д. Фракталы: делимость вещества как степень свободы в материалировании [Текст]: монография / А.Д. Изотов, Ф.И. Маврикиди. – Самара: Изд-во Самар. гос. аэрокосм. ун-та, 2011. – 128 с.: ил. – ISBN 978-5-7883-0834-0.
4. Йога-сутра Патанджали. Комментарии. – Минск: Изд-во «Ведантамала», 2006. – 388 с. – ISBN 987-3517-03-0.
5. Hölder O. Die Axiome der Quantität und die Lehre vom Maß / Otto Hölder // Berichte über die Verhandlungen der königlich sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften

- zu Leipzig mathematisch-physische Classe. – Leipzig: Bei B.G. Teubner, 1901. – Band 53. – S. 1–64.
6. Платон. Государство // Собр. соч. в 4 т. Т. 3 / Пер. с др.- греч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – С. 79–420. – (Филос. наследие). – ISBN 5-244-00385-2.
 7. Платон. Тимей // Собр. соч. в 4 т. Т. 3 / Пер. с др.- греч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – С. 421–500. – (Филос. наследие). – ISBN 5-244-00385-2.
 8. A Greek-English Lexicon / Comp. by Henry George Liddell and Robert Scott. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 2042 p. – ISBN 0 19-864226-1.
 9. Платон. Софист // Собр. соч. в 4 т. Т. 2 / Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Примеч. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи; Пер. с др.-греч. – М.: Мысль, 1993. – С. 275–345. – (Филос. наследие). – ISBN 5-244-00385-2.
 10. Bohm D. Wholeness and the Implicate Order. – Taylor & Francis e-Library, 2005. – 284 p. – ISBN 0-203-99515-5.
 11. Hameroff S., Penrose R. Consciousness in the universe: A review of the ‘Orch OR’ theory / Stuart Hameroff, Roger Penrose // Physics of Life Reviews. – 2014. – Vol. 11, Issue 1. – P. 39–78.
 12. Salari V., et al. Imaging Ultraweak Photon Emission from Living and Dead Mice and from Plants under Stress / V. Salari, et al. // The Journal of Physical Chemistry Letters. – 2025. – Vol. 16, Issue 17. – P. 4354–4362.
 13. Прибрам К. Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии / Пер. с англ. Н.Н. Даниловой и Е.Д. Хомской; Под ред. и с предисл. А.Р. Лурия. – Москва: «Прогресс», 1975. – 464 с.
 14. Mayburov S.N. Photonic communications in biological systems / S.N. Mayburov // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Физико-математические науки». – 2011. – № 2 (23). – С. 260–265.
 15. Popp F.-A., Gu Q., Li K.-H. Biophoton Emission: Experimental Background and Theoretical Approaches / F.-A. Popp, Q. Gu, K.-H. Li // Modern Physics Letters B. – 1994. – Vol. 8, Issue 21–22. – P. 1269–1296.
 16. Fries P. A Mechanism for Cognitive Dynamics: Neuronal Communication through Neuronal Coherence / Pascal Fries // Trends in Cognitive Sciences. – 2005. – Vol. 9, Issue 10. – P. 474–480. – ISSN 1364-6613.
 17. Fries P. Rhythms for Cognition: Communication through Coherence / Pascal Fries // Neuron. – 2015. – Vol. 88, Issue 1. – P. 220–235.
 18. Каstrup Б., Ильин М.В., Фомин И.В. Бернардо Каstrup: Я бы поспорил с Декартом – дуальности движут Вселенной, но в метафизическом дуализме субстанций нет необходимости / Б. Каstrup, М.В. Ильин, И.В. Фомин // Метод: Моск. ежегод. трудов из обществоведч. дисципл.: сб. науч. тр. / Гл. ред. М.В.

- Ильин. – М., 2020. – Вып. 10. – С. 137–156.
19. Kastrup B. A Paradigm-Breaking Hypothesis for Solving the Mind-Body Problem / Bernardo Kastrup // Paranthropology: Journal of Anthropological Approaches to the Paranormal. – Vol. 3, № 3. – P. 4–12.
20. Лавренков Ю.Н., Цыганков И.С. Синхронизация популяции нейронов с применением нейросетевого генератора стохастических возмущений / Ю.Н. Лавренков, И.С. Цыганков // Символ науки. – 2017. – № 01–2. – С. 77–81. – ISSN 2410-700x.
21. Lanting T., et al. Entanglement in a Quantum Annealing Processor / T. Lanting, et al. // Physical Review. – 2014. – Vol. 4, Issue 2. – P. 021–041.
22. Cortical Labs Official website: – URL: <https://corticallabs.com/> (дата обращения: 09.06.2025).

Сведения об авторе

Зудилина Надежда Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь.
E-mail: nadiya.zudilina@gmail.com

Zudilina N. V.

HUMAN MIND AND BRAIN VS. ARTIFICIAL “INTELLIGENCE”: INTENSIVE AND EXTENSIVE ASPECTS

*To compare humans and artificial intelligence, a fourth spatial axis has been introduced – the intensiveness axis, or depth axis, movement along which means a change in the scale of the objects under consideration, for example, the transition from the level of molecules and atoms (substance) to the level of subatomic particles (field). To display the levels of depth of an object, the method of diaeresis (i.e. repeated division into two in the same manner) is used, carried out by distinguishing the intensive and extensive aspects of the object. The diaeresis scheme, in the primary perspective of its consideration, displays the intensive (mental) and extensive (corporeal) aspects of a human along the primary intensiveness axis, and in the secondary (orthogonal) perspective – the intensive (mental) and extensive (corporeal) levels of a human along the secondary intensiveness axis. From the idealist perspective, a human has four levels of depth along the intensiveness axis. Two intensive levels are that what thinks: 1. The intensively-intensive level (11) is the mind (*Noûs*) as the highest part of the soul; the faculty of the mind is *noesis*, i.e. synchronous, immediate intuitive apprehension of the eidetic. 2. The extensively-intensive level (10) is the soul as a mixture of the natures of the mental and the material with essence; the faculty of the soul is *dianoia*, i.e. reasoning, diachronic, discursive thinking. Two extensive levels are that by which thought becomes conscious to a human at his corporeal level. 3. The intensively-extensive level (01) is the field, quantum component of the human brain; the method of processing information at this level is synchronous, based on*

quantum processes, including through quantum coherence. 4. The extensively-extensive level (00) is the substantial, neural component of the brain; the method of processing information is diachronic, based on neural processes, including through neural synchronization. This means that a human is “deep” along the intensiveness axis. Artificial “intelligence” does not have intensive levels, i.e. mind (11) and soul (10). Although AI has a field level (01), no information processing occurs at it. Neural synchronization does not occur in AI; it does not process information synchronously, instantly. “Traditional” AI processes information only in a diachronic, algorithmic way, at the substantial, extensively-extensive level (00), i.e. on a silicon basis. This means that AI is “flat” along the intensiveness axis, and a human, even if understood materialistically, as two corporeal levels (field and substantial), is “deeper” than AI. Three strategies for “deepening” “flat” AI can be distinguished, but each of them is difficult to implement or ineffective: 1. Development of new algorithms and silicon-based AI architectures: cannot lead to “deepening” of AI due to the preservation of the non-biological basis of AI. 2. Development of biohybrid AI: associated with many ethical and legal risks. 3. Combination of strategies 1 and 2: requires fundamental multidisciplinary research, inherits all the problems and risks of developing biohybrid AI systems.

Key words: diaeresis, intensive, extensive, hierarchy, depth, noesis, dianoia, quantum coherence, neural synchronization.

References

1. The Geometry of René Descartes / Transl. from the French and Latin by D.E. Smith and M.I. Latham with a Facsimile of the First Edition, 1637. – Chicago, London: The Open Court Publishing Company, 1925. – 246 p.
2. Descartes R. Objections of some learned men against the above-stated “Meditations” with the author’s responses [Возражения некоторых ученых мужей против изложенных выше «Размышлений» с ответами автора] // Works in 2 vol. Vol. 2 / Transl. from Latin and French; Comp., ed. and Notes by V.V. Sokolova. – M.: Mysl’, 1994. – P. 73–417. – (Filosofskoe nasledie). – ISBN 5-244-00022-5.
3. Izotov A.D., Mavrikidi F.I. Fractals: divisibility of Matter as a Degree of Freedom in Materials Science [Фракталы: делимость вещества как степень свободы в материаловедении] / A.D. Izotov, F.I. Mavrikidi. – Samara: Samara State Aerospace University Press, 2011. – 128 p: illustr. – ISBN 978-5-7883-0834-0 (in Russian).
4. Yoga Sutras of Patanjali. Commentary [Йога-сутра Патанджали. Комментарии]. – Minsk: Vedantamala Publishing House, 2006. – 388 p. – ISBN 987-3517-03-0.
5. Hölder O. Die Axiome der Quantität und die Lehre vom Maß / Otto Hölder // Berichte über die Verhandlungen der königlich sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig mathematisch-physische Classe. – Leipzig: Bei B.G. Teubner, 1901. – Band 53. – S. 1–64.
6. Plato. Republic [Государство] // Collected works in 4 vol. Vol. 3 / Transl. from ancient Greek; General eds. A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-Godi; Introductory article

- and articles in Notes by A.F. Losev; Notes by A.A. Takho-Godi. – Moscow: Mysl', 1994. – P. 79–420. – (Filosofskoe nasledie). – ISBN 5-244-00385-2.
7. Plato. Timaeus [Тимей] // Collected works in 4 vol. Vol. 3 / Transl. from ancient Greek; General eds. A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-Godi; Introductory article and articles in Notes by A.F. Losev; Notes by A.A. Takho-Godi. – Moscow: Mysl', 1994. – P. 421–500. – (Filosofskoe nasledie). – ISBN 5-244-00385-2.
 8. A Greek-English Lexicon / Comp. by Henry George Liddell and Robert Scott. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 2042 p. – ISBN 0 19-864226-1.
 9. Plato. Sophist [Софист] // Collected works in 4 vol. Vol. 2 / General eds A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-Godi; Notes by A.F. Losev and A.A. Takho-Godi; Transl. from ancient Greek. – Moscow: Mysl', 1993. – P. 275–345. – (Filosofskoe nasledie). – ISBN 5-244-00385-2.
 10. Bohm D. Wholeness and the Implicate Order. – Taylor & Francis e-Library, 2005. – 284 p. – ISBN 0-203-99515-5.
 11. Hameroff S., Penrose R. Consciousness in the universe: A review of the ‘Orch OR’ theory / Stuart Hameroff, Roger Penrose // Physics of Life Reviews. – 2014. – Vol. 11, Issue 1. – P. 39–78.
 12. Salari V., et al. Imaging Ultraweak Photon Emission from Living and Dead Mice and from Plants under Stress / V. Salari, et al. // The Journal of Physical Chemistry Letters. – 2025. – Vol. 16, Issue 17. – P. 4354–4362.
 13. Pribram K. Languages of the Brain: Experimental Paradoxes and Principles in Neuropsychology [Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии] / Transl. from English by N.N. Danilova and E.D. Khomskaya; Ed. and with a preface by A.R. Luria. – Moscow: Progress, 1975. – 464 p.
 14. Mayburov S.N. Photonic Communications in Biological Systems / Sergey N. Mayburov // Vestnik of Samara State Technical University. Series “Physical and Mathematical Sciences”. – 2011. – Issue 2 (23). – P. 260–265.
 15. Popp F.-A., Gu Q., Li K.-H. Biophoton Emission: Experimental Background and Theoretical Approaches / F.-A. Popp, Q. Gu, K.-H. Li // Modern Physics Letters B. – 1994. – Vol. 8, Issue 21–22. – P. 1269–1296.
 16. Fries P. A Mechanism for Cognitive Dynamics: Neuronal Communication through Neuronal Coherence / Pascal Fries // Trends in Cognitive Sciences. – 2005. – Vol. 9, Issue 10. – P. 474–480. – ISSN 1364-6613.
 17. Fries P. Rhythms for Cognition: Communication through Coherence / Pascal Fries // Neuron. – 2015. – Vol. 88, Issue 1. – P. 220–235.
 18. Kastrup B., Ilyin M.V., Fomin I.V. Bernardo Kastrup: I Would Argue with Descartes – Dualities Drive the Universe, but There Is No Need for Metaphysical Dualism of Substances [Я бы поспорил с Декартом – дуальности движут Вселенной, но в метафизическом дуализме субстанций нет необходимости] / B. Kastrup, M.V. Ilyin, I.V. Fomin // Metod: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines: Coll. of scientific papers / Ed.-in-Chief M.V. Ilyin. – Moscow, 2020. –

- Issue 10. – P 137–156.
19. Kastrup B. A Paradigm-Breaking Hypothesis for Solving the Mind-Body Problem / Bernardo Kastrup // Paranthropology: Journal of Anthropological Approaches to the Paranormal. – Vol. 3, № 3. – P. 4–12.
 20. Lavrenkov Yu.N., Tsygankov I.S. Synchronization of a population of neurons using a neural network stochastic disturbance generator [Синхронизация популяции нейронов с применением нейросетевого генератора стохастических возмущений] // Simvol nauki. – 2017. – No. 01–2. – P. 77–81. – ISSN 2410-700h.
 21. Lanting T., et al. Entanglement in a Quantum Annealing Processor / T. Lanting, et al. // Physical Review. – 2014. – Vol. 4, Issue 2. – P. 021–041.
 22. Cortical Labs Official website: – URL: <https://corticallabs.com/> (дата обращения: 09.06.2025).

Zudilina Nadezhda Victorovna – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Faculty of Philosophy, Department of Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

E-mail: nadiya.zudilina@gmail.com

УДК 165.4+304.2

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-2-31-45

ПОСТИСТИНА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ СИМПТОМ И ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Нефедев С. Н.

Аннотация: В статье исследуются специфические характеристики дискурса постправды, присущего современной социальной коммуникации. Постправда представлена как социально-эпистемологический, а постистина – как социально-онтологический феномены. Постправда рассматривается как когнитивное искажение, укорененное в структуре буржуазной социальной идентичности, характеризующее эмотивистский тип личности и социально-манипулятивный тип отношений. Обосновывается положение согласно которому роль онтологического основания дискурса постправды выполняет новый тип информационных объектов – «фактоиды». Специфика их функционирования в информационно-коммуникативном пространстве описывается в категориях не бинарной, а трехзначной логики, предполагающей кроме истины и лжи еще третий модус – неизвестность, неопределенность. Недоопределенный эпистемологический статус «фактоида» не свидетельствует о какой-либо его ущербности по сравнению с фактом, а является специфическим свойством, указывающим на вероятностный характер его онтологии. Утверждается, что постистинностная трактовка онтологического статуса смысла как морально-этически и эпистемологически нейтрального, легитимирует его использование в качестве инструмента политики постправды. Делается вывод о том, что постистинностный дискурс носит перформативный характер. В связи с чем его можно рассматривать не только как описательный – специфически спекулятивно-рыночный способ презентации реальности, но и как: 1) производящую «фактоиды» перформативную технологию формирования дополненной реальности, 2) инструмент гуманитарно-технологического конструирования социальной идентичности.

Ключевые слова: постправда, постистина, дискурс, идентичность, эмотивизм, фактOID.

Понятие постправда/постистина одно из наиболее обсуждаемых в современной публицистике, междисциплинарных и социальных исследованиях. Констатировал появление феномена «постправды» как факта современной общественной жизни в 1992 году американский драматург Стив Тешич в статье «Правление лжи» для журнала The Nation. С помощью словосочетания «постистинный мир» (post-truth world) он определил ситуацию, в которой оказался американский народ, предпочтя самолюбие правде, выбрав отвечающие приемлемой корпоративной картине мира пропаганду и цензуру [1, с. 287–288]. В 2004 г. Ральф Киз (R. Keyes) охарактеризовал дискурс, преодолевающий

дуализм правды и лжи, как ориентированный на обогащение правды; сообщение большего, чем правда; смягчение правды; подачу улучшенной правды; представление правды в выгодной перспективе [2, р. 15–16].

Постправда как социальный симптом

Рассматривать «постправду» исключительно как специфический социально-психологический, масс-медиийный или политический феномен в жизни современного общества уже явно недостаточно. Британский социальный эпистемолог Стив Фуллер в своей работе «Post-Truth. Knowledge as a Power Game» (2018) разработал социально-онтологический концепт «постистины» как истока и основания дискурса «постправды». В своем исследовании он сделал акцент не столько на инструментально-манипулятивных аспектах постправды, сколько на эмансилирующем и социотворческом потенциале постистины [3]. Анализ социально-коммуникативного феномена «постправды» во взаимосвязи с его онтологическими – «постистинностными» основаниями, позволяет открыть новую философскую перспективу в осмыслении мира, общества и человека, характере их взаимосвязи и взаимодействия.

Рассмотрим «ситуацию постправды» в современном обществе как комплексный феномен в его симптоматическом и инструментальном измерениях, а также попытаемся выяснить, какую роль в социальных практиках играет это явление.

Русский язык, в отличие от английского, позволяет аналитически и терминологически различить два измерения единого комплексного феномена «post-truth»: 1) «постправду» как социально-эпистемологический и 2) «постистину» как социально-онтологический феномены.

Первой в поле зрения профессионалов в сфере СМИ, массовых коммуникаций, политологов, специалистов по связям с общественностью попала «постправда». Филологический и социально-психологический анализ этого явления в 2005 году в работе «On bullshit» (в русском переводе 2008 г. «К вопросу о брехне») провел профессор философии в Йеле Гарри Г. Франкфурт. Им были рассмотрены присущие современному западному обществу философские основания мышления и действия, обязывающие людей фальшивить – искренне и убежденно лгать. Г. Франкфурт отмечает, что в мире возник мощный запрос на специфический вид лжи, безразличный к действительному положению дел [4]. Ли Макинтайр, в свою очередь, характеризует постправду не как предвзятое (*biased* – англ.), а как мотивированное (*motivated* – англ.) мышление [см. 5]. Таким образом, появляются основания рассматривать феномен «постправды» как самостоятельное, объективное, не тождественное лжи явление, порожденное в процессе социального развития, органично присущее определенному типу культуры и оказывающее специфическое воздействие на человеческую природу.

Постправда как когнитивное искажение, укорененное в структуре буржуазной социальной идентичности

В современной социальной теории и политической философии происходит вытеснение понятий социально-классовой и политической идеологии понятиями идентичности, идентификации, а политические процессы осмысливаются в терминах «борьбы за

признание» и «политик идентичности». Понятия «идентичность» и «идеология» можно рассматривать не только в качестве общественных форм сознания, но и как доступные для конструирования посредством гуманитарных технологий структуры «социального бессознательного» (терм. Э. Фромма). Американский психолог Дэвид Даннинг полагает, что когнитивные искажения связаны с базовыми элементами человеческой идентичности, самоидентификации [см. 6].

Согласно справедливому замечанию А. Макинтайра, «неверно отделять историю Я (идентичности, «социального характера» – С.Н.) и его ролей от истории языка, который специфицирует это Я и через который роли получают выражение» [7, с. 52]. А.И. Кольба предполагает, что «использование постправды в качестве средства формирования картины мира современного человека и идентичности больших и малых сообществ отражает длительный тренд, порожденный глубоким кризисом идентичности в разных его измерениях» [8, с. 417].

Социально-психологический характер запроса на постправду в перспективе социальной идентификации можно рассматривать как вызванное определенными социальными условиями «когнитивное искажение», поразившее общества делиберативных демократий. Таким образом ее рассматривает известный американский политолог Том Николс. Анализируя распространенные в современном американском обществе познавательные установки, он приходит к заключению, что современный массовый человек «уже прошел черту “неверно информированного”, а теперь катится в сторону “агрессивно заблуждающегося”. Люди не просто верят глупостям, они активно сопротивляются процессу познания и не хотят отказываться от своих ошибочных убеждений» [6]. Известная еще с античных времен подмена «эпистемы» (истины) «доксой» (мнением) усиливается либерально-демократическим, массово-коммуникативным характером современных обществ.

Антипросветительские установки индивидуализированных и фрагментированных обществ массовой коммуникации Т. Николс характеризует как антиавторитаристскую «новую Декларацию независимости», согласно которой незнание объявляется правом и достоинством человека, отвержение научных знаний и суждений экспертов приравнивается к отстаиванию своей независимости. Согласно его оценке, постправда – это не постмодернистское игровое безразличие к истине, а «враждебность» к иной точке зрения, убеждениям, отличным от своих собственных, «агрессивное вытеснение экспертных суждений или традиционных знаний и замена их твердым убеждением, что каждое мнение по любому вопросу так же хорошо, как любое другое» [6]. По мнению Т. Николса, «неприятие экспернского знания … это не столько недоверие, вопрос или поиск альтернатив, сколько нарциссизм в сочетании с презрением к чужой компетентности, то есть своего рода попытка самоутверждения» [6]. Таким образом, восприятие постправды как новой нормы социальной коммуникации можно рассматривать как особого рода «политику идентичности».

Дискурс постправды представляет собой квинтесценцию буржуазной спекулятивно-рыночной репрезентации реальности. Ральф Киз справедливо отмечает, что «расту-

щая нечестность связана не столько с упадком этики, сколько с социальным контекстом, не уделяющим достаточного внимания правдивости» [2, р. 17]. Постправдивость («новая искренность») – социально значимая манипулятивная форма лицемерия, идеологический инструмент гегемонии в сфере общественного сознания. Будучи укорененной в «приватной тайне» происхождения частной собственности (первоначального накопления капитала) и присвоения прибавочной стоимости, она эволюционирует в полуправду рекламы и маркетинговых стратегий как легализованных форм мошенничества, многообразных манипулятивных социально-технологических способов получения прибыли. Выявить социально-экономические и идеологические аспекты распространения постправды в капиталистических обществах, стать методологической основой комплексного анализа постправды как феномена рыночного общества позволяет формационный подход.

Постправда и эмотивизм

В обществе с антагонистическими противоречиями интересов социальных групп невозможно бесконфликтное изменение социальной позиции угнетаемых. Вместо реальной гуманизации социальных отношений в антропоцентрической парадигме свободы, равенства, братства, любви, осуществляется их симуляция. Дискурс постправдивости, выступая проявлением постистинностной онтологии социальных отношений, вместе с тем служит способом ее скрытия от критической рефлексии и этической оценки.

Социальные условия формирования постправдивых коммуникативных установок тесно связаны с онтологическими трансформациями истины в постистину, эмотивистскими трансформациями морали и человеческой идентичности. Р. Киз отмечает, что в ситуации противоречия поведения ценностям, современный человек более склонен переосмысливать ценности, чем менять свое поведение [2, р. 13]. Не случайно именно в развитом буржуазном обществе на рубеже XIX–XX вв. возникает аксиология, теоретически обосновывающая иерархизацию ценностей и тем самым закладывающая основы для преодоления бинарно-оппозиционной логики не только классической этики (добро/зло; честь/бесчестие), но и социально-эпистемологической оппозиции правда/ложь. Р. Киз констатирует, что были «придуманы обоснования для фальсификации правды», что позволило теоретически и мировоззренчески легитимировать этические системы, в которых притворство считается приемлемым [2, р. 13].

Социально-эпистемологический подход к анализу социальной коммуникации, позволяющий установить ее связь с процессами идентификации и формирования манипулятивных типов социального характера в форме критики эмотивизма как мировоззренческой установки в своей работе «После добродетели» (1981 г.) использовал Аласдер Макинтайр [7, с. 19–52]. «Эмотивизм есть доктрина, согласно которой все оценочные суждения <...> есть ни что иное, как выражения предпочтения, установки или чувства», и как таковые «ни истинны, ни ложны», но «мы используем моральные суждения не только для того, чтобы выразить наши чувства и установки, но и для того, чтобы произвести такие воздействия на других» [7, с. 19]. А. Макинтайр особо отмечает коммуникативно-прагматическую трактовку эмотивизма, предложенную К.Л. Стивенсоном в 1945 г., согласно которой «предложение «Это хорошо» означает <...> «Я одобряю это – так

что делай это»; при этом обеспечивается функция морального суждения (1) как средства выражения позиции говорящего, а также (2) функция морального суждения как средства влияния на позицию слушающего» [7, с. 20]. Теория значения в манипулятивных целях может подменяться теорией употребления, а возникающий в таком случае «конфликт значения и употребления выражался бы в том, что значение скрывало употребление и мы не могли бы сделать надежный вывод о том, что делает тот, кто произносит моральное суждение, просто слушая, что он говорит. Больше того, субъект сам мог бы оказаться среди тех, для кого употребление скрывается значением» [7, с. 22].

Манипулятивная сила эмотивизма заключается в подмене на уровне презентации корыстного личного интереса обезличенными ценностями (морально-этическими, культурными и прочими) и апелляции к ним как легитимизирующем основаниям предпочтений, выбора и действий. А. Макинтайр показывает, что практическое использование «общего тезиса эмотивизма, переинтерпретированного в теорию употребления», позволяет объяснить процесс «морального упадка», характеризующий социальную коммуникацию XX века [7, с. 28–29]. В итоге он приходит к выводу, что «эмотивизм стал частью нашей культуры» и теперь «мы живем в специфично эмотивистской культуре» [7, с. 33–34], особенность которой состоит в стирании различия между манипулятивными и неманипулятивными социальными отношениями [7, с. 36–38]. Показательно, что в социальной теории М. Вебера вопрос о целях отождествляется с вопросом о ценностях, а ценности создаются человеческими решениями [7, с. 39].

Эмотивизм становится процветающей моральной теорией лишь в XX веке [7, с. 22]. Постистина же как онтологически-когнитивная концепция и постправда как коммуникативно-прагматическая стратегия, зародившись в конце прошлого столетия, достигают своего расцвета в первой четверти XXI века. Значимость постистины состоит в скрывающей подмене иррационального рациональным (процедуре рационализации), частного – универсальным (оппортунизм как норма социальной коммуникации), выдача случайного за закономерное (в рамках концепции «контингентности»).

Кондрфактический и смысловой аспекты политики постправды в конструировании идентичности

Механизм действия и способ легитимации постправды укоренены в эмотивистском принципе подмены фактических суждений либо оценочными, либо кондрфактическими утверждениями. С.В. Тихонова отмечает, что «постправда как трансляция субъективности основана на репрезентации личного субъективного опыта познания мира, т. е. ее ядром является обычное знание, на платформе которого формируются личная история, личный опыт и личная правда, подменяющие объективные данные. <...> Через постправду люди и познают, и одновременно выражают себя, создают идентичности и вступают в коллективные действия» [9, с. 289]. В свою очередь, И.С. Семененко констатирует, что в условиях системного кризиса либеральной модели политического порядка «в международном политическом пространстве идет борьба за привлекательные смыслы и модели развития, принимающая формы “борьбы за идентичность”», поскольку в этих условиях становится актуальной возможность использования идентичности в качестве

нематериального ресурса общественного развития, а «предотвращение конфликтов идентичностей становится ключевой проблемой практической политики государства в условиях растущего социокультурного многообразия современных обществ» [10, с. 9–14]. Подходы к разрешению социальных конфликтов и противоречий предлагается осуществлять посредством «выявления смыслов, которые могут служить надежными скрепами и стимулировать развитие», используя социально-мобилизационный потенциал гуманитарных технологий [10, с. 15]. И.С. Семененко отмечает, что конструирование «цивилизационных поворотов» «становится важной составляющей дискурсивной силы государств, стремящихся противостоять претендующему на универсальность “порядку, основанному на правилах”» [10, с. 15]. Характерный для модернистских обществ «идеологический» подход, заменяется конструкционистским гуманитарно-технологическим.

Современная культурфилософская (квази-культурологическая) цивилизационная парадигма предлагает методологическую альтернативу социальному (социологическому) подходу в анализе социальных и политических противоречий. Нетрудно заметить, что в рамках новой интерпретационной парадигмы социальнно-исторического познания происходит подмена конфликта реальных групповых интересов – социально-классовых, межэтнических, межконфессиональных, межгосударственных (в том числе и империалистических) – понятиями «конфликта интерпретаций» (П. Рикер), «конфликта цивилизаций» (С. Хантингтон), «конфликта идентичностей». Формируется представление о том, что объективные социально-экономические и политические противоречия могут быть сведены к культурно-ценностным и, соответственно, разрешены идеальным (ценностно-смысловым) образом, посредством гуманитарно-технологической реконструкции ценностно-смысловой сферы жизни общества. В целях преодоления указанных методологических ошибок в познании социальной реальности целесообразно обратиться к постметафизическим – не «фундаментально-онтологическим», а эмпирическим – подходам и способам анализа проблем.

Как отмечает О.Ю. Малинова, сторонники политики идентичности стремятся «сместить акценты со ставших традиционными для западной политики второй половины XX в. проблем распределительной (экономической) справедливости на вопросы, связанные с символической (культурной) несправедливостью» [11, с. 85]. В качестве побудительных причин социального действия общественными науками начинают рассматриваться «не интересы и нормы, а идентичности и солидарность», что ведет к «критике идеи универсального актора», создает условия для замещения универсальной истины и соотносимой с ней правды партикуляристской и ангажированной постправдой [11, с. 86]. В такой социально-эпистемологической перспективе феномен «политкорректности» – новая версия левой идеологии, пришедшая на смену марксизму и либерализму, а также «культура отмены» (бойкот, игнорирование и элиминация значимых фрагментов социальной действительности) выступают конкретными формами политики постправды [11, с. 86].

С позиций акторно-сетевой теории, согласно Г. Харману, можно говорить о двух модусах существования политики: «политике истины» (truth politics) и «политике силы» (power politics). Политику идентичности (identity politics) можно рассматривать как ле-

вую версию «политики силы» в ее постмодернистской трактовке [12, с. 91]. В целом же, постправду можно рассматривать в качестве универсального инструмента различных (как левых, так и правых) версий «политики силы», важной составляющей гуманитарных технологий. Дискурс постправды либо прямо, либо косвенным образом способен оказывать влияние на формирование любых типов идентичности.

Фактоиды в сфере массовой коммуникации и дискурсе постправды

Распространение в сфере социальной коммуникации постправды служит симптомом «кризиса факта». Согласно У. Дэвису в настоящее время происходит цивилизационная трансформация общества фактов в общество данных, в результате которой складывается ситуация, в которой «можно жить в мире данных, но без фактов» [13]. Р.В. Жолудь отмечает, что данные «собираются автоматически, с помощью различных устройств и приложений, которые фиксируют поведение пользователей. Функция таких данных (big data) кардинально отличается от функций классических фактов. Если факт был средством доказывания в общественном диалоге, в поиске оптимального решения, то данные демонстрируют настроение аудитории, позволяют прогнозировать ее поведение, подстраиваться под ее вкусы и ожидания. Факт как свидетельство о реальности обесценивается для коммуникатора: зачем доказывать что-то, если можно просчитать предпочтения аудитории и предложить ей ту информацию, которая будет воспринята с большим доверием?» [14, с. 119].

В системе массовой коммуникации место факта занимает «фактоид», принимающий вид факта. Он становится онтологическим основанием дискурса постправды, содержательным компонентом «фейковых» сообщений в среде массовой коммуникации. «Фактоид – это любая информация (идея, теория, гипотеза, набор идей и т. д.), представленная 1. в форме истины, но 2. степень истинности которой не может быть подтверждена без дополнительной информации» [15]. Фактоид можно интерпретировать как факт в интенциональном смысле. Информационные процессы в среде электронной массовой коммуникации подобны информационным процессам, протекающим в сознании. Аналогичным образом, factoид дан в восприятии непосредственным и до-рассудочным образом, в модусе вероятности.

Еще Р. Киз обратил внимание на то, что «эпоха постправды характеризуется существованием не только правды и лжи, но и третьей категории двусмысленных утверждений, которые одновременно являются и не совсем правдой, но в то же время и не дотягивают до лжи» [2, р. 14]. Вслед за этим, Т. ДеМишель выдвигает предположение, что лучшие перспективы в понимании природы фактоида открывает не построенная на оппозиции «истина – ложь» бинарная логика, а трехзначная логика, предлагающая три равноправные измерения: «правда, ложь и неизвестность» [15]. Фактоид сохраняет аспект неопределенности, в условиях невозможности его проверки без дополнительной информации. Его можно представить, как «информационный объект» релевантный вероятностной (квантовой?) логике. В данном случае мы имеем дело с возвращением от гносеологической истины к публичной интерсубъективно достоверной «доксе», к неразличимости, отождествлению индивидуальных и коллективных представлений.

Распространенный в современной коммуникации способ представления информации – утверждение чего-либо в качестве факта, которое сопровождается пояснением, содержащим в себе модальные расширения: «но это неточно», либо «highly likely» («с высокой вероятностью», «скорее всего»). Можно предположить, что таков в целом специфичный способ существования информационных объектов в характерной для современной информационной цивилизации конвергентной цифровой медиасреде.

Формирование альтернативных реальностей, на основе «больших баз данных», по своему алгоритму напоминает структуру «гиперромана», разворачивающегося интерактивным и перформативным образом в траектории, отражающие интересы и ценностные предпочтения потребителя информации в соответствии с выбираемыми им «тегами».

Согласно Ю.В. Шатину, фактоиду как информационному объекту присущи следующие характерные особенности:

1. Альтернативность – принципиальная (потенциальная) открытость интерпретациям: «для того чтобы стать постправдой, событие должно содержать потенциал развития. При этом в ходе развертывания фабульного ядра в сюжетное целое оно должно сопровождаться альтернативными версиями, которые либо отрицают наличие самого факта, либо обеспечивают его противоположную интерпретацию» [16, с. 254].

2. Неопределенность – актуальная открытость интерпретациям, вовлекающая потребителя информации в процесс ее производства посредством сознательства и вирусного распространения. «Самым важным элементом нарратива постправды оказывается незавершенность финала. Весь риторический эффект данного феномена мгновенно бы испарился, если бы событие однозначно всеми было воспринято как правда или как ложь. <...> Постправда возможна лишь как длящееся событие с неизбежным наращиванием фактов, истинность каждого из которых не может быть ни опровергнута, ни доказана. Постправда – это всегда риторическое пограничье нашего сознания, оставляющее окончательный выбор за интерпретантом» [16, с. 254].

Социально-конструирующая роль лидеров общественного мнения в ситуации постправды меняется. Она перестает носить социально-консолидирующий характер (как в идеологической, так и в делиберативно-консенсусной форме). Поскольку в ситуации постправды «невозможно создать медиапродукт, который бы переубедил сторонников противоположных версий», поскольку «теперь оратор стремится не к присоединению несогласных с помощью изощренной аргументации, но, напротив, к максимальному расколу аудитории на альтернативные группы» [16, с. 255].

В ситуации постистины/постправды степень реалистичности альтернативных реальностей определяется не их фактичностью, а их о-смысленностью. Таким образом, политика постправды может осуществляться как посредством стратегии «контрафактических суждений», так и посредством реинтерпретации (пере-осмысления).

Основополагающую роль в гуманитарных технологиях, направленных на конструирование идентичностей играют понятия «культурных ценностей» и «смыслов». Отмечая, что в последнее время среди исследователей «тема смысла становится популярной без ясного осознания причины этого интереса», Л.А. Маркова формулирует

вопрос: «Почему именно сейчас, обсуждавшееся и прежде многими философами понятие смысла стало таким востребованным и привлекается для решения многих современных проблем?» [17, с. 134]. Ответ она находит в такой характеристике смысла как «нейтральность»: «смысл нейтрален к честному и бесчестному в поведении человека, к успеху и неудаче, к истине и лжи. <...> Понятие смысла является в равной мере основанием таких противоположностей, как идеальное и материальное, субъект и объект, истинное и ложное» [17, с. 134]. Тот факт, что именно в современных социокультурных условиях «нейтральность смысла становится востребованной» [17, с. 138] не случаен. Постижностная трактовка онтологического статуса смысла как морально-этически, объективно-реалистически и эпистемологически нейтрального, вынесенного «по ту сторону» дихотомий добра и зла, реального и симулятивного, истинного и ложного, легитимирует его в качестве инструмента политики постправды.

Перформативные аспекты постижностного дискурса

В.И. Дудина отмечает, что перформативный поворот в социальной теории и методологии социальных наук возникает «как реакция на понимание недостаточности трактовки социальной реальности как текста, символьских структур или мира смыслов», он предполагает, что «научное знание не только представляет реальность, но участвует в производстве (или исполнении) реальности» [18, с. 17]. В рамках аналитической философии была выделена группа перформативных высказываний, «которые нельзя оценивать по критерию “истинно – ложно”». Самим фактом своего высказывания они производят то, что утверждают, то есть создают новую реальность» [18, с. 17], в том числе и социальную реальность.

Джон Ло обращает внимание на то, что методы социальных наук являются «перформативными» – трансформирующими, производящими реальность. Являясь разновидностью социальных практик, они не просто открывают и запечатлевают различные аспекты реальности, но выступают также инструментами реализации определенной «онтологической политики» [19, с. 99], способными «производить структуры вмешательства в несправедливые материально-семиотические сети» с целью «сделать некоторые реалии более, а другие – менее реальными» [19, с. 142]. Таким образом, оперирующий фактами постижностный дискурс позволяет объяснить известный политтехнологам сдвиг «окна Овертона» в соответствии со шкалой приятия Дж. Тревиньо – от немыслимого к популярному. Согласно концепции «ползучей нормальности» Даймонда Джареда, крупное изменение может быть воспринято как нормальное и приемлемое, если оно происходит постепенно.

Фактами как претендующим на онтологический статус содержательным компонентам социальной коммуникации присущи свойства:

- 1) интенциональности (выражают индивидуальные информационные и ценностные предпочтения) [см. 15];
- 2) доксографичности (статистически отражают коллективные представления);
- 3) дискурсивности (дискурсности) (в качестве инструмента манипуляции индивидуальным и массовым сознанием) [см. 13].

Ни одном из указанных свойств не предполагает функционирования фактоида в гносеологическом смысле – как объективного факта – критерия объективной истинности. И, в то же время, во всех перечисленных ипостасях фактOID как информационный объект постистинностного дискурса, представляет собой полноценный – онтологически конгруэнтный, – феномен индивидуального и массового сознания, а потому, может служить инструментом социально-коммуникативного конструирования идентичности.

Использование медийных дискурсов социально-конструкционистским образом дает основание рассматривать присущий им постистинностный дискурс как перформативную версию «самоисполняющихся пророчеств» (Р. Мертон), как производящую «фактоиды» перформативную технологию, выступающую инструментом формирования дополненной (отредактированной, трансформированной) реальности. Норман Мейлер характеризует фактоиды не только как «факты, которые не существуют до появления в журнале или газете», но указывает на их онтологические и функциональные характеристики: это «творения, которые являются не столько ложью, сколько продуктом для манипулирования эмоциями Молчаливого большинства» [цит. по: 20]. Такая трактовка механизма и социально-конструкционистского эффекта действия постправды методологически корректна в рамках «плоской онтологии», располагающей естественное и искусственное, факты и артефакты (в том числе и «фактоиды») в едином онтологическом измерении.

Исходя из целей и задач «фактчекинга», Т. ДеМишель полагает, что хотя фактOID может оказаться как фактом (правдой, истиной), так и полуправдой или мифом (ложью, фейком), лучше классифицировать его как миф, а не факт, «поскольку полуправда, несомненно, не верна» [15]. Тем самым он предлагает с позиций критического мышления осмысливать вероятностно-квантовую онтологию информационного объекта в категориях бинарной логики, когнитивно-волевым решением трансформируя характерную для существования информационных объектов онтологическую неопределенность в определенность эпистемологическую.

В свою очередь, рассматривая миф не эпистемологически, а функционально как «долговременный информационный продукт», Г. Почепцов, отмечает его способность, с одной стороны, «копираться на многократно внедренные в человеческое сознание структуры», а, с другой – «задавать возможность для интерпретации не только прошедших, но и будущих событий» [21, с. 334–335].

Заключение

Отмечаемая в последнее время интенсивная экспансия постправды в различные сферы социальной коммуникации является симптомом трансформации процессов социальной идентификации человека в информационном обществе. Модификация когнитивных процессов индивида, сопровождающая процесс его социальной идентификации, позволяет предположить наличие у феномена постправды собственных оснований в виде постистинной онтологии, представленной специфическими информационными объектами – «фактоидами».

Недоопределенность в эпистемологическом плане не является признаком онтологи-

ческой или познавательной ущербности фактоидов по сравнению с фактами, а указывает на принципиально вероятностный характер их существования. Эта онтологическая особенность позволяет им подобно фактам обретать смысл, минуя вместе с тем процедуры верификации и опровергимости. Благодаря чему фактоиды способны обеспечивать онтологию постфактуального мышления и функционирования сознания в режиме постистины.

Вероятностно-онтологические характеристики фактоидов позволяют им вирусным образом насыщать эпистемологически нейтральные смыслы и смысловые конструкции, придавая когнитивному состоянию осмыслинности статус квази-факторической обоснованности, тем самым симулируя и перформативным образом замещая недостающие, неудобные, игнорируемые, а то и вовсе объявляемые излишними эмпирические компоненты процесса познания. Трансформации когнитивных процессов в технологически виртуализованной информационно-коммуникативной среде соответствуют новым «плоским», одномерно-гетерогенным социальным онтологиям, что имеет существенное значение для формирования новых контуров социального познания, в том числе – социальной психологии, эпистемологии и антропологии.

В гуманитарно-технологическом плане вероятностно-квантовая (неопределенная) природа фактоида, позволяет рассматривать его как онтологический элемент постистинного дискурса и использовать в качестве:

- 1) инструмента исторической политики и реконструкции идентичности (в случае обращения к прошлому);
- 2) инструмента символической политики и формирования социальных общностей, на основе конструирования групповых идентичностей (в случае обращения к актуальным смыслам и значениям);
- 3) прогностически-перформативного инструмента, позволяющего производить не предполагающие фактических оснований «образы будущего», а затем уже с опорой на них, рекурсивным образом трансформировать интерпретации прошлого и модулировать восприятие (оценку) настоящего.

Проведенное исследование, апеллируя к выявленным в ходе анализа постистинным онтологическим основаниям социально-коммуникативного феномена постправды, позволяет обосновать перформативный характер успешно реализуемых в условиях характерного для информационного общества господства постфактуального мышления симулятивных социальных, политических и гуманитарных технологий.

Список литературы

1. Морозов А.В. Как «постистинный мир» наконец стал гиперверием: рецензия на книгу Стива Фуллера // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 3. С. 287–297.
2. Keyes R. The Post-Truth Era. Dishonesty and Deception in Contemporary Life. New York: St. Martin’s Publishing, 2004.

3. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М.: ИД ВШЭ, 2021. 368 с.
4. Франкфурт Г.Г. К вопросу о брехне / Пер. с англ. М. Ослона, под ред. Г. Павловского, И. Чечель. М.: Европа, 2008. 120 с.
5. Hardoš P. Lee McIntyre: Post-Truth Cambridge, MA: MIT Press 2018, 240 pages (Book review) // Organon F, 2019, vol. 26, no. 2. pp. 311–316. DOI: <https://doi.org/10.31577/orgf.2019.26210> (Дата обращения: 15.04.2024)
6. Николс Т. Смерть экспертизы. Как интернет убивает научные знания. – М.: ЭКСМО, 2019. 244 с.
7. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / Пер. англ. В.В. Целищева. М: Академический проект, 2000. 384 с.
8. Кольба А.И. Постправда // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. – Москва: Весь Мир, 2023. С. 413–418.
9. Тихонова С. В. Конкуренция науки и лженауки в эпоху постправды // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 287–291. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-287-291
10. Семененко И.С. Введение. Идентичность в мейнстриме политической науки и в фокусе публичной политики // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. Москва: Весь Мир, 2023. С. 9–16.
11. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография / РАН. ИНИОН. М., 2013. 421 с.
12. Балаян А.А., Томин Л.В. Актарно-сетевая теория в контексте дискуссий об идеологии и политической онтологии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 88–94.
13. Davies W. The Age of Post-Truth Politics / W. Davies // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/24/opinion/campaign-stops/the-age-of-post-truth-politics.html> (Дата обращения: 02.03.2025)
14. Жолудь Р.В. «Эра постправды» в западной журналистике: причины и последствия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. №3. С.117–123.
15. DeMichele T. A Factoid is a Brief Piece Information that Appears True (2015) // FactMyth.com. – URL: <https://factmyth.com/factoids/a-factoid-is-a-brief-piece-information-that-appears-true/> (Дата обращения: 02.03.2025)
16. Шатин Ю.В. Постправда как риторический феномен в современном медиапространстве // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, №6: Журналистика. С. 250–257. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-250-257
17. Маркова Л.А. Актуальность понятия «смысл» // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и

- Н.Н. Ворониной. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госун-та им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 134–138.
18. Дудина В.И. Вымышенный кризис социологии и контуры новой эпистемологии // Социологические исследования. 2013. №10. С. 13–21.
 19. Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука / Пер. с англ. и науч. ред. С. Гавриленко. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.
 20. Gutoskey E. What's the Difference Between a Fact and a Factoid? (2020). URL: https://www.mental_floss.com/article/637954/fact-vs-factoid-what-is-difference
 21. Почепцов Г. Психологические войны. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. 528 с.

Сведения об авторе

Нефедев Сергей Николаевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь.

E-mail: sergnefsn@mail.ru

Nefedev S. N.

POST-TRUTH AS A SOCIAL SYMPTOM AND INSTRUMENT FOR IDENTITY CONSTRUCTION

***Abstract:** The article investigates specific characteristics of the post-truth discourse, which is inherent in modern social communication. Post-truth is considered as a cognitive distortion rooted in the structure of bourgeois social identity, characterizing the emotivist personality type and the socio-manipulative type of relations. The position is substantiated according to which the role of the ontological basis of the post-truth discourse is performed by a new type of information objects – «factoids». The specifics of their functioning in the information and communication space are described in categories of not binary, but three-valued logic, which assumes, in addition to truth and lies, a third mode – the unknown, uncertainty. The underdetermined epistemological status of the «factoid» does not indicate any of its inferiority compared to the fact, but is a specific property indicating the probabilistic nature of its ontology. It is argued that the post-truth interpretation of the ontological status of meaning as morally, ethically and epistemologically neutral legitimizes its use as a tool of post-truth politics. It is concluded that post-truth discourse is performative in nature. In this regard, it can be considered not only as a descriptive – specifically speculative-market way of representing reality, but also as: 1) a performative technology for the formation of augmented reality that produces «factoids», 2) a tool for the humanitarian-technological construction of social identity.*

Key words: post-truth, discourse, identity, emotivism, factoid.

References

1. Morozov A.V. Kak «postistinnyy mir» nakonets stal giperveriyem: retsenziya na knigu Stiva Fullera // Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2021. T. 5, № 3. S. 287–297.
2. Keyes R. The Post-Truth Era. Dishonesty and Deception in Contemporary Life. New York: St. Martin’s Publishing, 2004.
3. Fuller S. Postpravda: Znaniye kak bor’ba za vlast’ / per. s angl. D. Kralechkina; pod nauch. red. A. Smirnova. M.: ID VSHE, 2021. 368 s.
4. Frankfurt G.G. K voprosu o brekhne / Per. s angл. M. Oslona, pod red. G. Pavlovskogo, I. Chechel’. M.: Yevropa, 2008. 120 s.
5. Hardoš P. Lee McIntyre: Post-Truth Cambridge, MA: MIT Press 2018, 240 pages (Book review) // Organon F, 2019, vol. 26, no. 2. pp. 311–316. DOI: <https://doi.org/10.31577/orgf.2019.26210> (Data obrashcheniya: 15.04.2024)
6. Nikols T. Smert’ ekspertizy. Kak internet ubivayet nauchnyye znaniya. – M.: EKSMO, 2019. 244 s.
7. Makintayr A. Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali / Per. angl. V.V. Tselishcheva. M: Akademicheskiy proyekt, 2000. 384 s.
8. Kol’ba A.I. Postpravda // Identichnost’: lichnost’, obshchestvo, politika. Novyye kontury issledovatel’skogo polya / Otv. red. I.S. Semenenko / IMEMO RAN. – Moskva: Ves’ Mir, 2023. S. 413–418.
9. Tikhonova S. V. Konkurentsiya nauki i lzhenuki v epokhu postpravdy // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika. 2018. T. 18, vyp. 3. S. 287–291. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-287-291
10. Semenenko I.S. Vvedeniye. Identichnost’ v meynstrime politicheskoy nauki i v fokuse publichnoy politiki // Identichnost’: lichnost’, obshchestvo, politika. Novyye kontury issledovatel’skogo polya / Otv. red. I.S. Semenenko / IMEMO RAN. Moskva: Ves’ Mir, 2023. S. 9–16.
11. Malinova O.YU. Konstruirovaniye smyslov: Issledovaniye simvolicheskoy politiki v sovremennoy Rossii: Monografiya / RAN. INION. M., 2013. 421 s.
12. Balayan A.A., Tomin L.V. Aktorno-setevaya teoriya v kontekste diskussiy ob ideologii i politicheskoy ontologii // Vestnik Baltiyskogo federal’nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki. 2018. № 1. S. 88–94.
13. Davies W. The Age of Post-Truth Politics / W. Davies // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/24/opinion/campaign-stops/the-age-of-post-truth-politics.html> (Data obrashcheniya: 02.03.2025)
14. Zholud’ R.V. «Era postpravdy» v zapadnoy zhurnalisticke: prichiny i posledstviya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2018. №3. S. 117–123.
15. DeMichele T. A Factoid is a Brief Piece Information that Appears True (2015) // FactMyth.com. – URL: <https://factmyth.com/factoids/a-factoid-is-a-brief-piece->

- information-that-appears-true/ (Data obrashcheniya: 02.03.2025)
16. Shatin YU.V. Postpravda kak ritoricheskiy fenomen v sovremenном mediaprostranstve // Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologija. 2020. T. 19, №6: Zhurnalistika. S. 250–257. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-250-257
 17. Markova L.A. Aktual'nost' ponyatiya «smysl» // Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii: monografiya / Pod red. chl.-korr. RAN I.T. Kasavina i N.N. Voroninoy. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversit. im. N.I. Lobachevskogo, 2018. S. 134–138.
 18. Dudina V.I. Vymyshlennyj krizis sotsiologii i kontury novoj epistemologii // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2013. №10. S. 13–21.
 19. Lo D. Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka / Per. s angl. i nauch. red. S. Gavrilenko. M.: Izd-vo Instituta Gaydara, 2015. 352 s.
 20. Gutoskey E. What's the Difference Between a Fact and a Factoid? (2020). URL: <https://www.mentalfloss.com/article/637954/fact-vs-factoid-what-is-difference>
 21. Pocheptsov G. Psikhologicheskiye voyny. M.: Refl-buk, K.: Vakler, 2000. 528s.

Nefedev Sergey Nikolaevich – Candidate Sciences in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

E-mail: sergnefsn@mail.ru

УДК 111

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-2-46-58

**ВОСХОЖДЕНИЕ К РОДУ: «ВОСПОМИНАНИЯ»
П.А. ФЛОРЕНСКОГО В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ САМОПОЗНАНИЯ**

Смирнов Н. А.

Аннотация: В статье рассматривается одно из значимых явлений русского религиозного ренессанса конца XIX – начала XX вв. – философия П.А. Флоренского, которую автор интерпретирует в контексте классической философской проблемы самопознания. Обосновывается непреходящее значение творчества Флоренского тем, что он продолжает и развивает основные мотивы европейской метафизической традиции в ситуации, когда для этого нужны новые формы и способы выражения. Предполагается, что одной из таких форм является работа, осуществленная Флоренским в книге «Детям моим. Воспоминания прошлых дней», как особый опыт философского самопознания и узнавания себя в мире. Показано, как восстановливая и осмысливая детские впечатления и сам детский взгляд на мир, Флоренский восходит к истокам собственного мировоззрения, к первоначальному и непосредственному опыту восприятия реальности, который он сам соотносит с мистическим опытом Платона и Гёте. Утверждается, что воспоминание здесь означает восхождение к роду, к онтологическим истокам существования. Работа Флоренского может также прояснить феноменологические основания платоновского учения о знании как воспоминании. Методологической опорой такого истолкования стали работы В.В. Бибихина, посвященные феноменологии самопознания, в первую очередь труды «Узнай себя» и «Собственность». Общим теоретическим основанием работы автора является феноменология и феноменологическая герменевтика.

Ключевые слова: учение Платона о воспоминании, рецепция Платона в русской религиозной философии, феноменология, феноменологическая философия В.В. Бибихина, метафизика всеединства.

Философия исторически и логически складывается вокруг проблемы самопознания, самоопределения, самости человека. Требование «познай самого себя», начертанное когда-то на фронтоне храма Аполлона в Дельфах – самое трудное для исполнения, невозможное, и вместе с тем, самое необходимое. Дело Сократа состояло во многом в мужестве увидеть, что мы не знаем ответа на этот вопрос, в деле вопрошания, в то время как афиняне были уверены в своих ответах настолько, что уже и не помнили, что когда-то это должно было быть вопросом. Им показалось, что он говорит о каких-то других богах, не о тех, которых почитают (которым принадлежат) они. Вопрос о богах, вопрос о том, кого нужно узнать при входе в храм (или узнать, что не знаешь) – вопрос о том,

чему мы принадлежим. В диалоге «Федон» (фрагмент 62b) Сократ говорит о том, что человек – достояние (собственность) богов, и называет эту мысль «сокровенным учением» (то есть – своим, особым, тайным): «Сокровенное учение гласит, что мы, люди, находимся как бы под стражей... о нас пекутся и заботятся боги, и потому мы, люди, – часть божественного достояния» [1, с. 352].

Вопрос о себе – вопрос о том, какого мы рода, чему мы принадлежим. Сократовское вопрошение развернётся со всей силой в платоновской философии, в искации видеть идеи, то есть роды, родовые формы вещей, которые не найти иначе, кроме как в своём роде, родить самому. Проблема себя самого, самоопределения, самопознания – это проблема родовой принадлежности. Русский философ В.В. Бибихин в работе «Узнай себя» истолковывает надпись на фронтоне дельфийского храма не как призыв к рефлексии, к самосознанию индивидуального эмпирического «я», а как требование узнать себя в чём-то большем, чем ты [2, с. 45]. В храме, под стражей богов, в собственности богов. Бибихин тематизирует принадлежность как особый, дoreфлексивный опыт, лежащий в основании рефлексии и познания, но не замечаемый, остающийся на заднем плане душевной жизни. Своё, собственное, изначальное – это родное, род. То, что есть мы сами до того, как совершится первый акт самосознания (и каждый такой акт в каждом мгновении сознательной жизни). То, что определяет нас до того, как мы успели это заметить [3, с. 238–239].

Вопрос о принадлежности (о роде) в современном контексте стоит не менее остро, чем в эпоху классической греческой философии (наверное, эта острота всегда та же самая). Принадлежности, из которых соткана жизнь человека, всё более и более мельчают, размываются и теряют силу, так что мы уже не в силах отождествить себя ни с какой значительной реальностью (не говоря уже о вечном, бессмертном, бесконечном). Вместо платоновского искания самого главного, самого общего, восхождения от вещей к родам, и к роду родов (идее Блага, Единому), мы собираем, склеиваем себя из отдельных форм принадлежности, чем далее, тем более частных и мелких. Широта сократовского вопрошания о самом себе нам уже не доступна. И так же, как его сограждане афинянине, мы уже с трудом различаем, в чём, собственно, тут проблема, и всё менее способны поставить вопрос о самих себе, о том, какого мы рода. Тем важнее попытаться расслышать голоса тех, кто воссоздаёт в своём философствовании предельный размах сократово-платоновской мысли. Одним из таких голосов был голос П.А. Флоренского. Русская метафизика XIX–XX вв. складывалась вокруг проблемы поиска абсолютного начала жизни, бытия и познания, из которого всё происходит и к которому всё возвращается, в конечном счёте. Абсолютное начало, в обращении к которому человек обретает самого себя, основание своих поступков и цель жизни. И в этом смысле русская религиозная метафизика XIX–XX вв. является прямым продолжением классической европейской философии, в которой центральным сюжетом было узнавание человеком самого себя в метафизической реальности. Человек и абсолютное начало жизни не существуют отдельно друг от друга, но представляют собой реальное историческое, событийное единство. Немецкий католический философ Хельmut Дам, в своих рабо-

так, посвященных исследованию русской философской традиции конца XIX – начала XX вв., утверждает, что русские философи, в своих исканиях, предвосхищают работу немецких феноменологов по обновлению классической философии [7, с. 45–55]. Среди современных отечественных философов такой точки зрения придерживается, например, В.В. Бибихин в работах «Язык философии», «История современной философии (единство философской мысли)» и «Новый ренессанс», где феномен русского религиозного ренессанса конца XIX – начала XX вв. истолковывается как момент общечеловеческого стремления к возрождению, внутри которого, в свою очередь – жажда сбыться, исполниться, осуществиться в качестве самого себя и стать собой [4, с. 350–351; 5, с. 246; 6, с. 265]. Близкой позиции придерживается в трудах по истории русской философии И.И. Евлампиев. Он понимает русскую философию как развитие метафизической линии европейского философствования, в основании которого лежит гностическое христианство, и которое достигает наиболее ясного философского выражения в учении об абсолютной субъективности в немецкой классической философии, и далее – в метафизике всеединства Ф.М. Достоевского, Вл.С. Соловьева, С.Л. Франка, Л.П. Карсавина. Более того, именно русская философия сохраняет этот ключевой мотив классической европейской философии [8, с. 15]. Характерно, что и Бибихин, и Евлампиев полагают, что в основании всякого философствования лежит мистический опыт – опыт узнавания себя в абсолютном, и главная проблема – поиск этого абсолютного начала. Так понимали задачи философии (в том числе собственной) и вообще задачи человеческой истории сами русские философи. Например, В.С. Соловьев начинает «Чтения о Богочеловечестве» с проблемы утраты человеком связи с Абсолютом, и далее описывает человеческую жизнь и историю как движение, определяемое задачей восстановления этой связи [10, с. 5–6]. С.Л. Франк тематизирует «Непостижимое» как дoreфлексивное основание всякого познавательного и практического опыта, непосредственное и невыразимое присутствие перед тайной бытия [11, с. 157].

Нам представляется, что в свете описанной проблемы ключевой работой П.А. Флоренского являются «Воспоминания прошлых дней». В отличие от более отвлеченных богословских и философских трудов, в «Воспоминаниях» главные темы мысли Флоренского даны в непосредственном опыте самоосмыслиния. Мысль Флоренского складывается вокруг интуиции реальности как живой и творческой целостности. Абсолютное начало всего сущего не существует исключительно в своей области, будучи отстраненным от мира и жизни. Напротив, всё самое значительное и существенное, именно поскольку оно значительно и существенно, не может оставаться только самим собой, только в себе, но осуществляется, является. Флоренский видит жизнь как пространство таких эпифаний, явлений неявленного, вторжений абсолютного в относительное, вечного во временное, божественного в человеческое. В конечном счете, сам человек и человеческая жизнь является таким проникновением трансцендентного в имманентное, и в этом смысле Флоренский называет своё философствование антроподицеей – оправданием человека [12, с. 99], как бы вытягиванием человека до онтологической полноты, утверждением человека в предельно широкой, метафизической перспективе [13, с. 27–28]. С

этим связано постоянное внимание Флоренского к теме взаимоотношения тварного мира и Творца, к тайне богооплощения и к образу Софии, являющемуся выражением парадоксального, антиномического различия-тождества божественного и человеческого в человеке (и в Боге) [14, с. 385]. Трансцендентное и имманентное (человек и Бог) не могут соединиться, но не могут и быть порознь, не тождественны, но и не различны, не едины, но и не раздельны. Человек представляет собой не здешнее, противоположное потустороннему, а скорее узел напряжения, натяжения между здешним и потусторонним, их невозможное и противоречивое, и в то же время необходимое стремление друг к другу. Поэтому ключевые темы мысли Флоренского описывают и являются собой эти антиномические линии, сплетенные в узел человеческой жизни. Такова темы слова и плоти, человеческого слова и божественного Слова, а также имени как онтологически концентрированного, существенного слова [15, с. 62]. Слово – то, что одновременно соединяет и разделяет миры, являя собой их предельное напряжение в сущности и разряжение в явь. В работе «Имяславие как философская предпосылка» Флоренский сравнивает слово с молнией [13, с. 292], являющейся мгновенно, неуловимой и поражающей, но в то же время освещющей, сияющей. Соединяющей небо и землю и подтверждающей границу между ними. Такова же тема иконы, ещё одна значимая тема Флоренского (работы «Обратная перспектива» и «Иконостас») [13, с. 48–49]. Осмысливая феномен обратной перспективы, Флоренский описывает икону как изображение неизмеримого, не вмещающегося в этот мир и потому нарушающего принципы линейной перспективы. Икона является другой реальностью, существующую по своим собственным законам. Через икону вечное врывается во временное, и действует и обращается к нам, напоминая нам о странной тяге несоединимых миров друг к другу. В «Воспоминаниях» этот основной мотив философствования Флоренского сам является как бы изнутри, в феноменологии первых встреч и пересечений.

Нерасторжимое органическое единство внутреннего и внешнего, видимого и невидимого в живом теле бытия. Просвечивание всеобщего сквозь единичное, значительно- сквозь мимолётное. Переплетение существенного и случайного, повторяющегося и необыкновенного в живом человеческом опыте. Эти темы облечены в «Воспоминаниях» не в богословские и абстрактно-философские понятия, а в описания непосредственных детских впечатлений, составляющих подлинные основания всего, что сложится затем в философскую концепцию. Так же, как и для С.Л. Франка, детский взгляд является для Флоренского уникальным опытом приобщенности человека тайне мира [11, с. 9]. Флоренский прослеживает живые начала самого себя – онтологический и биографический исток здесь совпадают, берут начало в нас самих, и могут быть увидены в Воспоминании – в особом способе вернуться к основаниям, ранее незамеченным и упущенными и пережить вновь становление собой. Обращаясь к детским впечатлениям и воспоминаниям, Флоренский заново открывает себя, и это происходит не за пределами текста, а в нём самом, в самих актах мысли-воспоминания. Можно сказать, что воспоминание здесь – не просто рефлексивный психологический акт, а онтологический сдвиг, мистическое путешествия души к самой себе. Обратимся к одному из первых таких

воспоминаний-созерцаний, в котором детское впечатление является нечто значительное и существенное, в записи от 1916.XI.18, в которой описывается, как маленький Павлик, убежавший от тети и мамы, увидел, как точильщик точит ножи: «Я подглядывал то, что смертному нельзя было видеть. Колёса Иезекиля? Огненные вихри Анаксимандра? Вечное возвращение, ноумenalный огонь... мне открывалась живая действенность таинственных сил естества, бёмовская первооснова, гётеvские матери» [17, с. 32].

Опыт маленького мальчика здесь сопоставляется с мистическим опытом досократиков, Якоба Бёме, Гёте. Даже не сопоставляется, а совпадает. Это они и есть – искомые, существенные, первые явления, и чтобы увидеть их нужно обратиться от чтения книг к воспоминаниям, к встречам с самими явлениями, тогда, когда они являются такими, какие они есть. Детский взгляд понимается, в таком случае, как предельно точный, имеющий дело непосредственно с самими вещами. Это взгляд невооруженный, не имеющий подхода и инструмента, открытый самой реальности, такой, какая она есть. Ранние греческие философы имели дело с началами, с самым ранним, с тем, что является прежде всего, до того, как мы успели вооружиться методом и подходом [18, с. 159]. Эта ранняя мысль так похожа на детскую не потому, что она наивная и ещё чего-то не знает и не понимает, а потому что пытается заглянуть в раннее, в начала, туда, куда детский взгляд устремлен сам собой, органически, без специального усилия. От нас эти начала, и этот взгляд отделены недосягаемой мерой непосредственности. Взгляд ребёнка как бы прикован первыми вещами так, что неотделим от них самих. Раннее начало, первое начало – это род. То, без чего невозможен был бы сам смотрящий взгляд. Воспоминание – такая точка пути, в котором он возвращается к тому, без чего его самого не могло бы быть. Первые начала не могут быть даны прямо и непосредственно, как раннему взгляду. Раннее возможно для нас только в Воспоминании, в возвращении к истоку, который и так всегда вместе с нами, к началу, которое мы никогда по-настоящему не покидали. Непосредственное и опосредованное сплетены в узел: одного без другого не может быть. Раннее, первое – это не такое прошлое, которое лежит на ленте времени на несколько позиций раньше, чем то, что происходит «сейчас». Это такое прошлое, которое само и есть сейчас. «Это чувство откровения тайн природы и ужаса, с ним связанного, тютчевской Бездны и влечения к ней было и есть, как мне думается, одна из наиболее внутренних складок моей душевной жизни» [17, с. 33].

Совпадение изгибов душевной жизни с сущностным порядком Вселенной составляет одновременно и форму, и содержание «Воспоминаний». Явленность тайны – то, что составляет центральный мотив «Воспоминаний», к которому Флоренский вновь и вновь возвращается, описывая разные впечатления. И в то же время сама форма «Воспоминаний» осуществляет эту связь, делает её явной. Флоренский воссоздаёт таинственное взаимопереплетение детской непосредственности и философского поиска, возможность восхождения (или спуска) от дискурсивной сложности к простоте первичных интуиций. В самом Воспоминании становится возможным «...просвечивание сквозь действительность иных миров, которое даётся осязать, видеть, нюхать, вкушать, настолько оно определенно, и которое, однако, всегда бежит окончательного анализа, окончательного

закрепления, окончательного “остановись мгновение”» [17, с. 157–158].

«Иные миры», просвечивающие видимое нами в данном случае, – это и те миры, которые видел Флоренский ребёнком, и сам детский мир, таинственный и странный, просвечивающий в «Воспоминании». Как и в платоновской философии, Воспоминание у Флоренского является способом (само)познания, соединения миров, и восхождения к подлинному первоисточнику всего существующего. Что же открывается в этом восхождении? Сам человек, его собственная жизнь, обретающая тогда саму себя и возвращающаяся к себе, к своей собственной сути. Своя собственная жизнь оказывается в акте такого воспоминания родовой жизнью, жизнью как таковой. Эта родовая жизнь не принадлежит нам, но мы принадлежим ей, и в этой принадлежности сбываются, становимся самими собой. Возвращаясь к тем первым интуициям, в широте которых мы видим всё, что видим, чувствуем и мыслим всё, что составляет содержание нашего мышления и чувства. Это та жизнь, которая принадлежит нам только тогда, когда мы принадлежим ей. Это можно было бы назвать философской генеалогией, выстраивающейся одновременно с обыкновенной генеалогией, как платоновская идея Блага, род родов, существует одновременно со всем существующим, и всему даёт сбыться самим собой. «Воспоминания» обращены к детям Флоренского и по замыслу должны знакомить их с историей семьи. Книгу сопровождают «генеалогические исследования», а также, в самих «Воспоминаниях», многочисленные замечания, касающиеся, скажем так, буквальной генеалогии, истории семьи и людей, причастных к ней. Но одновременно с этим он выстраивает философскую генеалогию, другое происхождение, являющееся, в конечном счёте, более значительным и существенным, чем буквальное. Помимо первого рождения и первого рода, человеку предстоит ещё другое рождение и открытие другого рода, иного рода. В явлениях, предстоящих детскому восприятию, в воспоминаниях узнать самого себя и своё самое дорогое, значительное, существенное. Философская генеалогия Флоренского – это феноменология первых, родовых, родных явлений, в обращении к которым философ обращается к себе и к своей сокровенной сути. Яркий пример такой феноменологии – воспоминание о море и сам образ моря: «Того моря, блаженного моря детства, уже не видать мне – разве что в себе самом. Оно ушло, вероятно, куда уходит и время, – в область ноуменов. Но этот ноумен когда-то воистину виделся, обонялся, слышался мною. И я знаю твёрже, чем знаю всё другое, узнанное впоследствии, что то моё познание истиннее и глубже, хотя и ушло от меня, – ушло, а всё-таки навеки со мною» [17, с. 50].

Философские роды – это то, что ушло, но остаётся, присутствует всегда. То, без чего не может быть нас, но что остаётся для нас всегда таинственным. И узнаётся, опознаётся именно как непознаваемое. Ноумenalный мир – мир сокровенного. Того, что уходит, но в то же время навсегда остаётся с нами. Так уходит, что остаётся. Остаётся уходя (это его способ оставаться – через уход). Этот ноумenalный мир парадоксальным образом может быть явлен, увиден и описан, но не прямым схватывающим взглядом, а воспоминанием, одновременно смутным и ярким детским впечатлением, в котором человек одновременно впервые и вновь оказывается «лицом к лицу перед родимой, одинокой, таинственной и бесконечной Вечностью – из которой всё течёт и в которую всё возвращается» [17, с. 50].

То, из чего всё происходит, и к чему всё возвращается в конце концов, движение от конца к началу и от начала к концу, – онтологическая траектория, в той или иной форме часто воссозидающаяся в истории философии. Возвращение Флоренского к непосредственности детских впечатлений воссоздаёт ритм отношения человека с Вечностью, из которой мы выходим и к которой возвращаемся на жизненном и историческом пути. Начало здесь – сама вечность и мгновение встречи с нею. Происхождение, исток, которому всегда остаётся принадлежащим течение жизни, – это и тайна, и детство как особый опыт близости к ней. А возвращение к истоку – и воспоминание, и движение всего сущего, которое как бы воспроизводится, воссоздаётся воспоминанием. Вспомнить себя, опомниться, вернуться к себе – это значит вернуться к неотъемлемо присущему, к неотчуждаемому, к неутрачиваемому. Совпасть с самим собой. Поэтому главной философской темой «Воспоминаний» становится совпадение сущности и явления, видимого и невидимого, тайного и открытого. И эта же тема является главной темой жизни Флоренского: «Всю свою жизнь я думал, в сущности, об одном: об отношении явления к ноумену, об обнаружении ноумена в феноменах, о его выявлении, о его воплощении» [17, с. 153].

«Думал» в данном случае, конечно, и тогда, когда совсем не знал ни одного из этих понятий, и не знал ни проблемы, ни места её в истории мысли. Философское воспоминание, воспоминание как способ думать, не просто возвращает нас в прошлое, а обращает к первичным слоям опыта. К тому, что мы вот сейчас, каждое мгновение испытываем, думаем и чувствуем, но не замечаем этого. К тому, о чём мы можем думать всю жизнь, но не знать этого. Не случайно Флоренский, пытаясь подобрать какие-то историко-философские ключи к собственному опыту, обращается к натурфилософии Гёте в качестве ближайшего источника. Таинственная связь явного и скрытого, волновавшая Флоренского, – это то, что должно оставаться неразгаданным, неразоблаченным. То, по отношению к чему не работает обыкновенный (научный, повседневный) порядок распаковывания явлений и вытаскивания из них сущности. Явление содержит сущность не так, как ящик скрывает своё содержимое. Явление является сущностью так, что оставляет её быть самой собою, то есть сущностью (скрытой, неявленной), и само остаётся явлением. И именно как скрытая сущность является самой собою, то есть сущностью. Это её способ являться – оставаться неявленной, скрытой. Тождество сущности и явления основывается на их радикальном различии. Явление нельзя распаковать до сущности, и не потому оно является, что должно быть непременно распаковано. Наглядно-пространственная схема отношений между скорлупой и орехом мешает нам понять странность связи сущности и явления. Нельзя очистить явление как скорлупу и вынуть из него орех. И в этом смысле детский взгляд важен именно потому, что он воспринимает явление так, что оставляет его быть тайной. Так, чтобы «познать мир именно как неведомый, не нарушая его тайны, но – подглядывая за ней. Символ и был подглядыванием тайны. Ибо тайна мира символами не закрывается, а именно раскрывается в своей подлинной сущности, т. е. как тайна» [17, с. 158].

Символ есть то, что является таким образом, что оставляет скрытым. Покров не скрывает, а раскрывает утаенное. Сущность – не предмет, лежащий где-то за пределами на-

шего взгляда, а само отношение между видимым и невидимым, сама игра таящегося и открытого. Явленность таинственного во всей его таинственности предстаёт детскому взгляду. Взгляд взрослого не позволяет явлению быть сущностным: оно истолковывается тогда как «только явление», как поверхность, скрывающая от нас глубину и подлинность. А сущность высушивается до абстрактного закона, по отношению к которому все индивидуальные события будут только типическими случаями, подтверждающими его, до отвлечённого смысла, по отношению к которому все слова суть только выражения его. Обнаженная, разоблаченная сущность теряет сущность, перестаёт быть существенной. Сущность перестаёт быть самой собой, когда мы предполагаем добраться до неё самой. Чтобы оставаться собой сущность должна быть одета в явление.

Центральная часть «Воспоминаний», наиболее концентрированная в философском смысле и наиболее важная для понимания общей логики философского воспоминания, называется «Особенное». Особенное перешагивает границу единичного/индивидуального/的独特的 и всеобщего/типичного/повторяющегося. Особенное – это одновременно и уникальное, и всеобщее. Особенное, особое, своеобразное, своё, – это сущностное, существенное, но в то же время не обобщенное и абстрактное, а данное во всей полноте в непосредственности настоящего. Обобщенное понятие – то, которое создаётся логической операцией абстрагирования на материале повторяющихся единичных фактов. Родовое как особенное – то, что уже есть в нас до всех логических операций и данности единичных фактов (сами операции и факты возможны, в свою очередь, только в просторе, открываемом нашей родовой принадлежностью). Поэтому Платон говорил о том, что они не придумываются, а припоминаются, как то, что мы уже знаем. Флоренский, описывая это особенное называет родовые сущности, вслед за Гёте, первоизложением: «... То, к чему я стремился, – было гётеевским первоизложением, но, вероятно, в еще более онтологической плотности, по Платону. Это был

URPNAENO MEN ON» [17, с. 159].

Первоизложением Гёте называет прообраз множества единичных явлений, присутствующий, тем не менее, в каждом из них в полноте тождества, так, что это оно и есть, само явление. Первоизложения даны нам так, что мы их не замечаем, но не потому, что они далеко от нас и присутствие их менее интенсивно, чем присутствие единичных вещей, а напротив, они так близко, и присутствие их так сильно и насыщено, что мы не замечаем их [19, с. 325; 20, с. 158]. Человеческий взгляд настроен видеть явления меньшей силы и на расстоянии, преобразуя их в мыслимые и наличные предметности. Первоизложение – то, что мы всегда уже упустили и не заметили, использовав его как материал и сфабриковав на основании первоизложения теоретические и эмпирические порядки. Первоизложение открыто детскому взгляду, для которого необыкновенное значительно само по себе, и не нуждается в подтверждении или опровержении смыслами и фактами. Флоренский вспоминает представления фокусников, виденные им в детстве, которые родители всегда считали нужным объяснять, вскрывая внутренние механизмы того, как это работает, и что «на самом деле» происходит, как бы вынимая сущность из явления, из того, что «только кажется». Это логика, которой руководствуется человек в науке и в по-

вседневности: само существование явлений не имеет ценности, нужно знать принципы, по которым они существуют. Необыкновенное, вызывающее восторг или ужас, должно быть расколдовано; неповторимое – разоблачено и введено в круг повторяющихся и типичных фактов. Но эта логика не дотягивается до искомого, потому что сущность необыкновенного и удивительного состоит не в том, что мы имеем дело с фактом, никогда не наблюдавшимся прежде. Восторг или ужас вызывает не то, чему ещё нет объяснения. Первоявление лежит вне плоскости объяснений и фактов. Оно удивительно по сути. Оно приковывает взгляд потому, что это часть природы самого взгляда [21, с. 21–22]. В видении чудесного проявляется сущность природы видимого вообще, первоявления видимости. Всякий феномен, видимый, слышимый, переживаемый нами – необыкновенен в своём первообразе, первоявлении. Удивительное составляет сущность феноменальности как таковой. Платоновский эйдос приковывает взгляд не потому, что представляет собой нечто невиданное прежде, а потому именно, что представляет собой то, что видим мы каждый раз, в каждом явлении. Необыкновенность и типичность – не свойства самих вещей, а способы видеть: «Я знал, как делается фокус, подобно тому, как я знал, почему происходит известное явление природы; но за всем тем, и в фокусе и в явлении природы, виделось мне нечто таинственное, которого не могли разрушить никакие уверения старших. Самая видимость чуда уже была чудесна» [17, с. 167].

Взгляд взрослого человека – это не взгляд, видящий всё таким, какое оно есть на самом деле, а взгляд, который больше не может (утратил способность, силу) видеть необыкновенность явления. Можно предположить, что феноменологически мы сначала утрачиваем эту способность, а уже потом, изнутри бессильного сознания, интерпретируем это собственное бессилие как взросłość и рассудочность. Явление утрачивает тогда для нас силу явленности (чудесности) как таковой и становится материалом для объяснения (а что ещё остаётся с ним делать, когда уже не можешь видеть «самой видимости чуда»). Единство первоявления распадается на фактические данности, и обобщенные абстрактные понятия.

Феноменологическая работа Флоренского в «Воспоминаниях» может прояснить платоновское воспоминание как восхождение, возвращение к роду. Род открывается, является в вещи, просвечивает сквозь вещь, не как абстрактная схема через её содержательное наполнение, а как сама вещь, как вещь в её самостности, существе, существенности. Отношение между вещью и родом – не иерархическое, а парадоксальное тождество-различие, как в опыте явленности тайны, таинственной явности в детском впечатлении. Все вещи, события, явления восходят к своим первообразам, принадлежат своим родовым сущностям, но не как внешним инстанциям, а как самим себе, как своей сокровенной глубине (или – недосягаемой высоте). Как тому, что они являются собой, и в то же время утаивают, скрывают. Воспоминание как движение навстречу самому себе – это возвращение в свой мир, в предельно широкий контекст самоотождествления и принадлежности. В котором нет «моего», но всё своё. Возвращение к истокам явлений, таинственно просвечивающим сквозь сами явления. Возвращение к самим основаниям жизни, которой мы сами уже принадлежим как самим себе, ещё прежде, чем успели

это заметить. Такой мир, и вещи, и явления этого мира будут тогда своими, особыми для нас. Род, родовая сущность – это не абстрактное понятие, возникающее в результате обобщения единичных фактов, а особенное, своё, родное, неисчислимое в терминах общности / единичности, индивидуальности / типичности.

Философское воспоминание открывает первоначальные, роды, начала вещей, но так, что оставляет их быть тайной, или даже (в версии Флоренского) возвращает им эту таинственность, утраченную в разоблачениях и разъяснениях. «Воспоминания» Флоренского и платоновские припомнения идей представляют собой попытку увидеть мир как бы впервые, в момент становления, рождения. В момент, в котором рождение и познание ещё являются одним, единым событием. Подлинное знание есть знание рода, а значит – само рождение.

Список литературы

1. Платон. Диалоги / Платон. – Москва: Эксмо, 2015. 352 с.
2. Бибихин В.В. Узнай себя. – СПб.: Наука (Слово о сущем), 1998. 577 с.
3. Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. – СПб.: Наука (Слово о сущем), 2012. 536 с.
4. Бибихин В.В. Язык философии. – 3-е изд., стер. – СПб.: Наука (Слово о сущем), 2007. 389 с.
5. Бибихин В.В. История современной философии (единство философской мысли). – СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2014. 398 с.
6. Бибихин В.В. Новый ренессанс. - М.: Прогресс-Традиция: Междунар. академ. издат комп. «Наука», 1998. 495 с.
7. Dahm H. Solov'ev und Scheler: Ein Beitrag zur Geschichte der Phenomenologie. - München; Salzburg, 1971. 468 S.
8. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX-XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. Ч.1. - СПб.: Алетейя, 2000. 415 с.
9. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX-XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. Ч.2. - СПб.: Алетейя, 2000. 413 с.
10. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве: [Философия] / В.Соловьев; Ред., вступ. ст. и comment. С.П.Заикина. - СПб.: Азбука, 2000. 382 с.
11. Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. – М.: АСТ, 2007. 512 с.
12. Флоренский П.А. Философия культа (опыт православной антроподицей) / П. А. Флоренский; сост., авт. вступ. ст. С. Г. Антоненко; Ин-т общественной мысли. - М.: РОССПЭН, 2010. 568 с.
13. Флоренский П.А. Сочинения в 2-х т. Т.2: У водоразделов мысли. / вступ. ст. С.С. Хоружего, журн. «Вопр. философии» и др. – М.: Правда, 1990. 446 с.
14. Флоренский П.А. Сочинения в 2-х т. Т.1: Столп и утверждение истины. / вступ. ст. С.С. Хоружего, журн. «Вопр. философии» и др. – М.: Правда, 1990. 496 с.

15. Флоренский П.А. Имена / П.А. Флоренский. - М.: Эксмо, 1998. 896 с.
16. Флоренский П.А. Иконостас / Павел Флоренский. – М.: АСТ, 2005. 203 с.
17. Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание / Сост.: игумен Андроник (Трубачёв), М.С. Трубачёва, Т.В. Флоренская, П.В. Флоренский. Предисл. и комм. игумена Андроника (Трубачёва). – М.: Моск. рабочий, 1992. 560 с.
18. Ахутин А.В. Античные начала философии / А.В. Ахутин. - СПб: Наука, 2007. 783 с.
19. Гёте И.В. Избранные философские произведения / И. В. Гете; Академия наук СССР, Институт философии; Авт. предислов. Г. А. Кирсанова. – М.: Наука, 1964. 520 с.
20. Свасьян К.А. Иоганн Вольфганг Гете / К. А. Свасьян. - М.: Мысль, 1989. 191 с.
21. Свасьян К.А. Феноменологическое познание: Пропедевтика и критика / К. А. Свасьян; АН АрмССР, Ин-т философии и права. - Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1987. 198 с.

Сведения об авторе

Смирнов Николай Алексеевич – доцент кафедры социальной философии института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, г. Казань

E-mail: nikolay.smirnov.1992@mail.ru

Smirnov N. A.

ASCENT TO THE GENUS: “MEMOIRS” BY P.A. FLORENSKY AS A FORM OF PHILOSOPHICAL SELF-REFLECTION

Abstract: The article examines one of the significant phenomena of the Russian religious Renaissance of the late XIX – early XX centuries – P.A. Florensky’s philosophy, which the author interprets in the context of the classical philosophical problem of self-knowledge. The enduring significance of Florensky’s work is justified by the fact that he continues and develops the main motives of the European metaphysical tradition in a situation where this requires new forms and ways of expression. It is assumed that one of these forms is the work carried out by Florensky in the book “To my children. Memories of the past days”, as a special experience of philosophical self-knowledge and recognition of oneself in the world. It is shown how, restoring and comprehending children’s impressions and the children’s view of the world itself, Florensky goes back to the origins of his own worldview, to the initial and direct experience of perceiving reality, which he himself correlates with the mystical experience of Plato and Goethe. It is argued that remembering here means climbing to the genus, to the ontological origins of existence. And as such, Florensky’s work may also clarify the phenomenological

foundations of Plato's doctrine of knowledge as memory. The methodological support of such an interpretation was the work of V.V. Bibikhin, devoted to the phenomenology of self-knowledge, primarily the work "Recognize Yourself" and "Property". The general theoretical basis of the author's work is phenomenology and phenomenological hermeneutics.

Key words: *Plato's doctrine of remembrance, Plato's reception in Russian religious philosophy, phenomenology, phenomenological philosophy of V.V. Bibikhin, metaphysics of all-unity.*

References

1. Platon. *Dialogy [Dialogues]*. Moskow: Eksmo, 2015. 768 p.
2. Bibikhin V.V. *Istoriya sovremennoi filosofii (edinstvo filosofskoi mysli)* [History of modern philosophy (unity of philosophical thought)]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal, 2014. – 398 p.
3. Bibikhin V.V. *Novyi Renessans [New Renaissance]*. Moskow.: Nauka, 1998. – 495 p.
4. Bibikhin V.V. *Sobstvennost. Filosofiya svoego* [Ownership. Philosophy of own]. Saint-Petersburg: Nauka, 2012. – 536 p.
5. Bibikhin V.V. *Uznai sebya* [Know yourself]. Saint-Petersburg: Nauka, 1998. – 577 p.
6. Bibikhin V.V. *Yazyk filosofii* [Language of philosophy]. Saint-Petersburg: Nauka, 2007. – 389 p.
7. Dahm H. *Solov'ev und Scheler: Ein Beitrag zur Geschichte der Phänomenologie*. [Solov'ev and Scheler: A Contribution to the History of Phenomenology] München; Salzburg, 1971. 468 p.
8. Evlampiev I.I. *Istoriya russkoi metafiziki v XIX-XX vv. Russkaya filosofiya v poiskakh Absoluta. Ch.1* [History of Russian metaphysics in the XIX-XX centuries. Russian philosophy in search of the Absolute. P.1]. Saint-Petersburg: Aleteya, 2000. 415 p.
9. Evlampiev I.I. *Istoriya russkoi metafiziki v XIX-XX vv. Russkaya filosofiya v poiskakh Absoluta. Ch.2* [History of Russian metaphysics in the XIX-XX centuries. Russian philosophy in search of the Absolute. P.2]. Saint-Petersburg: Aleteya, 2000. 413 p.
10. Solovyev V.S. *Chteniya o Bogochelovechestve* [God-Man Readings]. Saint-Petersburg: Azbuka, 2000. 382 p.
11. Frank S.L. *Nepostizhimoe. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii* [Incomprehensible. Ontological introduction to the philosophy of religion]. Moskow: AST, 2007. 512 p.
12. Florenski P.A. *Sochineniya v 2-h t. T.1: Stolp I utverzhdenie istiny* [Works in 2 vols. T.1: Pillar and statement of truth]. Moskow: Pravda, 1990, 496 p.
13. Florenski P.A. *Sochineniya v 2-h t. T.2: U vodorazdelov mysli* [At the watersheds of thought]. Moskow: Pravda, 1990, 446 p.
14. Florenski P.A. *Detyam moim. Vospominaniya proshlyh dnei* [To my children. Memories of the past days]. Moskow: Moskovskii rabochii, 1992. 560 p.
15. Florenski P.A. *Ikonastas* [Iconostasis]. Moskow: AST, 2005. 203 p.
16. Florenski P.A. *Imena* [Names]. Moskow: Eksmo, 1998. 896 p.
17. Florenski P.A. *Filosofiya kulta (opyt pravoslavnoi antropodicei)* [Philosophy of

- worship (experience of Orthodox anthropodice)]. Moskow: ROSSPEN, 2010. 568 p.
- 18. Ahutin A.V. Antichnye nachala filosopii [Antique principles of philosophy]. Saint-Petersburg: Nauka, 2007. – 783 p.
 - 19. Gete I.V. Izbrannye filosofskie proizvedeniya [Selected philosophical works]. Moskow: Nauka, 1964. 520 p.
 - 20. Svasyan K.A. Iogann Wolfgang Gete [Johann Wolfgang Goethe]. Moskow: Mysl, 1989. 191 p.
 - 21. Svasyan K.A. Fenomenologicheskoe poznanie: propedevtika i kritika [Phenomenological cognition: Propaedeutics and criticism]. Erevan: ARMSSR AN publishing house, 1987. 198 p.

Smirnov Nikolay Alekseevich – Associate Professor of the Department of Social Philosophy at the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University, Kazan.

E-mail: nikolay.smirnov.1992@mail.ru

УДК 130.2

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-2-59-70

КРИТИКА КУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ С.Л. ФРАНКА И Н.А. БЕРДЯЕВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГГ.

Зоренко П. А., Карабыков А. В.

Аннотация: В статье рассматриваются взгляды на культуру двух выдающихся отечественных философов: С.Л. Франка и Н.А. Бердяева – в контексте их творчества первой половины 1920-х годов. Поскольку они в основном характеризовались критическим пафосом, культурфилософия этих мыслителей, по существу, была культуркритикой в том период. Рассматривается роль исторической обстановки, включая последствия революций, мировой и гражданской войн, обусловивших радикализацию их воззрений, а также влияние предшествующих построений на Западе и в России, прежде всего теории О. Шпенглера. Доказывается, что Франк и Бердяев развивают свою критику на двух взаимосвязанных уровнях. На первом даётся анализ негативных тенденций в духовной жизни современного общества, а на втором критикуется культура как таковая (Бердяев) и её ложная абсолютизация (Франк). Несмотря на различия в подходах, оба философа осмысляют утрату трансцендентных оснований культуры и стремятся к поиску духовного возрождения. При этом Бердяев связывает его с наступлением нового Средневековья как некоей предэсхатологической эпохи, а Франк – с религиозным пробуждением индивидов и сообществ, без каких-либо тектонических сдвигов и переломов в дальнейшем ходе истории.

Ключевые слова: культурный кризис Модерна, Освальд Шпенглер, цивилизация, история русской мысли, христианство, эсхатология.

Введение

В настоящее время наблюдается оживление интереса к истории отечественной философии, однако в центре внимания учёных и читающей публики находятся в основном социально-политический, антропологический и моральный разделы этой истории. В данной статье мы хотим обогатить картину имеющихся представлений о русской философии культуры. Обратившись к творчеству С.Л. Франка (1877–1950) и Н.А. Бердяева (1874–1948) указанного периода, путем сравнительного анализа мы выделим ключевые положения их критики культуры. Она разворачивалась на двух уровнях. Первый, более поверхностный, с долей условности можно назвать историософским. На нём критической рефлексии обоих мыслителей подвергались негативные тенденции современной им духовной жизни. Второй, более фундаментальный, касается антропологии и онтологии. Здесь культура критикуется как таковая, в связи с ложной её абсолютизацией в качестве высшей цели человеческих усилий, обычной тогда в неокантианстве. Для каждого уровня имелся особый контекст, предшествующий опыт и традиции, а также свои

предпосылки. Особенно явственны же эти предметы были по отношению к первому, и их стоит рассмотреть подробнее.

Вообще говоря, интересующий нас период отличался повышенным критицизмом относительно культуры. За спиной европейских интеллектуалов был декаданс *fin de siècle*, потом потрясения мировой войны и революций. Показательно, что в начале Первой мировой очень многие, если не большинство из них воспринимали войну позитивно: как спасительный «триумф духа над материей» и «начало интересной жизни после прежней скуки» [1, с. 253]. По словам Г. Роггера, московские и санкт-петербургские интеллигенты приветствовали войну, которая «освободила Россию от узости и мелочности и открыла перед ней новые перспективы величия» [цит. по: 1, с. 254]. Но постепенно энтузиазм стал уступать место разочарованию, отвращению и усталости. В горниле страданий пришло осознание “банкротства” идеалов Просвещения, направлявших духовную жизнь Запада в предшествующие столетия. В России эти процессы оказались исключительно драматичны. Мировая война в ней сменилась гражданской, диктатурой большевиков и тотальным уничтожением прежней культуры, проявившимся, среди прочего, в массовой эмиграции и насильственной высылке из страны представителей культурной элиты, вынужденных с тех пор вести жизнь изгнанников. На наш взгляд, эти трагические обстоятельства отчасти объясняют радикализм, свойственный культуркритике С. Л. Франка и Н. А. Бердяева в 1-ой пол. 1920-х гг. Критика обмирщения и мещанской утилитаризации культуры, намеченная в их творчестве ещё до «падения Русского царства», была углублена и усиlena теперь на другом, более фундаментальном, религиозно-метафизическом уровне.

Что касается предшествующего опыта и традиций культуркритики, наиболее релевантным для Бердяева и Франка было творчество таких мыслителей, как К.Н. Леонтьев, Г. Зиммель, Фр. Ницше и, в особенности, О. Шпенглер. Реакция обоих философов на ключевой труд последнего, отразившаяся в сборнике «Освальд Шпенглер и закат Европы» (1922), дала сугубый повод большевикам поскорее избавиться от них. Известно, что Ленин, прочитав этот сборник, написал в ГПУ, что он похож на «литературное прикрытие белогвардейской организации», а спустя некоторое время его авторов “проработали” в журнале «Правда», заклеймив «хныкающими Шпенглерами» [2, с. 23]. Далее мы увидим, что Бердяев и в меньшей степени Франк действительно строили свою культурфилософию в диалоге с идеями немецкого мыслителя, причем первый больше солидаризировался с ними, а второй скорее оппонировал, чем соглашался. Им обоим импонировала Шпенглерова критика текущего состояния европейской культуры, которое тот определял как цивилизацию и считал финальной, предсмертной fazой ее истории. В то же время они отрицали такую предопределенность, считая, что впереди Европу ждёт трансформация, а не гибель. И если Бердяев мыслил это преображение в эсхатологическом свете, то Франк – в историческом, как очередное духовное возрождение, которое не случится в результате сверхъестественных событий, а должно стать плодом человеческого труда. Словом, Шпенглер, с их точки зрения, ставил более (Бердяев) или менее (Франк) верный диагноз эпохе, но не видел верных путей к исцелению.

С ещё большим основанием они прилагали этот тезис к Фр. Ницше. Корень кризиса современности Ницше усматривал в нигилизме – состоянии, при котором разрушается сам духовный стержень культуры в силу дискредитации её базовых ценностей. Его критика культуры зиждилась на представлении о том, что современная западная культура, в основе своей христианская, есть в своем роде болезнь, от которой следует исцелиться, и философия может взять на себя роль врача. Описав симптомы и историю “болезни”, Ницше предложил “панацею” в виде кардинальной переоценки всех ценностей. В своей «философии будущего» он обосновывал такой формат существования, при котором потребность в ценностях и смыслах упразднится и люди будут «переведены обратно на язык природы» [3, с. 353]. Чтобы стал невозможен вакуум нигилизма, должны погаснуть совесть, разум и самосознание, а на их место заступить инстинкты, сводимые к единой воле к власти и подавляемые до сих пор культурой. В этом плане Ницше был близок к другому материалисту – основателю психоанализа З. Фрейду, который тоже критиковал чрезмерное подавление влечений высокоразвитой культурой, но, в отличие от немецкого мыслителя, не находил в своей критике так далеко. Признавая гениальность Ницше, Франк и Бердяев видели в его творчестве и судьбе знак текущего духовного кризиса.

Отдельного упоминания заслуживает славянофильская традиция культуркритики, особенно значимая в случае Н.А. Бердяева. Остановимся на творчестве близкого к ней К. Н. Леонтьева (1831–1891), мыслителя, который не был славянофилом в точном смысле. Как позже Шпенглер, Леонтьев мыслил культуры как обособленные организмы, чье существование подчиняется универсальному закону. По нему, они проходят через три ступени эволюции: первичное смешение, цветущую сложность и вторичное смесительное упрощение. Рост и усложнение культурного мира есть собственно развитие, а прогресс, в оценке Леонтьева, – это движение во времени, ведущее к старению и гибели. Поскольку культура может существовать только в оригинальных национальных формах, задача каждого народа состоит в развитии своей самобытной формы. Унифицирующие тенденции европейской жизни XIX столетия философ рассматривал как симптомы разложения, предвещающие недалёкую гибель [4]. Он считал, что упрощение форм культурной жизни Запада происходит в виде двух взаимосвязанных процессов: либерально-эгалитарного, совершающегося в социально-политической сфере, и утилитарно-эвдемонического, наблюдавшегося в области науки, техники и искусства. Причём тот и другой процессы подпитывают обмирщение культуры, склоняющее её носителей видеть смысл существования и связывать надежды лишь с земной действительностью. Пусть в разной степени, оба интересующих нас философа разделяли принципиальное недовольство Леонтьева и поздних славянофилов обуржуазиванием современной им культуры, утратой ею своих сакральных основ и трансцендентных ориентиров.

Критика культуры в творчестве С. Л. Франка

В культурфилософии С.Л. Франка, представленной в работах 1-ой пол. 1920-х гг., прослеживаются два уже отмеченных уровня, пребывающих в тесной взаимосвязи. Начнём с того, что связан с критикой актуального кризиса европейской и, в частности, русской культуры и пересекается с историософской позицией Франка. Важнейшим про-

изведением в этом плане служит «Крушение кумиров» (1923), где одна глава посвящена тому, что философ назвал «кумиром культуры». Франк вспоминает, что до крушения последнего, он и его соотечественники думали о европейской культуре как об эталонной: признаки её образцового виделись им во всеобщей грамотности, интересе к политике, конституционно-правовом порядке, в жизненном комфорте и т.п. Большинство русских сочувствовало европейским социалистам как главным борцам с “феодальными” нравами, препятствовавшими дальнейшему культурному прогрессу. Когда началась революция, желанная многим, массовое дезертирство и бунты заставили нашу интеллигенцию ощутить, что Россия еще не доросла до гражданской зрелости Запада. Начавшаяся вскоре германская революция разрушила и это воззрение, открыв взору истинные масштабы кризиса. Оказалось, что «старый гуманистизм», придававший очарование культуре Модерна, был «половинчатым и поверхностным» [5, с. 115]. Также стала очевидной нравственная порча, исподволь подтачивавшая социально-политическую жизнь и культуру Европы, не говоря о былой России: коррупция, ангажированность интеллектуалов, продажность медиа, демагогия политиков и т.д. Менее уловимой, но не менее реальной в своей пагубности была общая трансформация мировоззрения, в котором решающее значение приобрели утилитарность и практицизм, сделавшие третьестепенными духовные цели и подчинившие Запад ницшеанской метафизике воли к власти.

Ещё до задолго до выхода первого тома «Заката Европы» Шпенглера С.Л. Франк поддерживал оппозицию культуры и цивилизации, подчеркивая, что различие между духовным творчеством и накоплением внешнего могущества «отвечают какой-то основной правде, ныне... усмотренной» [5, с. 143]. Но теперь, в 1920-ые годы, это противопоставление теряет прежнюю заострённость, ибо культура по существу своему сближается с цивилизацией. К этому времени русский философ уже отказался от неокантианской концепции культуры как высшей ценности. Если в «Очерках философии культуры» (1905) он называет культурой «совокупность абсолютных ценностей, [...] составляющих его [человечества] духовно-общественное бытие», то в «Крушении кумиров» это понятие он уже находит «туманным, расползающимся на части, противоречивым и призрачным» [6, с. 348; 5, с. 143]. И здесь же вместо прежней абсолютизации культуры Франк говорит о ней как о «производном отложении, осадке духовной жизни человечества», чье качество непосредственно зависит от того, что люди определяют в качестве своих высших целей. Соответственно, духовно здоровой и созидающей культуры может быть только тогда, когда она создаётся усилиями, вдохновляемыми и направляемыми любовью к Богу и к близким. «Абсолютное, – скажет он впоследствии, – есть творческая любовь и любящее творчество» [7, с. 389]. В рассматриваемый нами период он уже приближался к этому пониманию.

Дополнительный свет на культурфилософские взгляды Франка в те годы проливает его рецензия на opus magnum О. Шпенглера – «Кризис Западной культуры» (1922). Франк соглашается с Шпенглером в вопросе об иллюзорности культурно-цивилизационного прогресса. Если в «Очерках философии культуры» он использует понятие «культурный прогресс» в положительном смысле, то в этой работе и позже, в «Крушении ку-

миров», он учит о том, что «“прогресса” не существует» [6, с. 359; 5, с. 142]. В «Кризисе западной культуры» философ подчеркивает, что «Шпенглер (добавим: и Данилевский с Леонтьевым. – П.З., А.К.) исходит из вполне правильного и глубокого в своей основе замысла преодолеть ходячую, банальную концепцию всемирной истории, с ее плоским рационалистическим оптимизмом, выражаемом в теории “прогресса”» [8, с. 40]. Это не значит, впрочем, что русский философ принимает целиком альтернативную концепцию самого Шпенглера. В частности, он недоумевает, почему тот дробит по линии Высокого Средневековья христианско-европейскую культуру на две самостоятельные формации: магическую и фаустовскую. Причину этой явной некорректности Франк усматривает в том, что Шпенглер не отвёл религии культурообразующую роль, будучи лишенным «религиозно-исторического чутья» [8, с. 45]. Хотя для самого Франка «совершенно несомненно с чисто исторической точки зрения, что всякая культура произрастает прежде всего из недр определенного религиозного духа» [8, с. 45]. Кроме того, понятие западной культуры в «Закате Европы» представляется ему неверным в географическом плане. В итоге Франк не признаёт центральный тезис Шпенглера о близкой гибели этой культуры в целом. В том, что Шпенглер называл «закатом Западного мира», он видел «гибель лишь одного ее течения, хотя и объемлющего несколько веков» [8, с. 46]. Соответственным образом, Франк считает более уместным говорить о кризисе Модерна, в котором «одни великие силы отмирают, а другие рождаются» [8, с. 54]. Он убеждён, что христианская культура Запада, пережив очередной упадок, возродится, и что «цивилизация» есть не симптом её обречённости, а скорее отличительная черта этой культуры, способной сочетать духовность и техническую развитость.

Проблема Модерна – в постепенном извращении такого сочетания, при котором средства занимают место целей и обратно. Когда эти идолы стали так велики, что затмили собой подлинные экзистенциальные ориентиры, социальные катастрофы и духовный упадок не заставили себя долго ждать. Их очистительный эффект, на взгляд Франка, состоял в том, что все кумиры, прежде бывшие объектом поклонения, утратили прежнюю силу и не могут больше придавать смысл жизни. Душа исстрадавшегося человека ныне ищет «тесного [...] слияния с чем-то неведомым», что может раз навсегда «заполнить, укрепить, насытить ее» [5, с. 163]. Мыслитель сравнивает положение своих современников с ужасом и тоской древних славян, когда «низвергался в Днепр Перун вместе с остальными идолами, и они не знали, кому теперь надо служить и у кого просить помощи в бедах» [5, с. 163]. Пришло время «мучительного искаания» новой – подлинной – веры, «очищения души от призрачных и мертвых подобий жизни» [5, с. 163].

Для Франка падение кумиров – необходимое условие для «встречи души с живым Богом» [5, с. 166]. Поскольку культура тоже была включена в описанную первверсию и многие, как сам Франк, видели в ней абсолютную ценность, она служила одним из таких кумиров – рафинированным идолом части интеллигенции, не захваченной политической ажитацией. На низвержение этого идола Франк обращает свою критику культуры, которая в данном случае восходит на онтологический уровень. Его главная мысль здесь такова: сколь бы ценной и необходимой ни была культура как таковая, она не

должна закрывать для человека подлинную предельную реальность, отождествляемую им с непосредственным присутствием Бога. Философ сравнивает современников, прежде всего таких изгнанников, как он сам, с утопающими, стоящих перед лицом гибели. Их главная забота – «личное спасение» [5, с. 166]. Пусть моралистам это может показаться проявлением эгоизма, «мы знаем, что утопающий имеет право требовать помощи и что нельзя при виде его начать рассуждать о служении идеалам, а нужно просто вытащить его из воды» [5, с. 166]. Говоря в терминах К. Ясперса, речь идёт о пограничной ситуации, верный выход из которой состоит в приобщении к подлинной реальности, укоренении в ней или, говоря по-церковному, стяжании Духа Святого. Франк уверен, что только так возможно восстановление творческих сил и душевное оздоровление человека для созидательной деятельности, производной от которой станет обновлённая христианская культура.

Критика культуры в творчестве Н. А. Бердяева

В работах Н.А. Бердяева 1-ой пол. 1920-х гг.: «Предсмертные мысли Faуста» (1922), «Воля к жизни и воля к культуре» (1922), «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы» (1923) и «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы» (1924) – ещё более отчётливо, чем у Франка, прослеживаются два уровня культуркритики, уже известные нам. На первом, в основном располагающемся в области историософии и касающемя актуальной культурной ситуации, внимание философа сконцентрировано на шпенглеровской оппозиции культуры и цивилизации. В отличие от Франка, который принимал её с релятивизирующими оговорками, Бердяев разделяет её полностью со Шпенглером. Но если тот делал акцент на органичности, природности культуры и технической искусственности цивилизации, то русский философ предпочитает метафизическую и частью социально-антропологическую оптику биологической, не отказываясь до конца от последней. «Цивилизация, в противоположность культуре, не символична, не иерархична, не органична. Она – реалистична, демократична, механична» [9, с. 168]. Культура в пору своего расцвета противопоставляется ей как эпоха интенсивной духовной жизни, творческой мощи, внутренней сосредоточенности и стремления к трансцендентному. Важнейшей формой выражения и постижения в такие эпохи служит символизм. Коль скоро *Zeitgeist* современности всё больше приобретал цивилизационный, а не культурный характер, он утверждал, что Европа, а вслед за ней и Россия движутся по пути духовной деградации и, похоже, вплотную приблизились к её кульминации.

Вместе с тем Н.А. Бердяев вписывает оппозицию культуры и цивилизации в более широкий и, что особенно важно, линейный контекст, отвергавшийся Шпенглером. В этом плане он, как и Франк, был представителем традиционно-христианской историософской модели и классическим европоцентристом, считавшим, что конец европейско-христианской культуры совпадёт с завершением земной истории. Стало быть, то, что Шпенглер назвал «закатом» Европы, есть только фаза в её пульсирующей истории. Правда, в сравнении с Франком он наделял эту фазу гораздо более драматическим и позже эсхатологическим пафосом, видя в ней всеобъемлющий и предельно глубокий

кризис, разрушающий самые основания культуры и социальной жизни.

Стремясь передать этот пульсирующий ритм мировой истории, Бердяев прибег к символической дихотомии «дневных» и «ночных» эпох. «День» истории – это время, протекающее под знаком веры в прогресс, стремления к власти над природным миром и культа земного благополучия. Затем иллюзии «дня» рассеиваются, и с наступлением «ночи» перед людьми обнажаются «бездны бытия», полные тайн. Бердяевский образ «ночи» истории прямо связан с концепцией «нового Средневековья», представленной в одноимённой работе. Мыслитель считал Средневековые «ночной эпохой» – не в пейоративном смысле «тёмных веков», как повелось со времён Ренессанса, а в упомянутом выше значении, определённом его историософией. Оно включает в себя идею освобождения от «дневной» веры в надёжность разного рода позитивистских и рационалистических схем, в поступательный прогресс, выражаящийся в росте власти человека над миром, и во всесилие техники.

Критикуя современную ему культуру, Бердяев считал, что Европа стоит на пороге нового Средневековья. Речь идёт не о простом возвращении к прежней средневековой духовности и укладу жизни. То и другое не было совершенным, чтобы желать их буквального повторения. Образно говоря, философ имеет в виду не букву, а дух той далёкой эпохи. С его точки зрения, в силу культурной динамики, напоминающей движение маятника, должен совершиться переход от индивидуализма к утверждению «универсальной духовной культуры», от идеологии технического прогресса к упрощению вещественной стороны жизни [10, с. 561–564]. Попутно заметим, что в наши дни близкие представления, но в другой (не прогностической, а императивной) модальности, развиваются сторонники ряда крайних течений экофилософии... Бердяев верил, что социальные идеалы Средних веков обретут «более углубленный, онтологический смысл». Вступление в эпоху нового Средневековья не будет ознаменовываться возвратом к теократии и насилиственным ограничением личного мышления и творчества. На взгляд философа, «никакой клерикализм уже не сможет себе вернуть внешней силы» [10, с. 564]. Но если в Новое время человек искал «свободы от Бога», то в грядущей эпохе высшим обретением личности станет «свобода для Бога и в Боге». Бердяев чувствовал пробуждение «воли к теономии», т.е. к добровольному подчинению социума божественным законам, которые, по контрасту с гетерономией (подчинением извне установленным правилам) и автономии (самостоятельного существования), обеспечивают подлинную свободу, отвечающую нашей духовной природе [10, с. 567]. Восстановится, претерпев очищение, иерархический принцип. Сложится новая аристократия, но принцип, её образующий, станет духовно-характеристическим, а не социально-экономическим. Появятся группы, способные лучше других «духовно вооружиться для борьбы со злом, обострить способность его различения, вырабатывать новое рыцарство» [10, с. 576].

Не будет ошибкой сказать, что в концепции нового Средневековья Бердяев возводит свою культуркритику с историософского на религиозно-метафизический и, конкретнее, эсхатологический уровень. Как и у С.Л. Франка, в его учении они неразрывны и переходят один в другой. Определённый культурно-исторический оптимизм, которого не знал

Шпенглер, уравновешивается у него пессимистической метафизикой культуры. Одна из магистральных идей всего учения Бердяева гласит: «Культура по глубочайшей своей сущности и по религиозному своему смыслу есть великая неудача» жизни, поскольку она неспособна достичь «творческого преображения бытия» [11, с. 395–396; 9, с. 165]. Культура происходит из религиозного культа, но и тот, будучи её смысловым ядром, остаётся лишь символическим, а не «реалистическим» действом, считал Бердяев, расходясь в этом пункте с П.А. Флоренским. Высшая, духовная реальность доступна в культурном творчестве только в её символических отражениях. Не будучи в точном смысле бытийной, культура является недостаточной даже в лучшие, самые сильные и глубокие свои эпохи. Творческий акт, всегда лежащий в её основе, «притягивается вниз и отяжелевает», творчество оборачивается объективацией и не может преодолеть обусловленность законами падшего мира [9, с. 163–164].

На взгляд Бердяева, наиболее совершенный творческий акт имеет онтологическую природу, и его задача состоит в создании «иного бытия», в прорыве через уродство «мира сего» к «миру иному». Но таких прорывов почти не знает история, метафизическая задача творчества не выполняется: вместо преображеного бытия создаются лишь новые символы и артефакты [11, с. 278]. Каждый творец вынужден приноровляться к условиям этого мира. Любое каноническое искусство имманентно, а не трансцендентно: вопреки чаяниям самых дерзновенных художников, оно «хочет лишь культурной ценности, [а не] нового бытия» [11, с. 280]. Но хотя символизм есть свидетельство недостигнутого преображения мира, он намного ближе к «подлинному творчеству», чем современное натуралистическое искусство, отражающее внешнюю сторону реальности. Поэтому в пору расцвета культура всегда символична, а в пору заката – натуралистична и утилитарна или же склонна к безграничной культивации технического мастерства, становящейся самоцелью, что заметно в так называемом чистом искусстве.

В своей символичности творческий акт указывает на трансцендентное бытие, не достигая его в действительности. И в этом состоит его значимость, утрачиваемая в «цивилизационные» фазы духовного опустошения. По словам Бердяева, «всё великое в культуре было символически-культовым» и потому «саму неудачу культуры» он признаёт «священной», ибо в ней, несмотря ни на что, открывается «путь к высшему бытию» [11, с. 396–397]. В профанные же, технические эпохи этот путь изглаживается из культуры, и её деятели теряют самую жажду божественной полноты, а без этого делается невозможным полноценное творчество. Таким образом, символизм может преодолеваться в двух полярных направлениях: нигилистическом, в фазе духовного упадка культуры, и теургическом, которое должно открыться в будущем, когда будет преодолено «трагическое несоответствие между заданием нового бытия и достижением лишь культурной ценности» [11, с. 308]. Отметим, что под теургией Бердяев вслед за В.С. Соловьёвым понимает совместное с Богом действие, когда человек оказывается в силах выйти за пределы «срединного царства культуры» и, преодолев законы земного мира, непосредственно созидать действительность своим духовным усилием на правах со-творца Бога [12, с. 138–139]. Грядущая «ночная» эпоха нового Средневековья должна положить начало

теургическому творчеству и культуре, где уйдёт в прошлое раздробленно-дифференцированное искусство. Но это будут только зачатки подлинной теургии, которая станет возможной после конца истории, когда радикально изменится сам формат реальности и нашего существования в ней.

Заключение

Исследование культурфилософских взглядов С.Л. Франка и Н.А. Бердяева в работах 1-ой пол. 1920-х гг. позволило расширить представление о данном периоде их творчества, совпавшем с социально-политическими катастрофами, свидетелями, жертвами и своего рода летописцами которых они стали. Близость мировоззрений обоих мыслителей и жизненного контекста, в котором формировались их идеи в ту пору, предопределили ряд сходств в их взорениях на сущность и миссию культуры. К числу этих сходств относятся: а) критических пафос их культурфилософии, что даёт основание видеть в ней последовательную критику культуры; б) резкое недовольство актуальным состоянием западной и тем паче русской культуры; в) связь с теорией О. Шпенглера, разработанной в труде «Закат Европы»; г) убеждённость, что культура генетически восходит к религиозным представлениям и культу и в дальнейшем остаётся созависимой с религией, в силу чего утраты ею трансцендентных оснований неизбежно обличается кризисом и деградацией культуры; д) отрижение просвещенческого прогрессизма, в согласии с которым человечество, несмотря на все откаты и падения, с неизбежностью движется к большему совершенству и счастью; е) признание невозможности считать развитие культуры высшим назначением человека, ибо таковым служит богообщение и, по Бердяеву, теургия, сотворчество с Богом. Что касается расхождений позиций обоих философов, в общем и целом они проходят по этим же пунктам в виде различий нюансировок и акцентирования. В частности, недовольство текущей духовной ситуацией принимает у них очень разную концептуальную форму: если Франк говорит о кризисе европейской культуры, не меняющем её существа, то Бердяев учит о разложении её оснований и кардинальной смене пути развития – наступлении нового Средневековья. Соответственно, Франк отвергает мысль Шпенглера о духовной гибели Запада, а Бердяев её признаёт, но с одной оговоркой: эта гибель условна, как смерть птицы Феникс, обновлённой восстанавливающей из пепла. Наконец, Франк, не имея ничего против культуры самой по себе, критикует её ложную абсолютизацию, приводящую к забвению истинной цели жизни и важнейшей проблематики нашего существования. Бердяев же непосредственно сопрягает эту высшую цель и ключевую проблематику именно с преодолением культуры *reg se*. Мы думаем, что отмеченные различия в последнем пределе объясняются тем, что, будучи спекулятивными мистиками, два этих интеллектуала предпочитали мыслить (и жить) в разных перспективах: Франк брал жизнь здесь и сейчас, в её трагической повседневности, тогда как Бердяев – там и потом, в чаемом им эсхатоне.

Список литературы

1. Уотсон П. Эпоха пустоты. Как люди начали жить без Бога, чем заменили религию и что из этого вышло. Пер. с англ. – М.: Эксмо, 2017. – 784 с.
2. Емельянов Б.В. От Серебряного века к Железному: политические судьбы русской философии начала XX века // Русская философия. Новые исследования и материалы. – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», Санкт- Петербургское философское общество, 2001. – С. 17–25.
3. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. II. М.: Рипол Классик, 1997. – С. 241–408.
4. Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. – М.: Эксмо, 2007. – С. 333–405.
5. Франк С.Л. Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – С. 113–180.
6. Франк С.Л., Струве П.Б. Очерки философии культуры // Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Т. 2. 1903–1905. – М.: Издательство ПСТГУ, 2019. – С. 343–363.
7. Франк С.Л. Мысли в страшные дни // Франк С.Л. Непрочитанное. Статьи, письма, воспоминания. – М.: Московская школа политических исследований, 2001. – С. 347–393.
8. Франк С.Л. Кризис западной культуры // Освальд Шпенглер и Закат Европы. – М.: Берег, 1922. – С. 34–54.
9. Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре // Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – С. 162–174.
10. Бердяев Н.А. Новое средневековье // Бердяев Н.А. Смысл творчества. – М.: АСТ, 2011. – С. 544–576.
11. Бердяев Н.А. Смысл творчества. – М.: АСТ, 2006. – 414 с.
12. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 174 с.

Сведения об авторах

Зоренко Полина Александровна – обучающаяся по направлению подготовки: 51.03.01 Культурология, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Российская Федерация, г. Симферополь
E-mail: zorenko29ip@mail.ru

Карабыков Антон Владимирович – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Российская Федерация, г. Симферополь

E-mail: meavox@mail.ru

Zorenko P. A., Karabykov A. V.

CRITICISM OF CULTURE IN THE WORKS BY S. L. FRANK AND N. A. BERDYAEV IN THE FIRST HALF OF THE 1920S.

Abstract: The article examines the views on culture of two outstanding Russian philosophers, S. L. Frank and N. A. Berdyaev, in the context of their work in the first half of the 1920s. Since they were mainly characterized by critical pathos, the cultural philosophy of these thinkers was cultural criticism essentially at that time. The authors explore the role of the historical situation, including the consequences of the revolutions, world and civil wars, which led to the radicalization of their views, as well as the influence of previous conceptions of that kind in the West and in Russia, primarily O. Spengler's theory. It is proved that Frank and Berdyaev develop their criticism on two interrelated levels. The first one analyzes negative trends in the spiritual life of modern society, and the second one criticizes culture as such (Berdyaev) and its false absolutization (Frank). Despite the differences in their approaches, both philosophers comprehend the loss of the transcendent foundations of culture and strive to seek spiritual rebirth. At the same time, Berdyaev associates the latter with the advent of the new Middle Ages as a pre-eschatological epoch, and Frank with the religious awakening of individuals and communities, without any tectonic shifts and fractures in the further course of history.

Keywords: cultural crisis of modernity, Oswald Spengler, civilization, history of Russian thought, Christianity, eschatology.

References

1. Uotson P. Jepoha pustoty. Kak ljudi nachali zhit' bez Boga, chem zamenili religiju i chto iz jetogo vyshlo [The Age of Nothing: How We Have Sought To Live Since The Death of God]. Per. s angl. M.: Jeksmo, 2017.
2. Emel'janov B.V. Ot Serebrjanogo veka k Zheleznomu: politicheskie sud'by russkoj filosofii nachala XX veka [From the Silver Age to the Iron Age: the Political Fate of Russian Philosophy at the beginning of the 20th Century] // Russkaja filosofija. Novye issledovaniya i materialy. SPb.: Izdatel'sko-torgovyj dom «Letnij sad», Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2001. S. 17–25.
3. Nicshe F. Po tu storonu dobra i zla [Beyond good and evil] // Nicshe F. Sochinenija v 2 t. T. II. M.: Rropol Klassik, 1997. S. 241–408.
4. Leont'ev K.N. Srednij evropeec kak ideal i orudie vsemirnogo razrushenija [The average European as an ideal and an instrument of worldwide destruction] // Leont'ev K.N. Vostok, Rossija i slavjanstvo. M.: Jeksmo, 2007. S. 333–405.
5. Frank S.L. Krushenie kumirov [The collapse of idols] // Frank S.L. Sochinenija. M.: Pravda, 1990. S. 113–180.
6. Frank S.L., Struve P.B. Ocherki filosofii kul'tury [Essays on the philosophy of culture] // Frank S.L. Polnoe sobranie sochinenij. T. 2. 1903–1905. M.: Izdatel'stvo PSTGU,

2019. S. 343–363.
7. Frank S.L. Mysli v strashnye dni [Thoughts on scary days] // Nепрочитанное. Стат’и, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 347–393.
 8. Frank S.L. Krizis zapadnoj kul’tury [The crisis of Western culture] // Osval’d Shpengler i Zakat Evropy. М.: Bereg, 1922. С. 34–54.
 9. Berdjaev N.A. Volja k zhizni i volja k kul’ture [The will to live and the will to culture] // Berdjaev N.A. Smysl istorii. М.: Mysl’, 1990. С. 162–174.
 10. Berdjaev N.A. Novoe srednevekov’ye [The New Middle Ages] // Berdjaev N.A. Smysl tvorchestva. М.: AST, 2011. С. 544–576.
 11. Berdjaev N.A. Smysl tvorchestva [The meaning of creativity]. М.: AST, 2006. 414 с.
 12. Berdjaev N.A. Smysl istorii [The meaning of history]. М.: Mysl’, 1990. 174 с.

Zorenko Polina Aleksandrovna – a student in Cultural Studies, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation.

E-mail: zorenko29ip@mail.ru

Karabykov Anton Vladimirovich – Dr. Sci. in Philosophy, PhD in Philology, Assoc. Prof.; V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation.

E-mail: meavox@mail.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 1+130.2

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-2-71-80

ШАХМАТЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ И РЕНЕССАНСНОЙ ЕВРОПЕ КАК ОТОБРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Пилавов Г. Ш.

Аннотация: В статье рассматривается шахматная игра в Европе эпохи Средневековья и Возрождения, и ее метаморфозы, отображающие социокультурные и общественно-политические процессы того времени. Шахматы попали в Европу вместе с другими достижениями арабской культуры и науки, после чего очень быстро стали популярным явлением культурной жизни той эпохи. Противоречивые взаимоотношения шахмат и католической церкви были конструктивно переосмыслены за счет использования символизма шахмат для демонстрации религиозных концепций. Происходящие впоследствии изменения шахматных правил являлись отображением ряда реалий культурной, религиозной и политической жизни европейского средневековья. Появление правила рокировки, превращение слона в епископа, а ферзя в королеву с одновременным изменением правил их передвижения по доске находится в соответствии с динамикой религиозных и политических процессов той эпохи. Особо следует отметить, что сильнейшими шахматистами того времени были представители Италии и Испании – наиболее культурно развитых стран Европы, в которых зародилась и расцвела эпоха Возрождения. Все эти факты показывают, что на шахматной доске отображались социокультурные, религиозные и общественно-политические процессы, происходящие на рассматриваемом отрезке исторического развития.

Ключевые слова: Средневековье, шахматы, религия, Изабелла Кастильская, Возрождение.

Введение

Коренной перелом в области культуры, науки и философии в Западной Европе произошел в IX веке, когда после арабского завоевания Испании европейские государства оказались под влиянием арабской научной мысли. Как отмечал британский ученый и социолог Дж. Бернал, «... в этот мир ограниченной и жадной интеллектуальной деятельности была привнесена арабская ученость» [1, с. 177]. Проникнув в Западную Европу, арабская научная мысль оказала влияние практически на все сферы интеллектуальной деятельности человека – от научной (астрономия, математика, медицина, философия) до культурной (музыка, поэзия). Как отмечается в современной арабистике, распространившись из Пиренейского полуострова через Прованс по всей Европе, «...арабская нау-

ка завоевала из Испании Западную Европу» [2, с. 6]. Прежде всего, благодаря арабской научной экспансии в Европе были заново открыты труды Аристотеля и других мыслителей Древней Греции и Рима, которые были утрачены в результате борьбы христианства с язычеством. Однако арабская научно-культурная мысль использовала наследие не только эллинизма, но и цивилизаций Востока. По словам А.А. Садыховой, «вторая половина X в. стала периодом расцвета наук, искусства и ремесел. Европа познакомилась с научным наследием Греции и Индии благодаря переводам на арабский язык» [3, с. 325]. Все эти знания были аккумулированы мыслителями Арабского халифата, и переданы цивилизации Западной Европы, которая в VII-VIII века находилась в состоянии глубокого интеллектуального упадка. Стоит отметить, что к тому же арабская экспансия стала одной из причин укрепления франкского государства, и, следовательно, Каролингского возрождения. Вместе с научными, философскими и культурными ценностями через Испанию проникла в Западную Европу и шахматная игра, которая очень быстро заняла значимое место в интеллектуальном пространстве той эпохи.

В арабском мире шахматная игра была известна под названием шатранджа, правила которого значительно отличались от современных нам шахмат. Как отмечалось ранее, шахматная игра «на протяжении всей истории человечества повторяет, а зачастую и предвосхищает процессы, происходящие в социокультурной и общественно-политической сфере, в научной и философской мысли» [4, с. 12]. Данное явление может быть охарактеризовано термином социосимметрия. Этим во многом и была обусловлена эволюция шатранджа Европе, изменение его правил: «В Европе шатрандж впоследствии был актуализирован в виде современной шахматной игры, ставшей социосимметричным отражением культурной, общественно-политической и социально-философской проблематики» [5, с. 34]. Рассмотрим более подробно историю развития шахмат в средневековой Европе, уделяя особенное внимание тем изменениям, которые отображали динамику социокультурных и общественно-политических процессов.

Шахматы в Европе

Шахматная игра быстро завоевала популярность в образованных кругах средневековой Европы. Как отмечал Я.И. Нейштадт, «исторически шахматы на европейском континенте можно проследить с начала XI столетия» [6, с. 10]. Еще более ранние сроки называет Л. Бахман: «Достоверно то, что шахматы были известны в Европе уже в X веке. До нас дошел целый ряд свидетельств о шахматах» [7, с. 15]. Одним из первых письменных источников с упоминанием шахмат считается завещание Эрменгола I, графа Урхеля (Кастилия) согласно которому, его комплект шахмат завещается церкви святого Эгидия (1008 год).

Как отмечает известный современный медиевист М. Пастуро, «начиная со второй половины XII века возрастает число текстуальных, археологических и иконографических свидетельств, демонстрирующих, насколько быстро распространялась эта игра» [8, с. 289]. Немаловажным маркером популярности и социокультурной значимости шахмат в средневековой Европе является тот факт, что один из образованнейших людей своего времени – король Кастилии Альфонсо Мудрый (XIII в.) наряду с

другим научным и культурным наследием оставил после себя трактат по шахматам.

Шахматная игра, как и каждое социально значимое явление эпохи средневековья, сразу же привлекла к себе внимание Католической церкви. Заслуживает внимания тот факт, что отношение церкви к шахматам было амбивалентно. Ряд священнослужителей высказывались о них негативно и предпринимали шаги для запрета шахмат, поскольку считали эту игру «языческой, азартной, вредной» [9, с. 32]. При этом значительное число священников различного ранга либо внесли определенный вклад в развитие шахматной игры, либо использовали метафорику шахматы в качестве иллюстративного материала в трудах религиозного содержания. В качестве примера можно упомянуть немецкого гуманиста и теолога Филиппа Меланхтона, который называл жизнь «шахматной доской господа Бога, который играет фигурами князей, королей и императоров, время от времени побуждая одни фигуры сбрасывать с доски другие» [10, с. 17].

Использование шахмат как отображение религиозных концепций было обусловлено тем, что стратегическая картина шахматной партии во многом совпадала с религиозными установками христианства. Ошибки приводят к поражению – как образно отмечал советский шахматист и литератор А.С. Суэтин: «справедливость логики шахмат в том, что “грешника”, как правило, ждет жестокое возмездие», в чем легко прослеживается аналогия с концепцией загробного мира в христианской религии [11, с. 78]. Заслуживает внимания и метафора, употребленная Джироламо Савонаролой в трактате «Об искусстве хорошо умирать». Итальянский богослов осмысливает борьбу добра и зла, как партию с дьяволом, который «... постоянно играет с человеком в шахматы и ожидает решительного конца, чтобы объявить ему мат. Кто побеждает в этот момент, выигрывает битву всей жизни» [12, с. 357–358].

В истории шахмат есть отдельные эпизоды противостояния церкви и шахмат. Известно письмо-донос 1061 года известного богослова Петра Дамиани, в котором он сообщал римскому папе, что застал епископа Флоренции за игрой в шахматы – игрой «непристойной, неприемлемой» [10, с. 34]. В 1291 году крайне негативно об игре в шахматы высказывался архиепископ Кентерберийский Джон Пэкхем: «Отвратительный сей порок подлежит беспощадному искоренению любыми средствами» [10, с. 34]. Еще более радикальные меры предпринимал в 1452 году папский нунций в Нюрнберге Капистранус, приказавший собрать и сжечь все комплекты шахмат, найденные в этом городе [10, с. 34–35]. Однако данные события являлись скорее запоздалыми эксцессами исполнителей и не имели серьезных последствий. Как справедливо отмечал М. Пастуро, «... прелаты и церковные власти (синоды, соборы) запрещали игру в XI–XII веках» [8, с. 294], в дальнейшем же данная тенденция практически сошла на нет, так как шахматная игра заняла значимое место в социокультурном пространстве средневековья.

Реформа шахмат как отображение социокультурных процессов

Как отмечал в работе «Изменение правил и средневековые шахматные аллегории» американский исследователь Д. О’Салливан, «шахматы появились в Европе около 1000 года нашей эры, после чего они быстро приобрели значение социального и политического символа» [13, р. 204]. Однако следует отметить, что политическая и социокультур-

ная жизнь Европы той эпохи значительно отличалась от реалий мусульманского мира, в связи с чем довольно скоро назрела реформа правил шахматной игры, которая бы не только согласовывала их со структурами существующего социального строя, но и позволила бы актуализировать западное мышление в пространстве шахмат. По словам М. Пастуро, «на шахматы, игру умозрительную, даже “философскую”, не могли не оказать влияния… сдвиги в системе мышления» [8, с. 305].

Как отмечала М.А. Можейко, «… с развитием средневекового общества… в набор шахматных фигур как модель социума вносятся интересные корректизы» [14, с. 73]. Разберем подробнее те изменения, которые произошли на шахматной доске в описываемый период.

Подверглось изменению название и правила хода такой фигуры, как слон. Причин тому можно назвать несколько. Прежде всего шахматы, на одном из уровней их восприятия, продолжали оставаться моделью военного сражения, и слоны, которые были реальной боевой единицей в Индии времен изобретения чатуранги, не вписывались в средневековое военное искусство. Во-вторых, в процессе филиации шахматных идей из Индии через арабский мир в Европу, данная фигура утратила свой внешний символизм, поскольку в исламе было запрещено изображать живых существ. В-третьих, если мы посмотрим на начальную расстановку шахматных фигур, то увидим, что слоны располагаются рядом с королем и королевой. Во время шахматной реформации ближайшими к монархам фигурами были, очевидно, священнослужители. Поэтому неудивительно, что «примерно в 1510 году Вида, епископ Альбийский, написал поэму “Игра в шахматы”. Он использует слово епископ… вместо слон…» [15, с. 32]. Одновременно с переименованием были изменены правила ходов этой фигурой. Если в шатрандже слон мог лишь прыгать через одну клетку, то после изменения правила ходов он мог пересекать всю доску. Здесь мы можем видеть намек на силу католической церкви. Кроме того, возможность перемещения слона (епископа) по всей доске могла символизировать триумф католической религии, которая стала активно распространяться по всему миру с наступлением эпохи географических открытий.

Еще более рельефно социосимметрия шахмат, отражающая динамику развития общества, проявилось в изменении названия, правил хода, и, соответственно значимости ферзя, который в Европе трансформировался в королеву. Переименование данной фигуры вполне объяснимо, поскольку название ферзь происходит от арабского «фирсан» – визирь, то есть советник монарха. В строгой иерархии феодальной Европы советники не играли значительной роли, и никак не могли рассматриваться в качестве второго лица. В европейских государствах той эпохи наиболее приближенной к королю фигурой могла стать только королева, и, как писал М. Пастуро, «превращение визиря в королеву совершилось… в первой половине XIII века» [8, с. 302]. Однако по правилам шатранджа ферзь был слабейшей фигурой на шахматной доске, передвигаясь всего лишь на одну клетку по диагонали. Тем не менее, в современных шахматах ферзь (королева) – сильнейшая фигура на доске. С конца XV века она ходит на любые расстояния по вертикали, горизонтали и диагонали. Данная метаморфоза также является отражением событий, происходивших в рассматриваемую эпоху.

Несомненно, резкое усиление фигуры ферзя (королевы) могло быть связано с тем, что в течении средневековья возрастала роль королев в вопросах управления государством. Ряд представительниц той эпохи известны в исторической науке как самостоятельные фигуры европейского масштаба (Алиенора Аквитанская, Филиппа Генегау, Маргарита Анжуйская и т. д.). Современные исследователи истории шахмат еще более конкретны в своих предположениях. По мнению голландского историка Г. Вестервельда и американской исследовательницы М. Ялом, данная реформа связана с именем Изабеллы Кастильской [16, 17]. В частности, увеличение длительности хода ферзя может быть отражением ее неблизкой поездки в военный лагерь при осаде Басы (1489 год), что привело к капитуляции этой крепости, и вследствие этого к падению Гранадского эмирата [18]. Косвенно это подтверждается тем, что новые правила шахмат были впервые изложены в труде испанского шахматиста Л.Р. Лусены «Повторение любви и искусство игры в шахматы», написанной в 1497 году. Как справедливо отмечала французский историк М.-А. Поло де Болье, «названия шахматных фигур были изменены и стали отражением западного образа жизни» [19, с. 825].

Эти реформы логическим образом привели к следующей – к появлению в правилах шахмат возможности рокировки, позволяющей обеспечить безопасность короля. Как отмечал американский исследователь Г. Дэвидсон, рокировка появилась именно из-за увеличения мощности таких фигур, как слон и ферзь, что дало возможность проводить более агрессивные атаки на находящегося в центре сражения короля [20]. Шахматы и в этом плане явились отражением проходящих в реальности процессов – в частности, увеличения мощности оружия в связи с изобретением пороха. В XV веке, как правило, монархи, принимающие участие в сражениях, старались находиться в безопасном месте. Редкие исключения, вроде Ричарда III в битве при Босворте, только подтверждали правильность такой модели поведения. Аналогично и в шахматной партии, рокировка обеспечивающая безопасность короля, является обязательным стратегическим приемом.

В целом усиление дальности шахматных фигур, ускорение темпов их передвижения по доске символизировали общие темпоральные процессы, происходившие в конце эпохи средневековья. Для европейцев шатрандж стал слишком медлительной игрой, в связи с чем уже не мог отражать существующие в обществе реалии. Следует отметить, что шахматы являются единственным феноменом социокультуры, терминология и методология которых изменялась под влиянием перемен в общественно-политической и культурной жизни. Таким образом, обращение к шахматной тематике может демонстрировать динамику развития общества. Также представляет интерес тот факт, что унификация новых шахматных правил совпала по времени с окончанием периода феодальной раздробленности, отображая, таким образом, на шахматной доске общественно-политические процессы.

Замена архаичных правил шатранджа на новые более динамичные формы символизировала коренные перемены, которые происходили во всех сферах европейской жизни. Следует отметить, что реформа шахмат совпала по времени с наступлением эпохи Возрождения. И неудивительно, что эти изменения произошли именно там, где эпоха Возрождения была выражена наиболее отчетливо.

Данная закономерность была отмечена исследователями шахмат. Как писал Я.И. Нейштадт, «передовую роль в шахматной жизни этого времени играли две страны, где особенно ярко расцвела культура Возрождения – Италия и Испания» [5, с. 13]. В более глобальной трактовке Р. Рети: «Прослеживая историю шахмат, мы видим, что ими больше всего занимались всегда в тех странах, которые играли руководящую роль в культурном отношении» можно обнаружить и отсылку к тенденциям предыдущих этапов развития шахмат, в частности, к эпохе золотого века Арабского халифата [21, с. 31].

Являясь общепризнанным феноменом социокультуры, шахматы стали объектом научной рефлексии, при этом важнейшие работы по теории шахмат также были созданы в Италии и Испании. Перечислим лишь основные шахматные труды, изданные в этот период: «Повторение любви и искусства игры в шахматы» (Л.Р. Лусена, Испания, 1497), «Эта книга учит играть в шахматы» (П. Дамиано, Италия, 1512), «Книга об изобретательности и искусстве игры в шахматы» (Р. Лопес, Испания, 1561), «Трактат об изобретении и свободном искусстве шахматной игры» (А. Сальвио, Италия, 1604), «Шахматная игра» (П. Кэррера, Италия, 1617), «Трактат о благородной игре в шахматы» (Д. Греко, Италия, 1619–1625). Эти работы пользовались большой популярностью. Так, труд итальянского гуманиста Марка Иеронима Вида «Об игре в шахматы» (1525) в XVI веке был издан 32 раза и переведен на ряд европейских языков.

Сильнейшие шахматисты того времени также являлись представителями Испании и итальянских государств. В 1575 году при дворе короля Испании Филиппа II состоялся, говоря современным языком, первый международный турнир, в котором приняли участие итальянские мастера П. Бони и Д. Леонардо, и испанские шахматисты Р. Лопес и А. Серон. Как отмечал М. Пастуро, «... до конца Средневековья самыми сильными игроками на Западе остаются итальянцы и испанцы» [8, с. 312]. Дальнейший упадок этих стран, экономический и культурный, привел к стагнации и шахматной мысли, подтверждая тем самым предположение о том, что шахматная игра отражает весь спектр социокультурных и общественно-политических процессов, происходящих в том или ином обществе.

Заключение

Шахматная игра являлась не только одной из составляющих культурного пространства Средневековья и Возрождения. В этот период она претерпела изменения правил, которые отображали происходящие в то время процессы, относящиеся к различным сферам человеческой деятельности. Так, изменение названия фигуры слона и правила ходов им символизировали значимость католической церкви, находившейся на вершине могущества. В становлении ферзя в качества самой сильной фигуры на шахматной доске отражена историческая роль Изабеллы Кастильской, которую сложно переоценить. Правило рокировки, позволяющей обезопасить положение короля, отобразило новые модели поведения европейских монархов, которые, как правило, избегали непосредственного участия в сражениях.

Не менее значимым является и факт доминирования в шахматах того времени мастеров из Италии и Испании, которые значительно подняли престиж шахмат за счет

написания большого количества шахматных трудов. Совпадение лидирующей роли представителей этих стран как в культурном, так и в шахматном пространстве является дополнительным доказательством того, что шахматы отображают динамику происходящих социокультурных процессов.

Список литературы

1. Бернал Дж. Наука в истории общества. М.: Издательство иностранной литературы, 1956.
2. Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М.: Наука, 1982.
3. Садыхова А.А. Из истории взаимовлияний западноевропейской и арабо-мусульманской культур // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10. № 5–6(44–45). С. 321–332.
4. Пилавов Г.Ш. Шахматы как отражение социально-философских концепций эпохи Просвещения // Гуманитарный вестник Донского Государственного аграрного университета. 2023. №1. С.12–19.
5. Пилавов Г.Ш. Шахматы как отражение культурного пространства арабского халифата // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2024. № 3(223). С. 31–36.
6. Нейштадт Я.И. Шахматы до Стейница. М.: ФиС, 1961.
7. Бахман Л. Шахматная игра в ее историческом развитии. Ленинград: Academia, 1925.
8. Паstуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб.: Александрия, 2012.
9. Новотельнов Н.А. Знакомьтесь: шахматы. М.: ФиС, 1981.
10. Александрович Г.С., Столляр Е.С. Многоликая Каисса. М.: ФиС, 1989.
11. Суэтин А.С. Лаборатория шахматиста. М.: ФиС, 1972.
12. Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. Том 1. СПб: Грядущий день, 1913.
13. O’Sullivan D. Changing the Rules in and of Medieval Chess Allegories // Chess in the Middle Ages and Early Modern Age A Fundamental Thought Paradigm of the Premodern World. Edited by Daniel E. O’Sullivan. Boston; Berlin: De Gruyter, 2012. P. 199–221.
14. Можейко М.А. Шахматы как означающее: эволюция означаемого в средневековой культуре // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021. №2. С. 64–79.
15. Вильямс Г. Шахматы. История. Фигуры. Игрошки. М.: Арт-Родник, 2004.
16. Westerveld G. De Invloed van de Spaanse Koningin Isabel la Catolica op de Nieuwe Sterke Dame in de Oorsprong van het Dam en Moderne Schaakspel. Amsterdam: Beniel-Spanje, 1997.
17. Yalom M. Birth of the Chess Queen: A History. New York: HarperCollins, 2004.

18. Prescott W.H. *The Art of War in Spain: The Conquest of Granada, 1481–1492.* London: Greenhill Books, 1995.
19. Поло де Болье М.А. *Средневековая Франция.* М.: Вече, 2006.
20. Davidson H. *A short history of chess.* New York: McKay, 1949.
21. Рети Р. *Новые идеи в шахматной игре.* М.: Русский шахматный дом, 2009.

Сведения об авторе

Пилавов Георгий Шаликович – кандидат философских наук, Луганский государственный аграрный университет им. К.Е. Ворошилова, доцент кафедры философии, истории и педагогики.

E-mail: Pilav29@mail.ru

Pilavov G. Sh.

CHESS IN MEDIEVAL EUROPE AS A REPRESENTATION OF SOCIO-CULTURAL PROCESSES

Abstract: *The article examines the chess game in Europe during the Middle Ages, and its metamorphoses reflecting the socio-cultural and socio-political processes of that time. Chess came to Europe along with other achievements of Arab culture and science, after which it quickly became a popular phenomenon of the cultural life of that era. The contradictory relationship between chess and the Catholic Church has been constructively reinterpreted by using chess symbolism to demonstrate religious concepts. The subsequent changes in the chess rules reflected a number of realities of the cultural, religious and political life of the European Middle Ages. The appearance of the castling rule, the transformation of a bishop into a bishop, and a queen into a queen, while simultaneously changing the rules of their movement on the board, is in line with the dynamics of religious and political processes of that era. It should be especially noted that the strongest chess players of that time were representatives of Italy and Spain, the most culturally developed European countries of that era, in which the Renaissance era originated and flourished. All these facts show that the chessboard displays the socio-cultural, religious and socio-political processes taking place in the Middle Ages.*

Keywords: *Middle Ages, chess, religion, Isabella of Castile, Renaissance*

References

1. Bernal J. *Nauka v istorii obshchestva [Science in History].* Moskow: Inostrannoi literatury Publ., 1956. (In Russian).
2. Ocherki istorii arabskoi kul'tury V–XV vv. [Essays on the history of Arab culture of the 5th–15th centuries]. Moskow: Nauka Publ., 1982. (In Russian).
3. Sadykhova A.A. *Iz istorii vzaimovliyanii zapadnoevropeiskoi i arabo-musul'manskoi*

- kul'tur [From the history of mutual influences of Western European and Arab-Muslim cultures] // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. Vol. 10. № 5-6 (44–45). P. 321–332.
4. Pilavov G. Sh. Shakhmaty kak otrazhenie sotsial'no-filosofskikh kontseptsii epokhi Prosveshcheniya [Chess as a reflection of socio-philosophical concepts of the Enlightenment Era] // Gumanitarnyi vestnik Donskogo Gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2023. № 1. P. 12–19.
 5. Pilavov G. Sh. Shakhmaty kak otrazhenie kul'turnogo prostranstva arabskogo khalifata [Chess as a reflection of the cultural space of the Arab Caliphate] // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. 2024. № 3 (223). P. 31–36.
 6. Neishtadt Ya.I. Shakhmaty do Steinitza [Chess before Steinitz]. Moskow: FiS Publ., 1961. (In Russian).
 7. Bakhman L. Shakhmatnaya igra v ee istoricheskem razvitiy [The chess game in its historical development]. Leningrad: Academia Publ., 1925. (In Russian).
 8. Pasturo M. Simvolicheskaya istoriya evropeiskogo srednevekov'ya [Symbolic history of the European Middle Ages]. Saint-Petersburg: Aleksandriya Publ., 2012. (In Russian).
 9. Novotel'nov N.A. Znakom'tes': shakhmaty [Meet: chess]. Moskow: FiS Publ., 1981. (In Russian).
 10. Aleksandrovich G.S., Stolyar E.S. Mnogolikaya Kaissa [Many-faced Kaissa]. Moskow: FiS Publ., 1989. (In Russian).
 11. Suetin A.S. Laboratoriya shakhmatista [The Chess player's laboratory]. Moskow: FiS Publ., 1972. (In Russian).
 12. Villari P. Dzhiralamo Savonarola i ego Vremya [Girolamo Savonarola and his time.]. Vol. 1. Saint-Petersburg: Gryadushchii den' Publ., 1913. (In Russian).
 13. O'Sullivan D. Changing the Rules in and of Medieval Chess Allegories // Chess in the Middle Ages and Early Modern Age A Fundamental Thought Paradigm of the Premodern World. Edited by Daniel E. O'Sullivan. Boston; Berlin: De Gruyter, 2012. P. 199–221.
 14. Mozheiko M.A. Shakhmaty kak oznachayushchee: evolyutsiya oznachaemogo v srednevekovoi kul'ture // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya. 2021. №. 2. P. 64–79.
 15. Willyams G. Shakhmaty. Istorya. Figury. Igroki [Chess. History. Shapes. Players.]. Moskow: Art-Rodnik Publ., 2004. (In Russian).
 16. Westerveld G. De Invloed van de Spaanse Koningin Isabel la Catolica op de Nieuwe Sterke Dame in de Oorsprong van het Dam en Moderne Schjaakspel. Amsterdam: Beniel-Spanje, 1997.
 17. Yalom M. Birth of the Chess Queen: A History. New York: HarperCollins, 2004.
 18. Prescott W.H. The Art of War in Spain: The Conquest of Granada, 1481–1492. London: Greenhill Books, 1995.
 19. Polo de Beaulieu M.A. Srednevekovaya Frantsiya [Medieval France.]. Moskow:

- Veche Publ., 2006. (In Russian).
20. Davidson H. A short history of chess. New York: McKay, 1949.
21. Reti R. Novye idei v shakhmatnoi igre [New ideas in the chess game]. Moskow: Russkii shakhmatnyi dom Publ., 2009. (In Russian).

Pilavov Georgy Sh. – CSc in Philosophy, Luhansk Voroshilov State Agricultural University.
E-mail: Pilav29@mail.ru

УДК 304

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-2-81-89

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Часть 1. Истоки и смысл героического мифа

Габриелян О. А., Гарбузов Д. В.

Аннотация: Герой рассматривается как культурный институт и мифологический архетип. Реконструируется культурная история героизма. Отдельно рассматривается история русской героической культуры. Определяется культурный эталон русского героя. Реконструируется мифологический архетип героя, в котором раскрывается антропный принцип бытия. Новые поколения людей всматриваются в образ героя и понимают кто они и для чего существуют. Репрезентируется архетипический путь мифологического героя: избрание, инициация, подвиг, возвращение к людям. Героический миф – это ядерный элемент социального габитуса, то есть способа воспроизведения социальных структур в психических (сознательных и бессознательных) структурах человеческой личности. Это означает в первую очередь, что представления о герое и героизме неразрывно связаны с историко-культурными формами социальной структуры и практики.

Ключевые слова: герой, героизм, героический миф, специальная военная операция, культурная история героизма, русская героическая культура, русский герой, антигерой, мифологический архетип героя.

Введение

В связи со специальной военной операцией России на Украине тема героизма вновь стала актуальной. Причины этого вполне понятны. Прежде всего, герои стали реальностью. Они появились в большом количестве, соответствующем масштабам боевых действий, и необратимо изменили наше общество. Все что происходит, все социальные игроки и деятели должны теперь учитывать этот фактор. Формируется новая социальная группа. Масштаб и глубина проблем, которые разверзлись перед Россией таковы, что их способны преодолеть только герои. Сформировался социальный запрос на героев. Но кто они? Каково их происхождение? Почему часто героями становятся не те, от кого это ожидают? Откуда они берут свою силу и как связаны с другими людьми? Ответы на эти и другие вопросы получают мировоззренческую глубину и весомость, если посмотреть на них сквозь призму культурной истории героизма. Героический миф составляет ядро культуры и выражает глубины человеческого существования и отношения к миру.

Таким образом, целью статьи является систематизация представлений о смыслах героизма как культурного института, выражающего основания индивидуального и коллективного существования человека. Иными словами, данный культурный институт во-

площает комплементарность определенной социальной реальности с ее восприятием и осознанием в жизненной практике человеческого существования. Соответственно, существенное изменение любого из этих взаимодополнительных компонентов неизбежно должно проявиться и в трансформации культурного института героизма, само функционирование которого оказывается проблематичным. Фиксирование важных характеристик данной проблематичности является целью статьи.

I. Мифологический герой

История героизма. Этимология слова герой восходит к латинскому и греческому языкам, в которых оно означало защитник, покровитель, полубог, подобный богу [1, с. 184]. Первоначально это были мифологические персонажи, которые не являлись ни людьми, ни богами. Благодаря некоторому магическому событию они приобрели сверхчеловеческую силу, либо в мифологических сюжетах они были детьми богов и смертных женщин. Это фундаментально важный момент. Герой не такой как все люди. Нельзя стать героем просто развив в себе какое-либо качество. Для этого должно произойти некое трансцендентальное событие. Нужно каким-то образом перешагнуть трансцендентный предел, бездну и выйти за границы человеческого. Но герой это и не бог, ибо он смертен и сверхчеловеческая сила для него – это достижение, а не приобретение естественным образом, по наследству. В этом смысле он оказывается более человечным, чем человек и более достойным божественного, чем боги.

В мифах предстают герои двух типов. Во-первых, могучие воины, поражающие многочисленных врагов и чудовищ. Во-вторых, так называемые «культурные герои», обладающие особыми способностями (дарами), позволяющими совершать различные культурные открытия (использование огня, колеса и т.п.)¹. В мифологических источниках с героями связаны наборы оценочных характеристик, таких как мужество, бесстрашие, стойкость, готовность к самопожертвованию, доблесть, храбрость, самоотверженность, смелость, восхищение, подражание, удивление, поклонение. Эти значения являются культурно-исторически маркированными и актуальными в данный момент истории конкретной цивилизации. То есть герой, совершающий подвиг, олицетворяет некоторые конкретные культурные ценности, и в то же время формирует представления других людей о нормах, одобряемых данным обществом в данное время [2, с. 176].

Мифы выражают коллективное мировоззрение человеческих сообществ. Чем сложнее человеческая цивилизация, тем богаче ее героический миф. Первые развитые человеческие цивилизации – месопотамская, древнеегипетская, древнеиндийская, древнекитайская и пр. – оставили очень богатую мифологическую традицию, ядро которой составляют сказания о героях. Герои выступают в ней как первопредки, отвоевавшие своим потомкам достойное место в этом суровом мире. Герой предстают как исключительные существа, обладающее «божественными», сверхчеловеческими качествами. Новое поколение героев появляется в средневековой Европе. Средневековый героический эпос соединяет языческие традиции с христианскими. Новым идеалом героя ста-

1 В современном мире их проекцией можно считать героев войны и героев-творцов, мастеров, профессионалов.

новится святой. В отличие от языческих героев, которые сами обладают божественной силой, христианский святой, наоборот, отказывается от собственного Эго, предоставляя свою личность Святому Духу и действуя Его силой. Такого рода святостью в средневековом героическом эпосе обладают не только монахи, но и миряне – прежде всего, рыцари, принцы, короли, аристократы, но также и простолюдины. В эпоху Возрождения формируются представления об «универсальном человеке», «титане», искусном мастере в различных науках и ремеслах. «Титан» Возрождения – это уже не только мифологический герой, но и реальный человек, заслуживший своим творчеством и мастерством историческое бессмертие среди потомков. В культуре Нового времени в сознании людей главенствующее место приобретет процесс познания, наука, деловая предприимчивость. Героями эпохи Модерна становятся путешественники, ученые, предприниматели, мореплаватели, завоеватели. В современный период истории, характеризующийся формированием массовой культуры, общества потребления и бурной медиатизацией социальной жизни, меняется и образ героя. В современном обществе героями становятся медийные личности: спортсмены, музыканты, шоумены. Отдельное место занимают искусственные, вымышленные герои, персонажи комиксов, фэнтези, аниме [3, с. 64].

Русский герой. Русская героическая культура также имеет длительную историю развития от мифологических символов к историческим персонажам и идеологическим концепциям [2, с. 104]. Первый период становления героев – мифологический. Тексты русских былин, легенд и песен содержат яркие образы «старших» богатырей, самых древних героев русского былинного эпоса (Микула Селянинович, Вольга Святославич, Святогор) и «младших» богатырей (Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич и др.), в образах которых отражался культурно-исторический характер русского общества. Второй период – религиозный. Он отмечен появлением русских святых. Русская православная церковь создала свой пантеон героев, представленных идеализированными образами святых монахов, правителей, военачальников и мучеников. Третий этап отечественной истории героев формируется в советское время. Появились персонализированные образы героев войны, труда, науки и творчества, ставшие символами достижений советских людей. Их имена были известны всем, их образы культивировались, чтобы продемонстрировать возможность подвига для всех советских граждан. Четвертый этап истории героев начинает формироваться в постсоветский период. Для него характерно дальнейшее развитие тенденции к идеологизации, а также появление тенденции вестернизации российской героической культуры. Как следствие процесса глобализации, своего рода массовой культуре, американское представление о сверхчеловеке («супермен») было заимствовано русской культурой и языком, иллюстрируя американское влияние на русскую героическую парадигму и русскую систему ценностей в целом в период перехода от советского колlettivизма к постсоветскому индивидуализму. Американский Супермен в его различных воплощениях стал героем российской массовой культуры. Эта героическая концепция была воплощена в рекламе, фильмах, мультфильмах, песнях, книгах, игрушках, одежде, образцах поведения. Не вызывает сомнения, что специальная военная операция, которую Российской Федерации

ция проводит на Украине против глобального Запада, сформирует новый, пятый этап русской героической истории.

Возвращение русского героя. В образе национального героя, как выдающейся личности, которую почитают и уважают, отражаются ценности, значимые для всех членов социокультурной общности. Совершив героический поступок, либо прожив жизнь как подвиг, герой проявляет уникальные качества, не свойственные большинству, такие как самопожертвование, мужество, бесстрашие и др. Герой привлекает людей именно тем, что он проявляет то или иное значимое для нас как представителей определенного сообщества и культуры качество, доведенное до максимума. Герой делает то, что другим не доступно. Люди вдохновляются и объединяются вокруг героя поскольку ощущают свою сопричастность к такого рода высшим проявлениям человеческой личности. В образе национального героя увековечивается то, что ценно для общества, выражается эталон личности, с которой представители данного общества хотят себя идентифицировать [2, с. 260].

Ярче всего этот эталон выражен в былинном образе трех богатырей. Как отмечает В.Я. Пропп, «суровый и могучий Илья, выдержаный и культурный Добрыня, веселый и находчивый Алеша выражают героические черты русского народа. В них народ изобразил самого себя. При всем их отличии они объединены одним чувством, одним стремлением: они не знают более высокого служения, чем служение своей родине; за нее они всегда готовы отдать свою жизнь» [4, с. 212]. Но они потому и герои, что их жизнь стоит очень дорого и в этом мире нет никого, способного заплатить эту цену. Сила, порядок, творческая энергия делают русского героя непобедимым. Важно и то, что русский герой принципиально не один. Он представляет не себя, а русский мир (общество), русскую землю (пространство), русскую историю (время), русскую мечту (идею будущего).

Герой России представляется в сознании носителя русской культуры воплощением таких духовно-нравственных качеств как милосердие, доброта, мудрость, верность, бескорыстие, справедливость, скромность, честь, достоинство, благодарность, сила, смекалка, мужество, жертвенная любовь к людям и к Отечеству, готовность к самопожертвованию, вера в Россию, в свой народ. Эти характеристики как-бы конденсируются из мифа в состав идеологических систем, в сторону которых эволюционирует мифология с течением времени. Образы героев становятся неотъемлемыми элементами идеологических систем. При смене идеологии происходит разрушение образа героя. Такого рода процессы могут приводить к трансформации героя в антигероя и переворачиванию картины мира. Нечто подобное имело место в постсоветский период, когда происходила дегероизация истории России в целом, разрушающая традиционные представления исторического сознания [2, с. 336] Эти процессы могли бы стать необратимыми, но историческая необходимость вернула в реальность русского героя, образ которого вновь станет ядром русской традиции и системы мировоззрения. Инерционная устойчивость образов героев связана, очевидно, с тем, что пантеон героев даже расширяясь, соединяется с мифологической традицией, мировоззренческим архетипом, и поэтому даже идеологизированные герои (революции, великой отечественной войны и т.д.) сохраняют свое символическое значение. Удаленные из него согласно конъюнктуре времени, они возвращаются, если до этого народ их мифо-

логизировал (образы Павла Корчагина, Павлика Морозова и т.д.)

Мифологический архетип героя [5]. В мифологическом герое раскрывается антропный принцип бытия. Герой – это мужчина или женщина, которым удалось выйти за рамки индивидуального существования, преодолеть свои личные и конкретные исторические ограничения и прийти к универсальным, присущим всему человечеству формам, воплотить в себе человеческий род, Большого Человека. Соответственно, герой как человек своего времени умирает; но как человек вечный – совершенный, универсальный – возрождается к новой жизни. Поэтому образ героя – это извечный неиссякаемый источник вечного возрождения человека и общества. Новые люди всматриваются в образ героя и понимают кто они и для чего существуют. Путь героя мифа, куда бы он ни шел, всегда ведет внутрь – в глубины антропного бытия, где ему предстоит борьба с темными силами энтропии, пытающимися элиминировать, рассеять человека, и где к нему возвращаются древние архетипические силы давно утерянные, забытые людьми, но необходимые для преобразования мира.

Путь Героя

1. Избрание (начало пути). Миф, выражаящий существование человека на уровне антропного принципа бытия, обнаруживает определенный архетипический алгоритм героизма. В мифе герой сначала слышит зов, необъяснимый призыв и начинает предчувствовать свою судьбу. Мифологические сюжеты бывают разные – герой может по своей собственной воле отправиться в путь, или же может быть заброшен или отправлен в свое приключение какой-нибудь доброй или злой силой. Если не откликнуться на зов, то приключение героя превратится в свою противоположность. Погрузившись в повседневные заботы и тяжкий труд, человек, услышавший зов, теряет способность к судьбоносным решительным действиям и сам становится жертвой, которой уже кто-то другой должен прийти на помощь. Большинство людей поступают так. Для того, чтобы откликнуться на зов, человек должен преодолеть некий внутренний порог, магический предел, то есть необратимо изменить что-то в себе, отказаться от своей ограниченной личности.

Преодолев этот порог, герой как-бы исчезает, пропадает в бездне. Переход порога – это разновидность самоуничтожения [5, с. 77]. Герой символически умирает, освобождаясь как от страха жизни, так и страха смерти. Далее герой, дабы родиться заново, отправляется вовнутрь своего собственного бытия. Это исчезновение соответствует входению верующего в храм – там он вспоминает, кто он и что он, а именно: прах и пыль (Пс. 102:14). Внутренность храма, чрево кита или небесные обители за пределами мира – это мифологические образы одного и того же. Переход и возвращение героя демонстрирует, что по ту сторону противоречий повседневного мира остается нечто Несотворенное и Нетленное, а значит нужно быть смелым и бояться только оказаться недостойным этого бытия [5, с. 79]. Претерпев трансформацию, герой предоставляет свое бытие божественным (трансцендентным) силам, которые через него реализуют свой промысел. Герой мифа в конце своего приключения должен добить средство для возрождения всего своего общества в целом. Подвиг героя расчищает поток жизни, то

есть дает время для нового существования. Таким образом, через героя происходит непрерывный акт творения, то есть таинство поддержания человеческого мира через вечное чудо обновления, которое оживляет собой все вокруг, не позволяет раствориться в процессах энтропии. Согласно традиционному мировоззрению, выраженному в мифе, герой необходим, чтобы сохранить общество, совершив его обновление. Подвиг героя – это и есть обновление общества, сохраняющее его основания.

2. Инициация (активация режима героя) и подвиг. Инициация героя (обретение готовности к подвигу) в мифе раскрывается через отношение к Матери и Отцу. Мать выступает как воплощение женственности космоса, то есть матери-природы, породившей и питающей все живые существа. В мифе герой тем или иным образом получает поддержку Вселенской Матери и из маленького ребенка превращается в мужа, приобретая в качестве дара безмерную космическую силу. Получив эту силу, он обнаруживает в себе творческое начало бытия, воплощаемое Отцом. Он должен родиться дважды: самому стать отцом, обретая его силу. Для этого герой преступает пределы жизни, выходит за границы воплощенного мира матери-природы и на краткий миг становится свидетелем источника света. Сын, который созрел достаточно, чтобы понять отца, с терпением переносит изнурительные испытания; для него мир уже не место страдания, а восторг божественного творения. В качестве награды, герой открывает в себе источник жизни, который составляет саму суть и тайну человека [5, с. 122].

3. Возвращение героя к людям. Когда герой завершил свои странствия, открыв источник силы, по законам мифа, он должен замкнуть цикл и выполнить еще одну миссию – доставить людям дар, который поможет возродить его «общину, нацию, планету или десять тысяч миров» [5, с. 159]. Для этого герой должен вновь преодолеть порог, который отделяет «мир горний» от мира повседневного. Он должен вернуться из Универсума в локальный мир человека. Здесь он должен быть готов к тому что самые добрые и близкие люди не в состоянии его понять, ибо его опыт невообразим для обычного человека. Тем не менее, драгоценный дар, который он приносит с собой, возрождает терпящий катастрофу человеческий мир. Тайна героя, недоступная людям, заключается в том, что не существует раздвоения на трансцендентный божественный универсум и повседневный человеческий мир. На самом деле существует один безграничный и великолепный мир, но нужно быть таким же совершенным, чтобы увидеть его великолепие. Соответственно, герой – это человек, который слышит и воплощает в себе зов трансцендентного бытия, который никем другим более не осознается. Подвиг героя совпадает с просветлением, когда он обнаруживает и открывает дорогу к свету – по ту сторону человеческого бренного существования. Безусловно, все эти размышления являются теоретическими конструкциями. Реальные герои в грязи и крови войны вряд ли все это осознают и ощущают. Но эта символическая реальность выражается в мифе как коллективном мировоззрении народа, частью которого люди, проявившие героизм в своей жизни.

Герой мифа защищает не то, что есть, но то, что будет, а монстр (дракон), который ему противостоит в мифе, защищает то, что существует здесь и сейчас: он цепко

держится за прошлое и хранит его в настоящем. Герой, наоборот, не имеет прошлого. Пройдя через два порога бытия, он выходит как-бы из ниоткуда, и его враг, дракон, использует это преимущество своего положения в своих целях. Привычность прошлого против неясности будущего. Поэтому подвиг героя всегда сокрушает самую суть того, что происходит здесь и сейчас и создает новое пространство и время². Необходимым завершением дела жизни героя является готовность к смерти, которая завершает его миссию и запускает процессы обновления. Поэтому первым условием героизма является примирение со смертью. Не допустив согласия на смерть, невозможно стать героем³.

Миф утверждает, что Герой находится внутри нас, это мы сами. Но нужно иметь невероятное мужество, чтобы согласиться с этим утверждением и принять этот вызов. Это означает, что условием является наличие духовной опоры, помогающей людям, мужчинам и женщинам, достичь духовной зрелости. Без духовной трансцендентной основы подвиг героя невозможен. Соответственно, целью дракона как вечного оппонента героя является лишение людей этой духовной основы, ее сокрытие, дискредитация, профанация.

Итак, миф утверждает, что герой – это потенциально каждый человек. Это важно – непобедим.

Проведенный анализ показывает, что герой и героизм – это, прежде всего, культурный институт. Героический миф – это ядерный элемент социального габитуса, то есть способа воспроизведения социальных структур в психических (сознательных и бессознательных) структурах человеческой личности. Это означает в первую очередь, что представления о герое и героизме неразрывно связаны с историко-культурными формами социальной структуры и практики. Архетип героя сформирован в традиционном типе общества, имеющем строгую иерархическую структуру, четкое распределение гендерных статусов и ролей между мужчинами и женщинами, расположенным на определенной географической территории, наполненной символическими смыслами. Каждый представитель такого общества имеет определенную социальную и личностную идентичность, связанную с общей системой мировоззрения и картиной мира. Эта идентичность находится под защитой строгой системы запретов и наказаний. Соответственно, то насколько драматично изменилась социальная реальность, становится определяющим вопросом для понимания статуса и судьбы института героизма в современном мире. Какие изменения социума неизбежно должны проявиться в трансформации героического архетипа?

Список литературы

1. Юшко О. Ю. Понятийное поле лингвокультурного типажа «герой» // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкоznание. 2011. № 1 (13). С. 184-189.
2. Таскаева А.В. Реализация героической парадигмы в национальной языковой

2 Вот почему он нужен даже в теории, ибо без героического невозможно будущее.

3 Парадоксальным образом это верно даже для героев труда, творцов, мастеров, поскольку они воплощают свою жизнь в продуктах творчества и мастерства.

- картине мира: дис. ... д-ра наук по специальности: 10.02.19 – «Теория языка». Челябинск. 2021.
3. Алиев Р.Т. Комиксный герой как отражение неомифологической парадигмы американской массовой культуры: 1929-2012 гг.: дис. ... кандидата исторических наук. Астрахань, 2015.
 4. Пропп В. Я. Русский героический эпос. СПб.: Азбука-Аттикус, 2021.
 5. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2018.

Сведения об авторах

Габриелян Олег Аршавирович – д-р филос. наук, профессор, Крымский федеральный университет им В.И. Вернадского, г. Симферополь.

E-mail: gabroleg@mail.ru

Гарбузов Дмитрий Викторович – д-р филос. наук, доцент, проф. кафедры философии, Крымский федеральный университет им В.И. Вернадского, г. Симферополь.

E-mail: buendia@bk.ru

Gabrielyan O. A., Garbuzov D. V.

MYTHOLOGICAL HERO AS A CULTURAL INSTITUTE: ORIGINS AND MODERNITY**Part 1. Origins and spirit of the heroic myth**

Abstract: *The article explores the place of the hero in the modern world. The hero is a cultural institution and a mythological archetype. Reconstructs the cultural history of heroism. Separately examines the history of Russian heroic culture. Reconstructs the cultural standard of the Russian hero. Reconstructs the mythological archetype of the hero, in which the anthropic principle of being is revealed. New generations of people look at the image of the hero and understand who they are and why they exist. Reconstructs the archetypal path of the mythological hero: election, initiation, feat, return to people. The heroic myth is a nuclear element of social habitus, that is, a way of reproducing social structures in the mental (conscious and unconscious) structures of the human personality. This means, first of all, that ideas about the hero and heroism are inextricably linked with historical and cultural forms of social structure and practice.*

Keywords: new types of sociality, virtual reality, digital twins, social networks, cybersocialization, distributed identity, digital society, new Russian sociality, modern standard of a hero, images of real heroes.

References

1. Jushko O. Ju. Ponjatijnoe pole lingvokul'turnogo tipazha «geroj» [Conceptual field of the linguocultural type «hero»] // Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 2: Jazykoznanie. 2011. № 1 (13). S. 184-189.
2. Taskaeva A.V. Realizacija geroicheskoy paradigm v nacional'noj jazykovoj kartine mira [Realization of the heroic paradigm in the national linguistic picture of the world]: dis. ... d-ra nauk po special'nosti: 10.02.19 – «Teoriya jazyka». Cheljabinsk. 2021.
3. Aliev R.T. Komiksnyj geroj kak otrazhenie neomifologicheskoy paradigm amerikanskoy massovoj kul'tury: 1929-2012 gg. [The Comic Book Hero as a Reflection of the Neo-Mythological Paradigm of American Popular Culture: 1929–2012]: dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. Astrahan, 2015.
4. Propp V. Ja. Russkij geroicheskij jepos [Russian heroic epic]. SPb.: Azbuka-Attikus, 2021.
5. Kjempbell Dzh. Tysjachelikij geroj [The Hero with a Thousand Faces]. Saint Petersburg: Piter, 2018.

Gabrielyan Oleg Arshavirovich – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

E-mail: gabroleg@mail.ru

Garbuzov Dmitry Viktorovich – Doctor of Philosophy sciences, Docent, Professor of the Department of Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

E-mail: buendia@bk.ru

УДК 008:069
DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-2-90-103

РОЛЬ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА МУЗЕЯ КРЫМА И НОВОРОССИИ

Захарова А. В., Макеева К. А.

Аннотация: В статье рассмотрено влияние интерактивных технологий на образовательный потенциал Музея Крыма и Новороссии – одной из частей музейно-храмового комплекса «Новый Херсонес» в Севастополе, экспозиция которого состоит из двадцати выставочных иммерсивных залов. Панорамная LED-система кругового обзора, игровые модули, сенсорные экраны, интерактивные симуляторы, комнаты, киоски, столы, а также ряд других интерактивных технологий существуют, дополняя друг друга, что соответствует тенденции к гибридности музейного пространства. С помощью описанных интерактивных технологий посетитель может выбрать формат и темп освоения пространства самостоятельно, чтоозвучно стратегии самообразования и запросу на индивидуальные туры и персонализированные курсы; подобная организация экспозиции сочетает визуальное восприятие, тактильное взаимодействие и аналитическую деятельность. Также в статье отмечена трансформация в системе отношений «музей-посетитель» под влиянием интерактивных технологий, ключевыми характеристиками которых авторы видят диалогичность, мгновенную обратную связь, вовлечение посетителей через мультисенсорные каналы восприятия и игровые механизмы. Указанные черты особенно значимы для образовательной и воспитательной функций музея, способствуют формированию устойчивых когнитивных связей между личным опытом посетителя и культурно-историческим знанием. Статья может быть полезна культурологам, кураторам музеев, специалистам в области музеиной педагогики и дополнительного образования в сфере культуры, а также всем, кто интересуется современными интерактивными технологиями и музеиной работой.

Ключевые слова: интерактивные технологии, образовательная функция музея, экспозиция музея, Музей Крыма и Новороссии, Крым.

Постановка проблемы. Исследования, посвященные интерактивности и интерактивным технологиям в музеиной среде, получили распространение в конце XX–начале XXI вв., что обусловлено революционными изменениями в способах восприятия и трансляции культурного наследия. Ключевым фактором, определившим актуальность данного направления исследований, стало развитие интернет-коммуникаций, которые трансформировали традиционные модели взаимодействия музеев и посетителей. Появление виртуальных музеев дополнительно стимулировало процесс изменения системы

отношений «музей-посетитель»: в современном музееведении и маркетинге культурных институций наблюдается двусторонний процесс, где музей становится не только транслятором культурной информации, но создает условия для вовлеченного диалога с посетителем. Музеи, находящиеся в онлайн-пространстве, независимо от собственной специализации, также прибегают к интерактивным технологиям, что меняет представление о музее как «хранилище» культурных артефактов на понимание его как актуального культурного пространства, предлагающего диалоговые коммуникации, сервис и комфорт, эмоциональную вовлеченность. Особую роль в данном контексте приобретают культурные практики, реализующие образовательный потенциал музея: лектории, мастер-классы, экспертные лекции, квест-прогулки, музейные подкасты, пользуясь популярностью у разновозрастной аудитории, становятся сегодня классикой музейной работы. При этом интерактивные технологии также становятся действенными инструментами образования: сочетая визуальную, аудиальную и тактильную подачу информации, в комплексе с подлинными объектами, они превращают музей в пространство иммерсивного обучения.

Очевидно, что столичные музеи и музеи крупных городов имеют большие возможности применения интерактивных технологий для привлечения внимания к постоянным и времененным экспозициям и, в частности, для развития их образовательного потенциала. Так, в ГМИИ им. А. С. Пушкина еще в 2016 году с помощью машинного зрения составили социологические и маркетинговые «тепловые карты», визуализирующие взаимодействие людей и существующей экспозиции, а в Татарстане с 2017 года интерактивный Коран в Музее исламской культуры позволяет слушать суры по выбору посетителя. Ресурсы региональных, в том числе крымских, музеев ограничены, тем не менее в 2024 году в Севастополе открылся Музей Крыма и Новороссии (один из элементов музейно-храмового комплекса «Новый Херсонес»), экспозиция которого состоит из двадцати выставочных иммерсивных залов. Это новый для Республики Крым и Севастополя тип выставочного пространства, требующий описания и глубокого теоретического осмысливания в контексте культурологии и междисциплинарных научных исследований. Наш исследовательский интерес в данной публикации сосредоточен на описании интерактивных технологий в экспозиции музея и выявлении образовательного потенциала данного культурного пространства.

Цель работы – определение влияния интерактивных технологий (мультимедийные инсталляции, сенсорные панели и др.) на образовательный потенциал Музея Крыма и Новороссии, а также выявление оптимальных форматов интеграции интерактивных технологий в экспозицию для повышения вовлеченности, усвоения знаний и эмоционального отклика посетителей.

Исследование реализовано при опоре на системный подход, позволивший выявить взаимосвязь и иерархию элементов музейного пространства, сконструированного синтетично, то есть с использованием традиционного музейного подхода и современных технологических решений с применением интерактивных технологий. При этом особое внимание уделено ценностным и психологическим аспектам, заложенным в музейной

экспозиции, поскольку именно они, по нашему мнению, наиболее важны для реализации образовательной функции экспозиции Музея Крыма и Новороссии, на которой сфокусирован наш исследовательский интерес. В ходе исследования применены следующие методы: дескриптивный и аналитический – для описания интерактивных технологий и особенностей экспозиции музея; структурно-функциональный – для идентификации элементов экспозиции, выявления связей между ними и определения ролей этих элементов; вовлеченное наблюдение – для анализа поведения посетителей, их взаимодействия с интерактивными технологиями и оценки их образовательного потенциала в экспозиции. Материалом исследования служит экспозиция Музея Крыма и Новороссии, созданного в Севастополе в 2024 году как часть музейно-храмового комплекса «Новый Херсонес».

Изложение основного материала. В научном сообществе исследователей музейных практик не существует универсального определения термина интерактивность. Попытки осмыслиения феномена интерактивности в музейном пространстве и изучения интерактивных технологий в современном музее предприняты в работах О. Ванеевой [2], Д. Макарова и О. Егуновой [5], В. Мингалева [6], Д. Родионовой [8]. Современным образовательным технологиям, применяемым в музейной сфере, посвящены труды М. Борисовой [1], М. Ватагиной [3], Е. Ивановой [4]. Отдельный пласт трудов (Д. Камерона, И. Мурзина [13], О. Сапанжа [9], Т. Старикова [11], К. Уйтгэл [14]) затрагивает вопросы музейной коммуникации и её образовательного потенциала. Особую роль в методологической базе нашего исследования играет работа Ю. Пустовойт «Классификация интерактивных мультимедийных технологий в экспозиционно-выставочном пространстве современного музея» [7].

В начале исследования стоит обозначить одну из первых работ о коммуникативном потенциале музея: «Музей как коммуникационная система и ее применение в целях музейного образования»; её автор, канадский учёный Д. Камерон, еще в 1968 году предложил интерпретировать музей как коммуникативное пространство. Работа посвящена концептуальному подходу к музею как к единой коммуникативной системе, в которой существуют основные компоненты – посетитель, экспозиционер и вещь, – на основе которых выстраивается коммуникационная схема взаимодействия субъектов музейного общения. Принципы, обозначенные Д. Камероном, обострили исследовательский интерес к проблеме коммуникационной специфики музея и явились основой концептуального подхода, рассматривающего процесс музейной коммуникации как, в первую очередь, процесса интерпретации [9], в который вовлечены экспонаты, посетители, сотрудники. Современные исследователи продолжают фиксировать трансформации коммуникативного пространства музея. Так, российский социолог Т. В. Старикова в работе об изменении коммуникационного пространства музеев в эпоху цифровых технологий пишет: «сегодня музеи, как любые коммерческие и некоммерческие организации, существуют в конкурентной среде, борясь за внимание посетителей», которые становятся всё более требовательной аудиторией, что «ставит перед музеями задачу быстрой адаптации к запросам публики и самого конкурентного рынка, внедряя новые цифровые каналы

взаимодействия» [11, с. 14]. Особую роль в процессе трансформации отношений «музей-посетитель» играют интерактивные технологии. Российский автор О. Ванеева отмечает, что «музеи, в которых не используются интерактивные технологии, постепенно уходят в прошлое, <...> с появлением и развитием Интернета людям стало недостаточно просто ходить по музеям и любоваться экспонатами, <...> у них появилось желание непосредственного взаимодействия с экспозицией» [2, с. 190]. Данный тезис подтверждается и в работе отечественного философа Е. Ивановой, которая обращает внимание на различные аспекты феномена интерактивности, предлагая его определение как «метода, дающего посетителю возможность включиться в диалог с музейной средой» [4, с. 148], стать не отстраненным наблюдателем, а вовлеченным посетителем и соучастником диалога. В работе российского историка В. Мингалева указано, что «интерактивные музеи – это постоянно меняющаяся реальность, в которой как творец идеи экспозиции, так и посетитель участвует в ее созидании» [6, с. 59]. Таким образом, интерактивность – это инструмент новизне такого формата взаимодействия с посетителем пишет и российский автор М. Ватагина: «косваивая новые интерактивные формы работы, мы включаем наших слушателей в диалог, предлагаем им «ассоциативные цепочки», чтобы они сформировали собственные образы на основе полученной информации» [3, с. 232]. Интересно при этом, что ещё в 1990-е гг. исследователи начинают обращать внимание на разноплановость диалога: «Коммуникация в музее напоминает сеть, в которой обе ключевые стороны, посетитель и команда выставки, обмениваются мнениями. Центральным моментом коммуникации на выставке должен быть отклик посетителя на предложения музея» [14]. Здесь мы видим, как американский музеевед К. Уиттэл обращает внимание на возможности расширения каналов коммуникации, что особенно интересно в контексте персонализированного подхода к музейному образованию и индивидуальных образовательных траекторий; автор говорит о двух сторонах-участниках диалога, но пишет «команда выставки», соответственно видение экспозиции каждым членом команды уникально и может иметь особые акценты при проведении кураторской лекции или иного вида образовательной активности.

Интерактивность и интерактивные технологии в музейном пространстве ценные не только для работы с посетителями младшего возраста, но и актуальны для взрослой аудитории, об этом пишет российский автор М. Борисова: «Музейное пространство, основанное на принципах интерактивности, строится таким образом, чтобы позволить посетителю проявить большую свободу, поставить его перед выбором, вызвать желание изучать и экспериментировать» [1, с. 33]. В работе Д. Макаровой и О. Егуновой указано, что «человек, попав в интерактивную среду, способен самостоятельно проходить образовательные этапы и получать новые знания, которые гораздо дольше останутся в памяти» [5, с. 58]. Всё это говорит о том, что в новом музее становится актуальным не столько прямой образовательный нарратив пространства, сколько акт коммуникации реципиента и музейной среды, в ходе которого и происходит образовательный и воспитательный процессы.

Отметим, что ключевыми характеристиками интерактивности выступают диалогичность, мгновенная обратная связь, вовлечение через мультисенсорные каналы восприя-

тия и игровые механизмы. Указанные черты особенно значимы для образовательной и воспитательной функций музея, поскольку интерактивные технологии внутри музейной экспозиции способствуют формированию устойчивых когнитивных связей между личным опытом посетителя и культурно-историческим знанием, что актуально как для детской, так и для взрослой аудитории. Здесь, как нам кажется, особенно ярко проявляется «культура участия», о которой пишет культуролог И. Мурзина как о необходимом условии «существования нового типа музея – не только “сокровищницы”, но и коммуникативной площадки – неформального пространства, созданного для плодотворного общения и обсуждения проблемных ситуаций и/или идей представителями различных социальных групп» [13]. В современных условиях музеи адаптируются к возрастающим запросам аудитории через внедрение интерактивных технологий, которые выступают инструментом создания эффекта сопричастности и персонализации получения музейного опыта.

Рассмотрим актуальные для современного музея интерактивные технологии. По мнению российского философа Ю. Пустовойт, интерактивные технологии в музейном пространстве существуют на основе трёх элементов: «во-первых, на гипертексте, технологии системного построения документов, связанных гиперссылками, во-вторых, на 3D-технологии (в музейной практике применяются по преимуществу 3D-печать копий редких музейных предметов и 3D-сканер, делающий статичное изображение объемным), в-третьих, на гипермедиа, сочетании различных видов информации при создании витрины-образа: вербального текста, видеоряда, аудиоряда (музыкальный аккомпанемент, верbalные комментарии, редкие аудиозаписи), анимации, различных визуальных эффектов (например, Simulation), запахов и т.д.» [7, с. 56]. Отметим, что наиболее востребованными для использования в отечественных музеях являются технологии, созданные на основе гипертекста, а также интерактивные технологии в формате гипермедиа. Ю. Пустовойт предлагает один из вариантов классификации интерактивных технологий в музейном пространстве:

1. сенсорные экраны, сенсорные панели;
2. бесконтактные интерактивные системы;
3. интерактивные симуляторы;
4. электронный этикетаж с применением QR-кода;
5. виртуальная реальность (VR-формат);
6. дополненная реальность (AR-формат);
7. жестовые и сенсорные игры;
8. интерактивный мультимедийный макет.

Классификация, предложенная Ю. Пустовойт, на данный момент представляется наиболее полной. Добавим, что в основе популярности использования интерактивных технологий как метода музейной коммуникации лежит принцип мгновенной обратной связи для реципиента, поэтому отдельно вне классификации отметим использование в музейной среде социальных медиа интеграций, когда посетитель музея может мгновенно поделиться новым созданным контентом непосредственно из музея с помощью

технологий внутри этого музея. Автор отмечает, что все перечисленные виды интерактивных технологий могут сосуществовать, дополняя друг друга, и на данный момент в музейном пространстве «ясно обозначилась тенденция к гибридности: популярными в последнее время становятся выделенные музейные пространства под так называемые интерактивные комплексы, создаваемые различными мультимедиа технологиями» [7, с. 58]. Исследователь также говорит о том, что «при грамотном применении интерактивных технологий в современном музее достигается эффект иммерсивности, максимальное погружение посетителя в созданную среду, что вполне соответствует запросам настоящего времени и изменяющимся форматам просветительской коммуникации музеев» [7, с. 59]. Помимо этого заметим, что с помощью описанных интерактивных технологий посетитель может выбрать формат и темп освоения музейного пространства самостоятельно, без помощи экскурсовода, что созвучно стратегии самообразования и запросу на индивидуальные туры и персонализированные курсы.

Обратим внимание также на посетителей музеев с особыми потребностями в контексте того, что интерактивные технологии способствуют росту инклюзивности и улучшению качества жизни отдельных групп населения. Относительно недавно региональные музеи начали работу над доступностью музейных пространств и экспозиций для людей с особыми потребностями. Интерактивные технологии могут изменить классический сценарий посещения музея, как бы выходя за рамки компьютеризации и дигитализации пространства: «специально для слабовидящих людей в музее создаются макеты, копии, реконструкции и используют предметы из научно-вспомогательного фонда. Так же, как и осязание, у людей с ограниченными возможностями важную роль играет слуховое восприятие. Слабовидящие свободно с помощью звукового ряда определяют предметные и пространственные свойства окружающего мира. Необходимо в работе с данной группой посетителей использовать звуки и предметы для тактильного осмотра» [8, с. 17], что повышает качество усвоения информации. Интерактивные технологии способствуют формированию феномена агентности посетителя, выражющегося в обретении им субъектной позиции и расширении спектра возможностей для автономного взаимодействия с экспозиционным контентом.

Перейдём к исследованию использования конкретных интерактивных технологий в Музее Крыма и Новороссии, который был открыт в Севастополе в 2024 году как часть музейно-храмового комплекса «Новый Херсонес» (полное наименование: Автономная некоммерческая организация «Музейно-храмовый комплекс “Новый Херсонес”»), созданного по инициативе Президента Российской Федерации В. Путина. Музей представляет собой уникальное для полуострова музейное пространство, сочетающее традиционные подходы к экспонированию с современными интерактивными технологиями. Создание данного музейного комплекса в регионе стало ответом на актуализацию вопросов исторической памяти жителей российского государства, касающейся истории Крыма и Новороссии от древних времён до современности. На момент написания данной статьи (март 2025 года) экспозиция музея «состоит из 20 выставочных иммерсивных залов, с историческими реконструкциями и мультимедийными инсталляциями».

Общая площадь здания – 12 000 кв. м» [12]; в данной культурной институции широко представлены интерактивные технологии, формирующие музейное пространство, которые мы рассмотрим далее. Перечислим названия залов первоначальной экспозиции для наиболее полного погружения в особенности экспозиции музея:

- Зал 1. Интро;
- Зал 2. Ладья;
- Зал 3. Херсонес;
- Зал 4. Медиатека №1;
- Зал 5. Крымское ханство;
- Зал 6. От Петра I до Екатерины II;
- Зал 7. Освоение Новороссии и присоединения Крыма;
- Зал 8. История Черноморского флота;
- Зал 9. Крымская война, первая оборона Севастополя;
- Зал 10. Медиатека №2;
- Зал 11. Расцвет Крыма и Новороссии;
- Зал 12. Медиазал «Поэма о южных землях»;
- Зал 13. Ялтинская набережная;
- Зал 14. Кинотеатр «На переломе эпох: Крым и Новороссия»;
- Зал 15. Донбасс;
- Зал 16. Великая отечественная война в Крыму и Новороссии;
- Зал 17. Кинотеатр «Восстановление Крыма и Новороссии после ВОВ»;
- Зал 18. Медиатека №3 «Всесоюзная здравница»;
- Зал 19. Медиатека №4;
- Зал 20. Вчера. Сегодня. Завтра.

Здесь следует отметить, что будут проанализированы наиболее репрезентативные залы с позиций применения интерактивных технологий в образовательных целях для различных возрастов посетителей. Первый зал, «Интро», наполнен сенсорными панелями с линейным изображением движения по ходу экспозиции, он служит символическим введением в интерактивные технологии музея и реализует адаптивную функцию в контексте погружения в экспозицию.

Второй зал, получивший название «Ладья», представляет собой тщательно смоделированное интерактивное пространство, реализующее принцип тотальной иммерсии посетителя. Ключевым элементом экспозиции выступает панорамная LED-система кругового обзора, технические параметры которой позволяют достичь высокого уровня визуализации – динамический видеоряд, демонстрирующий маршрут следования к берегам Херсонеса, синхронизирован с движением «судна», создавая иллюзию реального морского путешествия. Для усиления сенсорного воздействия пространство оснащено многоканальной акустической системой, транслирующей тематический звуковой ландшафт: тщательно подобранные акустические эффекты (шум прибоя, скрип деревянных конструкций, крики чаек) дополняют визуальное восприятие, формируя эмоциональный отклик у посетителя. Подтверждает наш тезис о важности эмоционального восприятия

и российский исследователь культурного наследия Е. Саркисова: «Создание ситуации эмоциональной вовлеченности позволяет эффективнее ретранслировать аксиологические смыслы <...>, формировать и развивать культуру участия, эмпатии по отношению к историческим персонажам и событиям <...> с учетом региональной социокультурной специфики и особенностей социокультурной ситуации в стране» [10], влиять на исполнение задач культурной политики.

Следующая экспозиционная зона под названием «Херсонес» переносит посетителей в атмосферу древнего Херсонеса, где центральное место занимает точная уменьшенная копия Владимирского собора. Особенностью данной инсталляции является использование современных технологий, позволяющих оживить важное историческое событие – венчание князя Владимира и византийской княжны Анны. Когда посетители приближаются к макету, перед ними разворачивается объемное изображение, сопровождаемое соответствующим звуковым оформлением. Для посетителей младшего возраста такая форма подачи материала имеет особую ценность: эмоциональное погружение помогает лучше запомнить исторические факты и формирует устойчивую связь с культурным наследием. Отметим также, что экспозиционный зал дополнен инновационными игровыми модулями, выполненными в форме стилизованных колодцев, которые представляют собой интерактивные системы. Внутри этих конструкций установлены высокочувствительные сенсорные экраны, реагирующие на движения посетителей. Технологическая особенность данных модулей заключается в реализации принципа «тактильного обучения» – при касании изображений рыб, хаотично движущихся в виртуальной водной среде, активируются информационные блоки, содержащие сведения о видах рыб в акватории Черного моря. Подобный формат взаимодействия реализует важнейшую педагогическую функцию, трансформируя процесс получения знаний в игровую деятельность.

Следующий экспозиционный зал – это зал №5, «Крымское ханство», с большим количеством интерактивных зон. При входе в зону экспозиции зала мы видим три оформленных в восточной стилистике ниши, посвященные рассказу об истории Крымского ханства в разные периоды его существования. Особенностью экспозиционного решения является реализованная система нелинейного познавательного маршрута, позволяющая посетителю самостоятельно формировать траекторию знакомства с материалом. Посетитель выбирает тематическую панель (культура, наука, военное дело и др.), которая после размещения на специальной платформе активирует проекционную систему. Оптический сенсор считывает метку на панели, что инициирует запуск соответствующего мультимедийного контента, проецируемого на экран перед пользователем. Завершающим элементом каждого познавательного блока является интерактивный тестовый модуль, реализующий функцию контроля усвоения знаний. Данное технологическое решение выполняет ряд важных функций: обеспечивает персонализацию музеиного опыта за счет адаптации контента под индивидуальные запросы посетителя, реализует принцип активного обучения через непосредственное тактильное и визуальное взаимодействие с экспозиционными элементами и создает необходимые условия для саморефлексии посетителя, позволяя ему осмыслить и закрепить полученные знания в интерактивной

тестовой форме. В рамках рассматриваемого экспозиционного зала особого внимания заслуживает тематическое пространство, представляющее собой концептуально целостную реконструкцию традиционного восточного интерьера. Данная иммерсивная зона реализует комплексный подход к презентации материальной культуры Крымского ханства через синтез визуальных, тактильных и акустических каналов восприятия. Одна из стен помещения представляет собой тщательно смоделированную витрину, демонстрирующую артефакты повседневной жизни изучаемого периода: текстильные изделия (включая традиционные платки с характерными орнаментальными решениями), керамическую посуду с элементами восточного декора, ювелирные украшения, отражающие эстетические идеалы эпохи. Противоположная стена трансформирована в интерактивную звуковую инсталляцию, где представлена коллекция аутентичных музыкальных инструментов. Инновационность данного решения заключается в применении специальных акустических модулей, стилизованных под исторические аналоги телефонных трубок. Каждый инструмент оснащен индивидуальной аудиосистемой, позволяющей посетителю, приложив трубку к уху, услышать подлинное звучание данного музыкального орудия в контексте традиционных мелодий. С точки зрения музейной педагогики, такая организация экспозиционного пространства способствует формированию устойчивых когнитивных связей, так как сочетает визуальное восприятие, тактильное взаимодействие и аналитическую деятельность. Центральным элементом тематического пространства выступает интерактивный стол – технологическое решение, реализующее принцип эдьюейнента (обучения через развлечение), предлагая посетителям уникальную возможность погрузиться в гастрономические традиции Крымского ханства. Конструктивно стол представляет собой сенсорную панель с проекционной системой, оснащенную технологией, реагирующей на тактильное взаимодействия. Интерактивный сценарий взаимодействия построен по принципу кулинарного конструктора: посетитель может комбинировать виртуальные ингредиенты, следуя аутентичным рецептам. Всё вышеупомянутое способствует формированию эмоционально окрашенного, лично значимого знания, что особенно важно в контексте современных требований к музейной коммуникации и формированию персонализированного музейного опыта посетителей.

Экспозиционный зал №6 под названием «От Петра I до Екатерины II» представляет собой концептуально значимый пример адаптации традиционного архивного материала к современным музейным технологиям. Центральным элементом пространства выступает система интерактивных киосков – многофункциональных сенсорных терминалов, обеспечивающих многоуровневый доступ к цифровым презентациям исторических артефактов. Содержательное наполнение терминалов представляет собой тщательно отобранный комплекс оцифрованных первоисточников: картографические материалы эпохи, подлинные тексты законодательных актов, эпистолярное наследие государственных деятелей и многое другое. Взаимодействие с данным типом интерактивных технологий становится наиболее актуальным для взрослой аудитории Музея и подтверждает выполнение основной для нашего исследования функции музея – образовательной.

В зале «Всесоюзная здравница» ностальгическая атмосфера СССР воссоздается с

особой тщательностью: интерактивная комната караоке с песнями из советских кинофильмов, снятых в Крыму, не только развлекает, но и актуализирует коллективную культурную память. Дополняющий экспозицию симулятор игры на барабанах, синхронизированный с проекцией мастер-класса, отсылает к музыкальным традициям пионерских лагерей, в частности «Артека», подчеркивая его роль как символа советской эпохи. Подобное сочетание цифровых и аналоговых элементов создает эффект глубокого погружения, где технология выступает не как самоцель, а как инструмент эмоционального вовлечения. Посетители разных поколений получают возможность не только узнать о прошлом, но и «прожить» его через мультисенсорный опыт – от тактильного взаимодействия с интерактивными модулями до акустического и визуального погружения в реконструированную среду. Это позволяет музею выполнять не только образовательную, но и социально-культурную функцию, становясь пространством диалога между эпохами, где историческое наследие обретает новую жизнь через современные форматы презентации.

Отдельно остановимся на залах №9, 16 и 17, посвященных Крымской войне, первой обороне Севастополя, событиям Великой Отечественной войны в Крыму и Новороссии, а также восстановлению Крыма и Новороссии после Великой Отечественной войны. Пространства, охватывающие ключевые периоды от Крымской войны до послевоенного восстановления, реализуют концепцию «живой истории» через тщательно реконструированные элементы городской среды, где каждый архитектурный фрагмент и предмет быта становится носителем исторической памяти. Специально разработанная система светового дизайна и пространственного звука с эффектом 3D-позиционирования формирует многомерную сенсорную среду, позволяющую посетителям не просто узнать, а буквально прочувствовать драматические страницы прошлого. Интерактивные элементы экспозиции, включая сенсорные киоски с оцифрованными архивными материалами и мультимедийные проекции разрушенных городских ландшафтов, выполняют важную функцию связующего звена между эмоциональным переживанием и рациональным осмысливанием исторических событий. Особое внимание уделено персонификации истории через биографические справки, подлинные аудиозаписи и реконструкции судеб участников событий, что способствует развитию преемственности поколений. Главной отличительной чертой данных экспозиционных пространств является их способность формировать сложный комплекс эмоционально-ценостного отношения к истории, где технологические решения выступают не как самоцель, а как тонкий инструмент актуализации коллективной памяти. Создаваемый эффект сопричастности событиям национальной истории способствует не только усвоению исторических знаний, но и становлению гражданской идентичности, особенно важной в контексте современных культурных вызовов.

Выводы. Музей Крыма и Новороссии в Севастополе представляет собой синтез традиционного музейного подхода и современных технологических решений с применением интерактивных технологий, таких как сенсорные экраны и панели, интерактивные информационные киоски, интерактивные симуляторы, жестовые и сенсорные игры, социальные медиа интеграции и многое другое, что сочетается с актерской игрой и тематическим пространственным оформлением экспозиционных залов. Такое слияние

фундаментального исторического содержания с интерактивными форматами работы с аудиторией позволяет музею выполнять ключевые функции, оставаясь при этом востребованной площадкой для самых разных категорий посетителей. Уникальность музейного пространства заключается не только в тематической специализации, но и в новаторских методах презентации исторического материала, что делает его важным центром формирования исторической памяти и заметным явлением в культурном пространстве Крыма, способствуя реализации образовательной функции как одной из ключевых, заложенных в экспозиции, что и было продемонстрировано в данной публикации.

Список литературы

1. Борисова М. Культурно-образовательная деятельность музеев // Музей. – 2009. – № 5. – С. 31–36.
2. Ванеева О. В. Комплексное использование интерактивных технологий в рамках музеиного пространства // ТРУДЫ СПБГИК. – 2015. – т. 212. – С. 189–196.
3. Ватагина М. В. Роль интерактивного музея как этно-объекта в формировании системы патриотического воспитания в России (на примере Интерактивного музея карельской культуры на базе ГКУ «Дом дружбы Ленинградской области») // Наука и школа. – 2019. – № 3. – С. 228–235.
4. Иванова Е. В. Интерактивные средства и методы в музейной работе с детьми // НАУ. – 2016. – №5-2 (21). – С. 148–150.
5. Макаров Д. В., Егунова О. В., Интерактивные технологии в работе современного музея и их влияние на культуру и образование // Власть. – 2013. – № 5. – С. 56–58.
6. Мингалев В. В. Интерактивный музей // Вестник МАЭ. – 2014. – № 4. – С. 57–60. –
7. Пустовойт Ю. В. Классификация интерактивных мультимедийных технологий в экспозиционно-выставочном пространстве современного музея // Культурное наследие России. – 2020. – №4. – С. 55–60.
8. Родионова Д. Д. Современные интерактивные технологии в музее для людей с ограниченными возможностями здоровья // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – 2016. – №4. – С. 15–18.
9. Сапанжа О. С. Развитие представлений о музейной коммуникации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – №103. – С. 245–252.
10. Саркисова Е. Г. Музей в интернет-пространстве: актуальные коммуникационные стратегии и практики // Журнал института наследия. – 2022. – № 1.
11. Старикова Т. В. Изменение коммуникационного пространства музеев в эпоху цифровых технологий // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – №5-1. – С. 14–16.
12. Музея Крыма и Новороссии : официальный сайт. – URL : <https://херсонес.рф/muzej-kryma-i-novorossii> (дата обращения : 31.03.2025).

13. Murzina I. Museum As Information and Communicative Educational Institution // KnE Social Sciences. – 2020. – PP. 159–166.
14. Whittle C. The Museum as a Communication system: A Review and Synthesis. – New Mexico. – 1997. – 25 p. – URL : <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED417076.pdf> (дата обращения : 31.03.2025).

Сведения об авторах

Захарова Анна Вадимовна – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социокультурного проектирования Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

E-mail: anna-01.zakharova@mail.ru

Макеева Ксения Алексеевна – студентка 4 курса направления подготовки «Культурология», кафедра культурологии и социокультурного проектирования Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Zakharova A. V., Makeeva K. A.

THE ROLE OF INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN THE DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL ABILITIES OF THE MUSEUM OF CRIMEA AND NOVOROSSIYA

Abstract: *There is the impact of interactive technologies on the educational potential of the Museum of Crimea and Novorossiya, part of the museum-temple complex ‘New Chersonesus’ in Sevastopol examines in the article, the exposition of which consists of twenty immersive exhibition halls. A panoramic LED all-round viewing system, gaming modules, touch screens, interactive simulators, rooms, kiosks, tables, and a number of other interactive technologies coexist, complementing each other, which corresponds to the trend towards hybrid museum space. With the help of the described interactive technologies, the visitor can choose the format and pace of mastering the space independently, which is in tune with the strategy of self-education and the demand for individual tours and personalized courses; such an organization of the exhibition combines visual perception, tactile interaction and analytical activity. There is also notes the transformation in the system of “museum–visitor” relations under the influence of interactive technologies in the article. The key characteristics of interactive technologies the authors see as dialogicity, instant feedback, involvement of visitors through multisensory channels of perception and game mechanisms. These features are especially significant for the educational and upbringing functions of the museum and contribute to the formation of stable cognitive connections between the personal experience of the visitor and cultural and historical knowledge. The article may be useful for cultural scientists, museum curators, specialists in the field of museum pedagogy and additional education in the field of culture, as*

well as anyone interested in modern interactive technologies and museum work.

Key words: *interactive technologies, educational function of the museum, exposition of the museum, Museum of Crimea and Novorossiya, Crimea.*

References

1. Borisova M. Kul'turno-obrazovatel'naja dejatel'nost' muzeev // Muzej. – 2009. – № 5. – S. 31–36.
2. Vaneeva O. V. Kompleksnoe ispol'zovanie interaktivnyh tehnologij v ramkah muzejnogo prostranstva // TRUDY SPBGIK. – 2015. – t. 212. – S. 189–196.
3. Vatagina M. V. Rol' interaktivnogo muzeja kak jetno-ob#ekta v formirovaniy sistemy patrioticheskogo vospitanija v Rossii (na primere Interaktivnogo muzeja karel'skoj kul'tury na baze GKU «Dom druzhby Leningradskoj oblasti») // Nauka i shkola. – 2019. – № 3. – S. 228–235.
4. Ivanova E. V. Interaktivnye sredstva i metody v muzejnoj rabote s det'mi // NAU. – 2016. – №5-2 (21). – S. 148–150.
5. Makarov D. V., Egunova O. V., Interaktivnye tehnologii v rabote sovremenennogo muzeja i ih vlijanie na kul'turu i obrazovanie // Vlast'. – 2013. – № 5. – S. 56–58.
6. Mingalev V. V. Interaktivnyj muzej // Vestnik MAJe. – 2014. – № 4. – S. 57–60. –
7. Pustovojt Ju. V. Klassifikacija interaktivnyh mul'timedijnyh tehnologij v jekspozicionno-vystavochnom prostranstve sovremenennogo muzeja // Kul'turnoe nasledie Rossii. – 2020. – №4. – S. 55–60.
8. Rodionova D. D. Sovremennye interaktivnye tehnologii v muzee dlja ljudej s ogranicennymi vozmozhnostjami zedorov'ja // Uchenye zapiski muzeja-zapovednika «Tomskaja Pisanica». – 2016. – №4. – S. 15–18.
9. Sapanzha O. S. Razvitie predstavlenij o muzejnoj kommunikacii // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena. – 2009. – №103. – S. 245–252.
10. Sarkisova E. G. Muzej v internet-prostranstve: aktual'nye kommunikacionnye strategii i praktiki // Zhurnal instituta nasledija. – 2022. – № 1.
11. Starikova T. V. Izmenenie kommunikacionnogo prostranstva muzeev v jepohu cifrovyh tehnologij // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2020. – №5-1. – S. 14–16.
12. Muzeja Kryma i Novorossii : oficial'nyj sajt. – URL : <https://hersones.rf/muzej-kryma-i-novorossii> (data obrashhenija : 31.03.2025).
13. Murzina I. Museum As Information and Communicative Educational Institution // KnE Social Sciences. – 2020. – PP. 159–166.
14. Whittle C. The Museum as a Communication system: A Review and Synthesis. – New Mexico. – 1997. – 25 p. – URL : <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED417076.pdf> (data obrashhenija : 31.03.2025).

Zakharova Anna V. – Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Social and Cultural Design at the Institute of Media Communications, Media Technologies and Design of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

E-mail: anna-01.zakharova@mail.ru

Makeeva Ksenija A. – 4th year student majoring in Cultural Studies, Department of Cultural Studies and Social and Cultural Design at the Institute of Media Communications, Media Technologies and Design of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.5

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-2-104-116

БРИКС-БРИДЖ СТРАТЕГИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Шоркин А. Д.

Аннотация: В статье сопоставляются политические объединения двух типов. Европейский союз зиждется на старых режимах интеракций, свойственных иерархическому мировому порядку. Новый порядок отношений демонстрирует БРИКС, который является объединением стран, но не блоком государств. Взаимодействие государств в нем ограничено построением основы инфраструктурных логистик – мостов для интеракций хозяйствующих субъектов и общественных организаций. Брикс-бридж стратегии противостоят уходящему мировому порядку с четырьмя традиционными режимами взаимодействия государств, которые основаны на силе и на ущемлении суверенитетов. Суверенитет текуч и фрагментарен, он не может быть «полным», абсолютным. В основе суверенитета лежит рекурсивность, его оплотом является ментальная автономия. Оба этих начала обесценены или имитируются в ЕС, но неприкосновенны и поощряются в БРИКС.

Ключевые слова: мировой порядок, режимы взаимодействий, суверенитет, рекурсивность, Европейский союз, БРИКС.

На протяжении всей человеческой истории представления о мировом порядке были основаны в логическом отношении на построении тех или иных иерархий: на выделении первостепенных акторов и менее влиятельных, на государства сильные и слабые, на общества лучшие и худшие. Апелляции к принципам построения иерархий были различны, но не слишком изобретательны. В основном они сводились к военной силе и экономической мощи. Кто сильнее, тот и устанавливает нужный ему порядок. Дополнительно незатейливо грубые аргументы силы приукрашивались ментально изящными отсылками: когда-то – к величию своегоtotem, позже – ссылкой на божественное пророчество или высокую цивилизационную миссию, на демократию или свободу. Они служат для оправдания произвола, носят характер симулякров. С их помощью осуществляются эффективные манипуляции теми людьми, кто совершает насилие, хищников, хотя в программировании жертв эти симулякры, конечно, менее успешны. Веру в нужный симулякр позволено распространять и мечом, и проповедью. Концепт «свободного мира» сегодня носит все ту же первобытную смысловую функцию симулякра.

Стремление создать принципиально иной мировой порядок, который не был бы основан на иерархии – назовем такие дерзкие попытки «брикс-бридж стратегиями» – понятно, наталкиваются на сильнейшее сопротивление стереотипов привычного пони-

мания миросоздания. Непременно добровольное, как в БРИКС, наведение разнообразных «мостов» между суверенными обществами (вместо привычного меркантильного использования инструментов ограничения суверенитетов сильными по отношению к тем, кто слабее и стоит ниже на лестнице иерархии), действительно, поначалу может показаться вялой, даже утопичной стратегией.

Ведь с архаичных времен сильные сообщества людей, как правило, укрупнялись поглощением тех, кто слабее. В потестарных обществах из отдельных родов складывались племена, а из них формировались союзы племен. Возникающие государства от множественности полисов с естественной необходимостью пришли к построению остро конкурирующих за ресурсы национальных государств. Из этих фактов в качестве эмпирического обобщения были получены известные «законы пространственного роста», а также сложилась почти подразумеваемая трактовка войн, которые неизменно сопровождали всю нашу историю, атрибутивным способом ее развития. В самом деле, иерархии всегда основаны на ущемлениях суверенитетов и могут поддерживаться только силой.

К XX в. этот порядок с наиболее образной, почти соматической отчетливостью выразил Фридрих Ратцель: государственные организмы нуждаются в жизненном пространстве, а посему и поглощают тех, кто слабее. «Состояние борьбы не исключает государственного порядка, а, напротив, вызывает его» [1, с. 169]. Для многих исследователей границы – это «центры роста», фронтиры продвижения, «щупальцы» экспансии [2, с. 457]. Территориальное расширение, мол, естественно, нормально, хотя при определенных условиях оно может смениться и вынужденным сжатием.

Действительно, когда на заре geopolитики формулировались эти представления о «пространственном росте государств», над Британской империей солнце вообще, в прямом смысле слова, не заходило. И впрямь можно было говорить, предвосхищая глупые амбиции нынешних украинских националистов, о глобусе Великобритании: на глобусе величие и обширность географических владений и в самом деле нагляднее, чем на плоских картах. Пирог ойкумены к концу XIX в. был разделен всего на дюжину основных кусков, что наглядно демонстрирует, например, карта освоения территорий планеты, приводимая Карлом Хаусхофером [2, с. 277]. Но к середине XX в. уже насчитывалось более 50 государств, а в XXI веке их число перевалило за две сотни. Прежде, за короткое время после Французской революции 1789 г., количество политических объединений Европы сократилось с (примерно) трехсот до, к 1815 г., тридцати восьми [3, с. 544]. Обилие исторических данных подтверждает факты многочисленных и разнообразных пульсаций – то сориентации земель под единое начало, то, напротив, их дифференциации на разбегающиеся осколки прежней целостности.

Нехитрая эта схема прослеживается даже в сюжетах мультфильмов для детей: сначала крупная рыба охотится за мелкими рыбёшками, затем уже самая большая заглатывает наевшегося охотника, а потом она вдруг лопается, все рыбки выходят на свободу и разнообразие водоема вновь начинает свой хоровод. Образная эта картинка неплоха для первого знакомства с функционированием пищевых цепочек в природе. Но разве дети знают, что у людей все может быть совсем иначе? Похоже, об этом не ведают и

взрослые. Сегодня важнейший вызов нашему интеллекту и нашему гуманизму состоит в ответе на вопрос: обречена ли geopolitika оставаться в атTRACTоре старых стратегий?

В сегодняшних условиях угрозы третьей мировой войны проблеме смены мирового порядка присуща, без преувеличения, актуальность экзистенциальной глубины.

Цель статьи состоит в сопоставлении двух версий мирового порядка: традиционного, построенного на иерархиях и нового, который демонстрирует БРИКС. Цель эта достигается решением четырех задач: выделить режимы интеракций иерархического порядка и специфику интеракций в БРИКС, уточнить понятие «суверенитет», а также выявить цель объединения современной Европы.

Традиционные формы трансакций: режимы «удержания в седле»

Плоская (non step, flat, even) онтология мира без иерархий, к которой устремлены брикс-бридж стратегии, вовсе не предполагает игнорирования, а, тем более, разрушения нормальных центров силы, существующих в реальном мире. К их числу, прежде всего, следует отнести экономическую продуктивность стран или регионов, их военную силу, уровень технологической оснащенности, а также степень влиятельности информационной активности.

Конечно, страны имеют заметно отличающиеся доли в мировой торговле или в возможностях информационного воздействия. Китай, с его численностью населения и достаточным уровнем технологического развития ныне естественно доминирует на рынке, тогда как в прежние времена заметная доля мировой торговли была сосредоточена в руках купцов средиземноморья. Недавнее всепроникающее влияние Голливуда сегодня ослабло, «американский образ жизни» изрядно полинял, кое-где стал предметом насмешек и активного отторжения. Информационный центр сил переместился в виртуальные сети, не столь прочно привязанные к территориальным и политическим локациям.

Лидерство в сфере технологий за долгую историю то и дело переходило от одних стран – к другим. К тому же в разных областях технологий лидерами являлись разные страны, а во многих случаях достижения современных hi-tech производят транснациональные корпорации.

Наименее лабильны военные центры силы, хотя также множество раз меняли свою дислокацию и национальную принадлежность. В настоящее время ядерное оружие пока контролируется национальными государствами, но расползается по планете. По критериям распространенности военных баз, числа ядерных зарядов, современных ракет, подводных лодок или развитию беспилотных средств нетрудно выделить многие центры военной силы, причудливо рассредоточенные по планете и контролируемые многими государствами.

Конечно, соблазн отдельной страны или их альянса объявить себя – в опоре на собственную военную и технологическую мощь, на информационную и экономическую влиятельность – гегемоном и единственным центром силы по-прежнему велик. Но гегемон всегда территориально очерчен (иначе над кем ему главенствовать?), реальные же центры сил во многом расположены поверх границ, лабильны и постоянно меняют свою конфигурацию. Усиление другой страны, вызванное движениями центров силы, про-

воцирует борьбу за передел сфер влияния, за смену доминирования. Гегемон подобен всаднику: он претендует на то, чтобы навсегда оседлать центры силы, однако самонадеянный наездник рано или поздно неизбежно будет сброшен. Традиционные трансакции осуществляются в режимах «удержания в седле», всегда избыточно напряженных, ненадежных и, в конце концов – преходящих.

Первый из таких режимов состоит в обычном поглощении сильным актором – слабого. Империя инков к концу XV в. включала в себя «почти все оседлые народы и племена народов Анд» [4, с. 580]. Как огромная, протянувшаяся более чем на тридцать градусов географической широты рыба из мультильма, она лопнула при столкновении с колонизаторами Старого Света. Схожая участь постигла былого могущественного поглотителя десятков обществ Центральной Америки – ацтеков. От когда-то раздутых классических империй Европы или Средиземноморья в лучшем случае остались только осколки – усеченные и униженные метрополии. Режим поглощения скверно заканчивается, хотя и начинается с оптимизмом.

Высадившиеся на «островах Вест-Индии» европейские колонизаторы вплоть до XIX в. сумели оккупировать только малую часть континента, узкую полосу его восточного побережья. С тех пор будущие США поглотили обширные западные территории континента и множество егоaborигенных народов, а сегодня без тени смущения претендуют на поглощение новых: принадлежащей Дании Гренландии, всей суверенной Канады, а также небольшой, но важной в стратегическом отношении территории Панамского канала. Потом настанет черед распространения и усиления господства над Южной Америкой – разве не об этом доктрина Монро? СССР тоже не устоял перед искушением кое-что «проглотить», но все избыточное, даже с лихвой, пришлось с убытками и кровью отпустить. Россия устояла, и теперь постепенно, с напряжением сил, возвращается к нормальному балансу. Когда «лопнут» США, где возникнут трещины разрывов и как пройдут линии раскола? Устоять, «удержаться в седле» после прохождения пика эйфории поглощения – задача трудная, далеко не всегда выполнимая.

Второй режим традиционных трансакций состоит в праве на грабеж: сильный актор, тот, кто выше в иерархии, по обыкновению, грабит тех, кого сможет, кто слабее. Экономика обществ викингов или пиратских сообществ зиждалась на грабежах. В конце XVI в. Москва была разграблена и сожжена крымским ханом, огромная территория Северного Причерноморья звалась «дикой степью», в которой рисковал исчезнуть всякий человек, всякий груз. Купец Афанасий Никитин, уже прошедший «три моря», на обратном пути бесследно пропал вместе с обозом именно там, в «дикой степи». Галеоны с награбленным серебром и золотом пересекали Атлантику полтора-два столетия. Правда, в отличие от викингов или пиратов, открыто усматривающих доблесть в грабеже, в более поздние времена грабеж стыдливо прикрыт словесной кисеей: то ли – миссионерства, то ли – глобального сотрудничества и приобщения к демократическим стандартам.

Грабеж на постоянной основе (не на актуальном насилии, а больше на его угрозе) составляет третий из традиционных режимов: вымогательство. Он выступает под маской мнимой заботы, квазизащиты сильным актором – более слабых. Таковы современные

рэket, «крыша» или популярное в отечественной историографии татаро-монгольское иго. Его суть – в принуждении к изъятию ресурсов. Или, в более общем виде, в праве гегемона регулировать обмены, движения чужих ресурсов. Вариантом этого ложного протекционизма является препятствие рыночному перемещению ресурсов в интересах сильной стороны. Многочисленные современные рестрикции, санкции являются инструментами вымогательства. Как заманчиво обложить высокой пошлиной импортируемые товары из непослушных стран или заставить послушных сателлитов покупать свои товары по завышенным ценам! Диктовать кому, что и за сколько можно продавать! ВТО, разумеется, была быстро торпедирована США, иначе как поддержать иерархический порядок, как «остаться в седле»?

Наконец, упомянем еще один режим традиционных трансакций – приобщение к экспансии. Он побуждает акторов к объединению для достижения лакомой цели. Так в иных, неполитических мирах иерархий вокруг главарей сколачиваются шайки разбойников или воров. Или музыканты – вокруг солиста («звезды»), актеры – под эгидой режиссера. Они вместе, пока есть перспектива успеха, заработка, добычи, пока есть «дело». С падением рейтинга «звезды» рассыпаются и творческие коллективы. Шайки распадаются, когда экспансия невозможна, когда «дела» нет. Экспансия древнего Рима привлекла множество попутчиков, вместе они краев ойкумены достигли. А когда она иссякла, распалась и Империя. Союз «Шести наций» ирокезов сложился в Северной Америке XVII–XVIII веков для борьбы с европейскими колонизаторами, чтобы вернуть отторгаемые земли [1, с. 174]. В итоге предприятие претерпело неудачу, и, как следствие, коалиция распалась. В походе Наполеона на Россию участвовали воины двух десятков стран, 190 тыс. солдат поставили только германские государства. (3, с. 510). Для чего объединилась нынешняя Европа, какому замыслу подчинены национальные суверенитеты европейских стран?

Дабы было ясно, о чем идет речь, предварим возможный ответ на этот важный для России вопрос о намерениях соседей уточнением понятия суверенитет.

Суверенитет без иллюзий

Основное недоразумение, проникшее даже в словари, состоит в понимании суверенитета как «полной независимости государства» в своей внутренней и внешней политике от других стран. На деле полнотой независимости никто обладать не может. Абсолютный суверенитет утопичен хотя бы потому, что самая могущественная и самодостаточная страна нуждается в каких-то природных ресурсах, отсутствующих на своей территории. И вовсе уж абсурдно полагать, что можно и нужно отгородиться от «заморских» технологий и прочих иноземных культурных влияний. Для фонда мировых достижений политические границы несущественны, он живет (располагается и развивается) поверх границ. Сокровищница культурного наследия, достижений науки или искусства распахнута для всех. Технические новшества (за немногими исключениями) патентуются WIPO и открыты для любой организации или страны. Содержания фондов все время в движении, в диффузии, в информационной и просветительской работе.

Абстракция абсолютного суверенитета пуста и в логическом отношении. Уже у

Жана Бодена власть короля парадоксально свободна от им же принятых решений – ведь он «подотчетен только Богу». Вовсе не в шутку хозяин своего слова может его дать, а может и забрать назад. Так некоторые политические деятели, ослепленные мнимым всемогуществом или правом лгать тем, кто «ниже», поступают и сегодня. Главный же логический изъян заключается в невозможности выстроить внешнюю политику без учета не только собственных, но и чужих национальных интересов. Как можно реально выстроить внешние отношения (именно так их именуют) игнорируя наличие второй стороны, интересов другого субъекта? Мыслить какое-либо отношение – значит полагать и себя, и другого. Субъект с абсолютным суверенитетом выключен из связей с иными субъектами, он может обладать, в логическом плане, только свойствами, но никак не отношениями.

Суверенитет, таким образом, ошибочно считать некой субстанцией состояния государства, завершенной и цельной. Он носит процессуальный характер, медленно обретает (или теряет) свою полноту, всегда частичен, фрагментарен. Процессуальный характер суверенитета означает, что за него нужно бороться, что его нелегко растить и нетрудно потерять. Многие государства, позиционирующие себя «суверенными», выдают желаемое за действительное. Так дама подбирает одежду, которая скрывала бы ее телесные изъяны. Изъяны суверенитета скрыть труднее: вовлеченность страны в чужую сферу влияния – вещь достаточно очевидная. В таком случае ничего не остается, как лицемерно объявить о «суверенном» решении присоединиться к довлеющему гегемону. Или вообще патетически предать автономию публичной анафеме, лукаво сославшись на мифические «нормы международного права». Последним бастионом автономии, конечно, является ментальный суверенитет.

В итоге, холистический подход к целостности суверенитета, красивая презумпция его неделимости – это всего лишь устаревший миф, когда-то, во времена Бодена, престигательный и нужный для высвобождения светской власти от церковного диктата. Социальная автономия теперь зиждется совсем на ином основании, о котором часто предпочитают умалчивать.

В основе автономности социальной системы, справедливо замечает Никлас Луман, лежит ее такое свойство, как рекурсивность [5, с. 230]. В логике известны рекурсивные определения, они строятся операторами типа «такой как, но...». В математике широко используется рекурсивные (то есть, исходящие из собственного, с каждым шагом меняющегося наличного состояния) функции или алгоритмы. Суть рекурсивности, таким образом, состоит в том, что когнитивная ясность и аналитический прогноз выстраиваются на непременном учете прошлых состояний системы. Будущее социальных систем сильно зависит от того, каковы они были раньше, и чем являются теперь. Свою историю нужно помнить, отказ от собственной истории – это отказ от суверенитета.

Не случайно «войны за историю» ведутся с ожесточением, с беспримерным упорством и изобретательностью. В начале XX в. пионер конвейерного и массового производства Генри Форд хоть как-то оплатил свое право противостоять традиции. «Мы хотим жить в настоящем, и никакая история не стоит ломаного гроша, кроме той, которую

мы делаем сегодня» [цит по 6, с. 142]. Во второй половине XX в. Старший Брат в известной антиутопии Джона Оруэлла уже эффективно руководствуется формулой стирания памяти: «кто управляет прошлым, тот управляет будущим; а кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». А в XXI в. сокровище традиции стараниями некоторых кое-где просто превращено в пепел. Историки, безапелляционно подытоживает западную позицию Н.Ю. Харари, «изучают прошлое не для того, чтобы мы его повторили, а для того, чтобы мы от него избавились» [7, с. 79]. Вполне созвучно, как видим, древним рецептам отделения народа от корней, производства беспамятных манкуртов. Лучший безжалостный янычар, показывает долгий и жуткий опыт, и вправду возвращается из плененного ребенка, лишенного памяти предков.

Банальность этой высокой мысли затеняет, однако, еще одно (кстати, тоже тривиальное) соображение: сильной рекурсивностью обладают системы закрытые, мало подверженные внешним воздействиям. Открытые же системы в условиях мощного внешнего воздействия от прошлых своих состояний, от внутренней логики развития могут зависеть и весьма слабо. Социальные системы, конечно, открытые: в терминологии синергетики «диссипативные», они взаимодействуют с внешним миром, теряют и получают энергию. Они суверенны постольку, поскольку во взаимодействиях с иными системами способны не отказаться от своего прошлого, от укорененности в собственную историю. В итоге, отстоять автономию совсем не просто. Потому-то суверенность слабые политические лидеры зачастую просто имитируют велеречивыми красивыми декларациями.

Европы на быке

На известном полотне В. Серова бык, плывущий с похищенной Европой, изображен не белым, а обычным, гнедым. Белизна быка в античном мифе значила его смирность и символизировала высоту намерений Зевса. Похоже, Серов в это не верил. Все прозаичнее, в соответствии с профаным цветом быка, вышло. В XX в. Европа не на Крит, не на теплый юг отправилась, а на свой закат, в Америку. Суверенная «душа Европы» была похищена США. Впрочем, в 2025 г. «невесте» дали понять, что она с ее «капризами» и бурным прошлым не столь уж привлекательна и нужна.

Большую часть своей истории Западная Европа состояла из небольших объединений с размытыми границами, перманентно борющимися друг с другом. Петр Савицкий, как известно, прямо связывал ее дробное политическое устроение с разнообразием географических ландшафтов. Обществам Европы поэтому, мол, свойственны сепаратистские настроения. Ландшафты же Евразии гораздо более однообразны, габитусы nomadov схожи, а посему – почему бы им не объединяться? Для евразийских кочевников сепаратизм губителен, а нередкая в Западной Европе ксенофобия – противоестественна [8, с. 684–687]. Понятно, кроме географических условий общества формируются также иными факторами, реальная картина более сложна и насыщена важными нюансами. Но простая схематика Савицкого, несмотря на многие исключения, все же схватывает главное.

Век полисов, а прежде – вольных ассоциаций общин Magna Graecia (Великой Греции) закончился в IV в. до н.э. построением македонской империи. Но уже в III–II веках в ней на конфедеративной основе складываются Этолийский и Ахейский союзы. Затем

хозяином Средиземноморья становится Рим, который многие столетия ведет перманентные войны. Однако от Диоклетиана начинается распад империи, а с V в. Западная империя существует только名义上. Ее развал на пять столетий (!) вернул Европу к состоянию раздробленности, к сетям мелких сельскохозяйственных общин, к локальным инфраструктурам. Политическая география оставалась текучей, границы неустойчивых объединений, подобных Франкскому королевству, – нечеткими.

Железным аргументом меча объединить большую часть Европы (под знаком католицизма) удалось только Карлу Великому в IX в. Франкская гегемония на протяжении нескольких столетий обеспечила нужную стабильность. XI и XII века стали временем заметного роста – экономического, популяционного, когнитивного. Но уже с началом столетней войны между Англией и Францией начались процессы «трансформации средневекового «крещеного мира», сплоченного властью франкских сюзеренов, в мир, разделенный между национальными монархиями и подотчетными им национальными церквями» [3, с. 332]. Старые параметры суверенитета сменяются новыми, из которых главными является твердый силовой контроль над своей территорией и хорошо работающая фискальная машина всеобщего налогообложения подданных.

Первая Европейская карта национальных государств появляется в 1630 г., во время жуткой Тридцатилетней войны. К XVIII в. среди национальных государств доминируют примерно равные по силе Франция, Англия и Австрия. Вектор агрессии смещается к экспансии внешней, за пределами Европы, направлен на захват «заморских» колоний. Внутри Европы обычная агрессия государств сменяется заботами по охране собственных территориальных контуров. Франция после смерти Людовика XIV экспортирует не интриги, не силу оружия, а свою культуру, которая охотно принимается. Мыслители XVIII в., как правило, воспринимают Европу как нечто единое – неважно, порицая или приветствуя новую реальность. Одни (Монтескье, Вольтер или Кондорсе) относятся к этому с оптимизмом. Другие, как русофоб Руссо, с горечью говорят о том, что «нынче нет ни французов, ни немцев, ни испанцев, ни даже англичан,... существуют только европейцы» [9, с. 178]. Ибо, утратив национальные корни, общества деградируют морально, и для европейцев главными стали не честь, не правда, не верность, но комфорт и материальный достаток.

Шаткое временное равновесие сил было нарушено войной за испанское наследство Пруссии с Австрией, последующая Семилетняя война «погрузила Европу в пучину насилия, эпидемий и ненависти ко всему чужому» [3, с. 472]. Эфемерность оптимизма Просветителей в XIX веке еще сильнее подчеркнули амбиции Наполеона и завоевания Бисмарка, а в XX веке – жуткая реальность мировых войн. После кошмара второй мировой войны Уинстон Черчилль, выражая общую позицию европейской элиты, призывает покончить с национальными распрями (прежде всего, франко-германским антагонизмом), которые обернулись для Европы трагедией. Идея объединения Европы получила «второе дыхание».

Поначалу главная цель объединения состояла в достижении длительного мира, нужного для восстановления разрушенного хозяйства. Затем цели сместились к приорите-

там общего рынка товаров, услуг и труда, к унификации образования и создания единой валюты. По их достижении, с первой половины 90-х годов, на первый план выходит безопасность внешнего контура ЕС. Внешняя политика принимает все более агрессивный характер. С волнами расширения ЕС, а потом и НАТО на восток именно туда, к границам России (прежде всего, на Украину) и сдвигается предполе – так именуется приграничная зона повышенной опасности и возможных боевых действий. Современная объединенная Европа, как видим, сложилась приобщением к экспансии – одним из четырех старых режимов интеракции, который много раз в истории после временных успехов приводил к катастрофам.

Наиболее амбициозное продвижение предполе случилось в нулевых годах (только в 2004 г. ЕС пополнился десятью новыми членами). В 2025 г. многие европейские лидеры выразили недоумение и недовольство, что переговоры о мире на Украине инициируются США и Россией без их участия. Но разве гарантии Януковичу о конституционной смены власти и, позже, относительно выполнения Минских соглашений, которые были даны именно лидерами Европы, не оказались лицемерными и несостоительными? Боеевые действия на территории Украины явились закономерным результатом продвижения европейского фронтира. Не на свои деньги, не на свои производственные и технические ресурсы ведет войну киевский режим, опустошая (и демографически, и ментально, и в хозяйственном плане) собственную страну. «Будущее Украины – это будущее Европы», с неосмотрительной риторикой заявляет (или пророчествует?) Урсула фон дер Ляйен (Рамштайн, февраль 2025). Разве может спасти Европу от «заката» стратегия экспансии?

Некоторые авторы считают возможным все же пояснить становление нового мирового порядка именно «законом экспансии» Ратцеля (который они даже возвышают до «инстинкта самосохранения» всякого общества). Только ныне былая прямая территориальная экспансия заменена, мол, институциональной интеграцией стран [10]. О мере добровольности вступления в такие «интегративные союзы» ничего не говорится. Но в структуре каждого из них ясно выделено «ядро» (оно составлено сильными в экономическом и военном отношении странами) и периферия стран более слабых.

Демонстративно наглядная иерархия участников подобных союзов, по нашему мнению, оставляет простор для механизмов принудительного и вынужденного вовлечения в такие объединения странами ядра стран периферии с беззастенчивым ущемлением их суверенитетов. Фактически претензия на новизну данного мирового порядка парадоксально опирается на старый (и в итоге деструктивный) режим приобщения к экспансии. Европейский союз, который следует слегка «припудренному» закону экспансии, ожидает неминуемый распад.

Новый мировой порядок принципиально противостоит стратегии приобщения к экспансии (и прочим изживающим себя, но пока активно используемым) режимам традиционных трансакций.

«Вообще не дун-си»

Иероглифом дун 东 китайцы обозначают восток, а запад, си – 西. Их соединение, дун-си 东西 означает понятие «вещь». Когда китаец намерен уязвить другого человека,

он может брезгливо сказать про него: «вообще не дун-си», что примерно соответствует русскому выражению «он просто ничтожество». Вещь для всякого человека – штука нужная, благоприятствует жизни и даже, по мнению китайцев, счастью. Про особо примечательные из них, достойных похвалы, русский человек уважительно скажет, протянув звук «е»: «да, это вещь». В китайском вэньяне (традиционном языке) «восток» сопряжен с «деревом». Оттуда восходит солнце, там – источник всего произрастающего: еды, материалов для одежды, для обустройства жилища. «Запад» же (китайский, откуда реки текут) сопряжен с иным из пяти элементов, с «металлом», дающим обитателям Поднебесной инструменты и машины. Потому-то они, только вместе, и составляют «вещь».

Помимо очевидной метафоры современной цивилизационной и geopolитической проблемы отношения Запада и Востока, почти мистического предвосхищения их желательной дополнительности, древнее дун-си несет еще один смысл – горизонтального, четвероякого устроения порядка. Тогда как север и юг задают вертикаль культуры человека, нань-бэй, где уместны иерархии. Но они бессмысленны в коннотациях дун-си! В данном случае надежные четыре точки опоры предпочтительнее балансирования на двух ногах, на четвереньках человек устойчивее.

В итоге функциональная асимметрия Запада и Востока вкупе с отсутствием иерархий является условием жизненности целого – порядка вещи и «тьмы вещей» (так в Китае говорят о мире в целом, о Вселенной).

Любая целостность, доказывает на материале дальневосточных культур Т.П. Григорьева, устроена как функциональная асимметрия, складывается дополнительностью Логоса и Дао. А вот насильственный «принцип рычага», возвышающий одно за счет другого, популярен в логике ущербного сознания, которое руководствуется примитивом «если можно урвать, почему бы не урвать» [11, с. 10–11]. Конечно, насилие (химса), жадность или иерархии с рычагами – это «вообще не дун-си».

БРИКС принципиально иной. Брикс-бридж стратегия основана на добровольном наведении мостов, причем не только между государствами, но, главное, между хозяйствующими субъектами и прочими разнообразными негосударственными общественными структурами. Государства призваны защищать национальные интересы, в их диалоге далеко не беспочвенны подозрения, что партнер по взаимодействию «тянет одеяло на себя». Странно, если бы этого не происходило. Но БРИКС – не блок государств. Поэтому им следует, наведя нужную инфраструктуру мостов (логистику товаров, капиталов, трудовых ресурсов, пути научных и культурных обменов и пр.) свою активность временно умерить. За последние четыре года многое в инфраструктуре государствами уже сделано, настал черед негосударственных структур интенсифицировать движения по наведенным мостам. Новые мосты, конечно, нужно загодя проектировать и строить, но важно подтолкнуть к встречным конструктивным движениям по уже созданным логистам.

Потенциал БРИКС колоссален. Как молодое объединение стран (и обществ, и государств) БРИКС к настоящему времени, например, фактически обесценил недавние идеи «внешнего океанического кольца» Запада: в удавку для не западного мира его превратить не удалось. «Желтая опасность для мировой свободы», о которой в сослагательном накло-

нении на высокомерном жаргоне колонизатора с опаской говорил Хэлфорд Маккиндер [12, с. 30], уже наступила: китайцы вкупе с русскими, бразильцами, индусами и другими участниками БРИКС контролируют как ресурсы «осевого региона мировой политики», так и, во многом, «океанические просторы».

Претензии на место гегемона в иерархии, трудные, часто грязные и всегда ненадежные режимы «удержания в седле», конечно, в ближайшее время никуда не уйдут. Но их привлекательность уже тускнеет. Чем успешнее станут общества, разделяющие брикс-бридж стратегию, тем быстрее сможет формироваться действительно новый мировой порядок.

Сопоставление версий мирового порядка и решение сопряженных с этой целью четырех задач, таким образом, позволяет сделать следующие выводы. Все режимы иерархического мирового порядка – поглощения, грабежа, вымогательства и приобщения к экспансии – носят деструктивный характер. Новый порядок не формируется как блок государств, он объединяет страны на горизонтальной основе. Полнота суверенитета утопична, как процесс он рекурсивен, оплотом суверенитета является ментальная автономия. Европейский союз в последние десятилетия вошел в несостоительный режим приобщения к экспансии, опасный и турбулентный.

Список литературы

1. Ратцель Ф. Народоведение (антропогеография) // Классика geopolитики, XIX век: Сб. / Сост. К. Королев. – М.: ООО «Издательство ACT», 2003. – С. 53-182.
2. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // Классика geopolитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. – М.: ООО «Издательство ACT», 2003. – С. 227–598.
3. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира / Роджер Осборн; пер. с англ. М. Колопотина. – М.: ACT: ACT МОСВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 764 с.
4. Фернандес-Арместо, Ф. Цивилизации / Фелиппе Фернандес-Арместо; пер. с англ. Д. Арсеньева, О. Колесникова. – М.: ACT: ACT МОСКВА, 2009. – 764 с.
5. Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Изд-во «Логос», 2004. – 232 с.
6. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
7. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Пер. с англ. А. Андреева. М.: «Синдбад», 2018. – 777? с.
8. Савицкий П. Географические и geopolитические основы евразийства / Классика geopolитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. – М.: ООО «Издательство ACT», 2003. – С. 677–687.
9. Руссо Ж.-Ж. Соображения об образе правления в Польше и предлагаемые преобразования в сем правлении [1771/1772] // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: В 2 т. М.: Педагогика, 1981. Т. 2. С. 178-187. 336 с.
10. Барахвостов П.А. «Закон экспансии» Ф. Ратцеля в условиях формирования

- нового миропорядка // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 3(9). С. 20-33, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3\(9\)-20-33](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3(9)-20-33)
11. Григорьева Т.П. Дао и логос (встреча культур). – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1992. – 424 с.
 12. Макиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Классика geopolитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. – М.: ООО «Издательство ACT», 2003. – С. 7-32.

Сведения об авторе

Шоркин Алексей Давыдович – профессор, доктор философских наук, профессор кафедры философии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь.

E-mail: alexshorkin@mail.ru

Shorkin A. D.

THE BRICS-BRIDGE STRATEGY OF THE WORLD ORDER

Abstract: The article compares two types of political associations. The European Union is based on the old modes of interaction inherent in the hierarchical world order. The new order of relations demonstrates BRICS, which is an association of countries, but not a bloc of states. The interaction of states in it is limited to building the basis of infrastructural logistics – bridges for interactions between business entities and public organizations. BRICS-bridge strategies confront the outgoing world order with four traditional modes of interaction between states, which are based on force and infringement of sovereignty. Sovereignty is fluid and fragmented; it cannot be «complete» or absolute. Sovereignty is based on recursiveness, and its mainstay is mental autonomy. Both of these principles are devalued or imitated in the EU, but are untouchable and encouraged in the BRICS.

Keywords: world order, modes of interaction, sovereignty, recursiveness, European Union, BRICS.

References

1. Ratcel' F. Narodovedenie (antropogeografiya) // Klassika geopolitiki, XIX vek: Sb. / Sost. K. Korolev. – M.: ООО «Издательство AST», 2003. – S. 53–182.
2. Xausxofer K. Granicy v ix geograficheskem i politicheskem znachenii // Klassika geopolitiki, XX vek: Sb. / Sost. K. Korolev. – M.: ООО «Издательство AST», 2003. – S. 227-598.
3. Osborn R. Civilizaciya. Novaya istoriya Zapadnogo mira / Rodzher Osborn; per. s angl. M. Kolopotina. – M.: AST: AST MOSVA: XRAMITEL', 2008. – 764 s.
4. Fernandes-Armesto, F. Civilizacii / Felipe Fernandes-Armesto; per. s angl. D. Arsen`eva, O. Kolesnikova. – M.: AST: AST MOSKVA, 2009. – 764 s.

5. Luman N. Obshhestvo kak social'naya sistema / Per. s nem. A. Antonovskogo. M.: Izd-vo «Logos», 2004. – 232 s.
6. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' / Per. s angl. pod red. Yu.V. Asochakova. – SPb.: Piter, 2008. – 240 s.
7. Xarari Yu.N. Homo Deus. Kratkaya istoriya budushhego / Per. s angl. A. Andreeva. M.: «Sindbad», 2018. – 777 s.
8. Saviczkij P. Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy' evrazijstva / Klassika geopolitiki, XX vek: Sb. / Sost. K. Korolev. – M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. – S. 677-687.
9. Russo Zh.-Zh. Soobrazheniya ob obraze pravleniya v Pol'she i predlagаемye preobrazovaniya v sem pravlenii [1771/1772] // Russo Zh.-Zh. Pedagogicheskie sochineniya: V 2 t. M.: Pedagogika, 1981. T. 2. S. 178-187. 336 s.
10. Baraxvostov P.A. «Zakon e'kspansii» F. Ratcelya v usloviyah formirovaniya novogo miroporyadka // Rossiya i mir: nauchnyj dialog. 2023. № 3(9). S. 20-33, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3\(9\)-20-33](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3(9)-20-33)
11. Grigor'eva T.P. Dao i logos (vstrecha kul'tur). – M.: Nauka. Gl. red. vost. lit-ry', 1992. – 424 s.
12. Makinder X.Dzh. Geograficheskaya os' istorii // Klassika geopolitiki, XX vek: Sb. / Sost. K. Korolev. – M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. – S. 7–32.

Shorkin Alexey Davydovich – Professor, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

E-mail: alexshorkin@mail.ru

УДК 323.1

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-2-117-133

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ
АЛЬТЕРНАТИВНОЙ РОССИИ: «ФОРУМ СВОБОДНЫХ
НАРОДОВ/ГОСУДАРСТВ ПОСТРОССИИ»¹ КАК ИНСТРУМЕНТ
ОСЛАБЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ФРАГМЕНТАЦИИ РФ**

Демешко Н. Э.

Аннотация: Статья посвящена раскрытию особенностей функционирования «Форума свободных народов/государств постРоссии»² как инструмента формирования внутриполитической напряженности и создания центробежных тенденций на территории РФ. Объектом исследования выступает этнонациональный фактор в современных политических процессах, предметом – «Форум свободных народов/государств постРоссии»³ в качестве одного из западных механизмов ослабления государственности и фрагментации РФ. Методология исследования представлена системным, инструменталистским и дискурсивным подходами. На основании мониторинга деятельности «Форума свободных народов/государств постРоссии» и его структурных подразделений⁴ определены политические технологии, направленные на формирование этнического радикализма в России. Сетевая структура форума позволяет не только учитывать индивидуальные особенности отдельных народов, проживающих в субъектах РФ, но и масштабировать его деятельность для более эффективной этнонациональной мобилизации на антироссийских смыслах. Автор статьи показывает, что «защита» различных этнических групп якобы от «колониальных» механизмов управления федерального центра регионами выступает обоснованием «необходимости» ядерного разоружения и демилитаризации России. При этом так называемые «деколонизация» и «деимпериализация» рассматриваются странами коллективного Запада в качестве одного из этапов военно-политического ослабления и последующей фрагментации не только России, но и коллективного Незапада в целом.

Ключевые слова: Российская Федерация, национальный вопрос, политические технологии, «Форум свободных народов/государств постРоссии»⁵, деколонизация, деимпериализация.

Divide et impera!

1 Организация признана террористической на территории РФ. На официальном сайте форума и в его телеграм-канале встречаются два названия: «Форум свободных народов постРоссии» и «Форум свободных государств постРоссии».

2 Организация признана террористической на территории РФ.

3 Организация признана террористической на территории РФ.

4 Организации признаны террористическими на территории РФ.

5 Организация признана террористической на территории РФ.

Этнонациональная проблематика приобретает особое значение в контексте современного гибридного противостояния стран коллективного Запада и Незапада, в рамках которого державы-конкуренты используют различные факторы, в том числе и национальный вопрос, для ослабления и последующей дестабилизации противника. С точки зрения ретроспективного анализа этнонациональный фактор играл одну из ключевых ролей в процессе фрагментации России в различные эпохи существования государства [1, с. 225]. Так, разрушение Российской империи происходило с использованием мифа о России как о «тюрьме народов» и объявлением русских т.н. «эксплуататорами». Подобная ситуация повторилась при разрушении СССР, когда ключевым выступал миф о «русификации» и «советизации» народов Советского Союза [2, с. 71]. В постсоветский период становления российской государственности в 1990–2000-ые гг. этнический национализм также ставил под сомнение целостность РФ. Об этом свидетельствовала деятельность движений сепаратистского толка Чечни, Дагестана, Татарстана и других субъектов РФ.

Актуальность этой проблематики сохраняется и в современных реалиях. После 24 февраля 2022 г. поддержка националистических организаций со стороны коллективного Запада значительно возросла, а на международном уровне участились призывы к «деколонизации», «деимпериализации» и «дезинтеграции» России через самоопределение «порабощенных» народов [3, с. 12]. Подобные тезисы содержатся как в публичных выступлениях первых лиц государств, так и в документах международных организаций. В данном контексте достаточно показательными являются выступления на так называемом «саммите мира», проходившем 15–16 июня 2024 г. в Швейцарии, в рамках которых прослеживались апелляции к территориальным претензиям в отношении России и стремление продемонстрировать ее в качестве «агрессивного» и «колониального государства». Так, президент Финляндии А. Стубб отметил, что Россия якобы во время Второй мировой войны «вторглась» в его страну и «забрала» 10% территории [4]. В свою очередь, президент Польши А. Дуда отметил: «Я представляю ту часть мира, где Россия часто называется тюрьмой народов.... На ее территории находятся 200 этнических групп, которые оказались на территории России в результате методов, которые Россия сегодня применяет против Крыма. Россия остается крупнейшей колониальной империей в мире. И, в отличие от европейских государств, Россия не прошла процесс деколонизации. Россия никогда не была в состоянии справиться с демонами прошлого. Мы должны в конце концов сказать, что нет места для колониализма в современном мире» [5]. Кроме того, Парламентская ассамблея ОБСЕ в Ванкуверской декларации 2023 г. признала Россию «колониальной империей», якобы отказывающей в равных правах коренным народам и этническим меньшинствам, проживающим на территории РФ, и реализующей «мягкую аннексию» Украины, Беларуси, «оккупацию» Грузии и поддержку «сепаратизма» в Молдове [6]. В резолюции Европарламента 2024 г. уже содержится прямой призыв к «деимпериализации», «деколонизации» и «рефедерализации» России [7].

Для реализации поставленных задач странами коллективного Запада создаются различные структуры, главным предназначением которых является разработка технологий фрагментации России с помощью активизации этнического национализма в ее регионах.

Исходя из этого автор статьи ставит перед собой цель выявить и исследовать особенности функционирования «Форума свободных народов/государств постРоссии»⁶ как инструмента внутриполитической дестабилизации и военно-политического ослабления РФ после начала СВО. В статье решаются следующие задачи: изучить ключевые инициативы «Форума свободных народов / государств постРоссии»⁷ и его структурных подразделений⁸; определить политические технологии, направленные на формирование этнического радикализма в России⁹. Объектом исследования выступает этнонациональный фактор в современных политических процессах, предметом – «Форум свободных народов/государств постРоссии»¹⁰ в качестве одного из западных механизмов ослабления государственности и фрагментации РФ. Методология исследования представлена системным, инструменталистским и дискурсивным подходами.

Изучением особенностей разыгрывания этнонациональной проблематики занимались такие исследователи, как В.А. Ачкасова [8], М.А. Игошева [9], С.В. Калабекова [10], П.В. Осколков [11], А.Г. Ткаченко [2], С.Е. Рыбаков [12], Е.В. Савва [13], И.А. Савченко, Л.А. Снегирева, С.В. Устинкин [14], В.А. Тишков [15], О.А. Янченкова [16] и др. Анализ различных аспектов деятельности «Форума свободных народов / государств постРоссии» нашел отражение в работах Е.М. Арутюновой [17], С.В. Венцеля, А.В. Волошука, А.А. Гаас, Т.В. Калашкиной [18], Н.Э. Демешко, Г.Л. Мурадова, А.А. Ирхина, О.А. Москаленко [3], А.П. Шмелева [19].

Дискуссионная площадка под названием «Форум свободных народов / государств России»¹¹ (с сентября 2022 г. название трансформировалось в «Форум свободных народов/государств постРоссии») (далее – Форум) начала свое существование с мая 2022 г. На данный момент было проведено 14 мероприятий в различных странах мира (табл. 1).

Таблица 1. Промежуточные результаты мониторинга деятельности «Форума свободных народов/государств постРоссии»¹²

Название форума	Дата и место проведения	Ключевые итоги мероприятия
«Форум свободных народов России»	8-9 мая 2022 г., Варшава (Польша)	Первое программное мероприятие форума, на котором он определен как платформа для структурной реконструкции РФ [20].

6 Организация признана террористической на территории РФ.

7 Организация признана террористической на территории РФ.

8 Организации признаны террористическими на территории РФ.

9 В статье под этническим радикализмом подразумевается стремление представителей организаций националистического толка к кардинальному и бескомпромиссному изменению существующего политico-территориального устройства государства (от смены политического режима до территориальных границ).

10 Организация признана террористической на территории РФ.

11 Организация признана террористической на территории РФ.

12 Организация признана террористической на территории РФ.

«Реконструкция России: форсайт и сценарии»	22-24 июля 2022 г., Прага (Чехия)	<p>1. Функционировало две панельных дискуссии: (1) «Постпутинская Россия: территориально-административное устройство и формы взаимодействия новых суверенных государств/образований»; (2) «Тектонические сдвиги: как реконструкция России повлияет на мировой порядок».</p> <p>2. Принята Декларация о «деколонизации» России.</p> <p>3. Продемонстрирована карта «постпутинской России», на которой РФ разделена более чем на 30 государств¹³ [21].</p>
«Европейский путь и самоопределение независимых государств построссийского пространства Балтии и Скандинавии»	23-25 сентября 2022 г., Гданьск (Польша)	<p>1. Мероприятие получило наименование «Форум свободных народов постРоссии».</p> <p>2. Функционировало две панельных дискуссии: (1) «Ингрия, Карелия, Кенигсберг: освобождение от империи и возврат в Европу»; (2) «Сценарии мирной, ненасильственной и контролируемой сепарации, независимости, успеха независимых государств построссийского пространства».</p> <p>3. Принят и подписан Гданьский манифест «План реконструкции» [22].</p>
«Международная конференция мирной деколонизации»	7-11 декабря 2022 г., Хельсингборг (Швеция)	<p>1. Подписан Меморандум о прекращении существования Российской Федерации.</p> <p>2. Подписана Декларация независимости конфедерации Сибири [23].</p>
«Имперская Россия. Идеология на практике: завоевание, колонизация и геноцид. Перспективы денимпериализации и деколонизации»	31 января 2023 г., Брюссель (Бельгия)	<p>1. Проходил в здании Европарламента.</p> <p>2. Функционировали дискуссионные панели: (1) «Идеология: от Московии до «русского мира»; (2) «Завоевание и эксплуатация: Иван Грозный и другие мясники»; (3) «Коренные народы и колонизированные регионы Российской Федерации в контексте ее военной агрессии против Украины»; (4) «Денимпериализация и Деколонизация: будет ли существовать Российская Федерация после поражения в войне?».</p> <p>3. Подписан Брюссельский протокол.</p> <p>4. Анонсированы онлайн-референдумы об отделении территорий от РФ.</p> <p>5. Состоялась презентация результатов экспертного опроса «Перспективы антиколониальных и центробежных движений в отдельных субъектах Российской Федерации» [24].</p>
«Новое будущее Северной Евразии: архитектура построссийского	25-28 апреля 2023 г., Вашингтон, Филадельфия,	Принята Хартия свободы «построссийского» пространства [25].

13 В настоящий момент ключевая цель мероприятия – 41 независимое государство.

пространства»	Нью-Йорк (США)	
«Возможности и вызовы для Восточной и Северной Азии»	1-2 августа 2023 г., Токио (Япония)	Принята Токийская декларация, которая направлена на ядерное разоружение России [26].
«Глобальные преимущества постРоссии»	14-16 октября 2023 г., Лондон (Великобритания) и Париж (Франция)	1. Объявлено возобновление функционирования Антибольшевистского блока народов в формате Антиимперского блока народов. 2. Принят Пакт о необходимости ядерного разоружения России [27].
«После империи: новые независимые государства без милитаризма, колоний и человеконенавистнических идеологий»	11-14 декабря 2023 г., Рим, (Италия) и Берлин (Германия)	Принят Декрет о принципах территориального устройства «построссийского» пространства [28].
«Разрыв с Россией и политика Запада»	16 апреля 2024 г., Вашингтон (США)	Проведены заседания: (1) «Контуры развивающихся государств в построссийский период»; (2) «Западная политика и сценарии краха российского государства» [29].
«Реальные беспрогрызные сценарии развития построссийского пространства»	14 июня 2024 г., Вильнюс (Литва)	Основные темы обсуждения: (1) военные преступления, террористические акты, геноциды, которые якобы были совершены Россией за последние 300 лет; (2) каким образом опыт государств, которые обрели независимость от Российской империи-СССР, может помочь в «освобождении» еще «оккупированных/порабощенных» народов и регионов от колониальной эксплуатации Москвы; (3) Литва, Латвия, Эстония как члены НАТО и ЕС – ориентиры для новых независимых государств на постсоветском пространстве. Принята Прокламация добрососедства – документ, призывающий к полному и окончательному демонтажу последней «колониальной империи» в Европе – Московии – путем превращения ее пространства в ряд независимых государств [30].
«Дизайн пост-российских пространств и его влияние на макрорегионы Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии»	18-19 сентября 2024 г., Тайбэй (Тайвань)	Основные темы обсуждения: (1) «постРоссия» и новая архитектура коллективной безопасности: эффективное противодействие «оси-тирании» РФ-КНР-Иран-КНДР и ее «сателлитам»; (2) независимые государства «постРоссии» и новый geopolитический облик Азиатско-Тихоокеанского макрорегиона;

		(3) «поражение» РФ на Украине и «деколонизация» РФ как ключ к превентивному сдерживанию агрессии и милитаризма КНР [31].
«Переосмысление будущего России»	19 ноября 2024 г., Оттава (Канада)	Основные темы обсуждения: (1) с какими «проблемами» сталкиваются «порабощенные» нации в результате «репрессивной» политики, проводимой российским государством; (2) какую роль могут сыграть «порабощенные» народы в ослаблении «тоталитарного альянса» России-Китая-Ирана-Северной Кореи и их «прокси-сателлитов»?; (3) трансформация мышления и информационного пространства для обеспечения успешного процесса деколонизации; (4) экономические последствия трансформации последней европейской «колониальной империи» в 41 независимое государство «постРоссии» [32].
«Проектирование построссийских пространств: черный лебедь или управление рисками и многосценарный прогноз?»	13 декабря 2024 г., Вена (Австрия)	Основные темы обсуждения: (1) «независимые» Башкортостан, Сибирь, Татарстан, Коми, Тюмень, Астрахань и др. – новые надежные поставщики нефти и газа для государств Центральной Европы? (2) обеспечение полной денуклеаризации и значительной демилитаризации новых независимых государств «постРоссии»; (3) эффективное противодействие «тирании» Китая, России, Ирана, Северной Кореи; (4) уроки бывшей Югославии для государств «постРоссии»; (5) Вена как ориентир развития для Москвы [33].

Участниками и спикерами Форума выступают представители т.н. «правительств в изгнании», национальных движений регионов РФ, находящиеся в эмиграции, но позиционирующие себя в качестве «представителей» народов России, политологи, военные эксперты, экономисты, журналисты, а также государственные деятели, дипломаты и политики США, стран Европы и Азии [34]. Данные «эксперты» систематически делегитимизируют российские органы власти, популяризируют представления о необходимости борьбы за «национальную независимость» и «неминуемости» распада РФ, что отражается и в основных направлениях деятельности форума (табл. 2).

При этом сепаратистские лозунги обрамляются антиколониальным дискурсом. Так, организаторы¹⁴ мероприятия отмечают, что стремятся «освободить от колониального гнета Московии» народы и в последующем создать на территории России «новые геопо-

14 В открытых источниках информации организатором форума обозначается украинский общественно-политический деятель О. Магалецкий, но, учитывая место регистрации в Польше и проведение мероприятий в различных странах мира, де-факто ключевую роль в указанной структуре играют страны коллективного Запада.

литические субъекты»: Татарстан, Уральскую Республику, Башкортостан, Соединенные Штаты Сибири, Карелию, Чечению, Ингрию, Балтийскую Республику, Ингушетию, Бурятию, Тихоокеанскую Федерацию, Тыву, Чувашию, Донскую Республику, Федерацию Тюмень-Югра, Коми, Республику Тверь, Алтай, Кубань, Федерацию Поволжье, Брянскую, Иркутскую, Новгородскую Республику, Смоландию, Федерацию Залесье, Хакасию, Псковскую Республику, Кумыкию, Коландию (Мурманская область), Республику Черноземье и др. [35].

**Таблица 2. Основные направления работы
«Форума свободных народов/государств постРоссии»¹⁵**

Реконструкция и структурная трансформация	«Деимперализация» и «деколонизация»	«Депутинизация» и «депацификация»	«Демилитаризация» и «депуклеаризация»	Экономико-социальные изменения
Предусматривает изменение административной и территориальной структуры «постпутинской» России, а также переход от «авторитарного имперского государства» к пляже «демократических» стран.	Подразумевает получение субъектами РФ статуса нене зависимых государств.	Обозначается как беспристрастие расследование «преступлений колониальной имперской власти» и «люстрацию» для представителей действующего режима.	Обосновывается необходимостью устрашения всех рисков, связанных с возможностью «применения остатков ядерного арсенала» РФ в региональных конфликтах, «утропами» коллективной безопасности.	Отмечается, что изменения якобы должны предупредить коллапс правовых и экономических институтов в «переходный период», не допустить разорения граждан и гарантировать устойчивость сотрудничества «новых

Мониторинг и анализ промежуточных итогов форума продемонстрировал, что на всех обозначенных мероприятиях для хаотизации российского пространства происходит навязывание следующих идеологем:

- Россия – «государство-агрессор», угрожающее новому мировому порядку;
- Россия – часть так называемой «оси-тирании» / «оси зла», которая представлена следующим образом: КНР-Россия-Иран-КНДР и их «сателлитами» (Венесуэла, Беларусь и т.д.);
- Россия – последняя «колониальная империя» в Европе, которую необходимо «деколонизировать»;
- дезинтеграция России политически и экономически «выгодна» для субъектов РФ;
- историческая Россия якобы «виновница» террористических актов и геноцидов;

15 Организация признана террористической на территории РФ.

- «поражение» России на Украине – «шанс» для народов России освободиться от «колониального бремени» и получить / возвратить национальную государственность;
- распад РФ «предопределён», и народы России должны бороться за свое право на самоопределение (именно для демонстрации «неминуемости» дезинтеграции РФ вводится и тиражируется в публичном пространстве термин «постРоссия»).
- дорожная карта «преобразования» России обозначается следующим образом: «дenukleаризация → демилитаризация → деимпериализация → деколонизация».

Помимо проведения дискуссионных площадок реализуются различные проекты, направленные на политизацию¹⁶ и, в последующем, радикализацию этнической идентичности народов РФ. Так, например, на официальном сайте форума была опубликована серия документальных фильмов под общим наименованием: «Народы против империи». Ролики строятся по стандартному сценарию: начинается повествование с распада Российской империи в 1917 г. (исключением является фильм про Кавказ, где изначально в кратком введении упоминается Кавказская война, а далее сюжетная линия переносится к революции 1917 г.); акцент делается на национальные движения, возникших в революционное время, и на их поддержку со стороны иностранных государств; подчеркивается право различных народов на возрождение их государственности; характеристика российской этнополитики сводится к стандартным терминам: «ассимиляция», «руссификация», «геноцид», «репрессии», «грабительская» и «колониальная» политика. Отдельная часть в каждом фильме посвящена «пантеону героев» – представителям национальных движений и трагичным моментам их биографии. Все фильмы заканчиваются выводами, которые обрамлены более резкими высказываниями в сравнении с остальной частью роликов: «... Десятилетия советской диктатуры не смогли уничтожить мечту о создании независимой Ингерманландии. В XXI в. сотни активистов, вдохновленные подвигами Эльфенгrena и прецедентом создания государства Северная Ингрия, ведут борьбу за образование независимой республики на территории исторической Ингрии. Уроки прошлого будут учтены – путинская империя обязательно рухнет. Ингрия будет свободной» [37]; «... Советская империя превращается в новую тюрьму народов. Современная Россия ее наследница. Она ждет своего собственного 1917 г. Тогда перед угнетенными нациями вновь откроется окно возможностей» [38]; «...Люди уходят, но идея освобождения Сибири, Дальнего Востока и коренных народов края живет. Эти земли ждут своего часа, чтобы сбросить колониальное ярмо и реализовать свой огромный потенциал. Этот час уже близок. Деколонизация неизбежна» [39]; «...Народы Северного Кавказа обязательно обретут свободу и будут строить новую жизнь на обломках путинской недоимперии» [40].

Кроме того, с целью конструирования этнических линий разломов на территории России участники форума активно сотрудничают с различными организациями националистического толка, которые обозначены Федеральной службой безопасности РФ как структурные подразделения Форума¹⁷ (рис. 1).

Сетевая структура форума позволяет не только учитывать индивидуальные особен-

16 Политизация вводит этническость в парадигму общественно-политических процессов, то есть ее можно определить, как наделение этническости политическими функциями.

17 Организации признаны террористическими на территории РФ.

ности отдельных народов, проживающих в РФ, но и масштабировать его деятельность для более эффективной этнонациональной мобилизации на антироссийских смыслах.

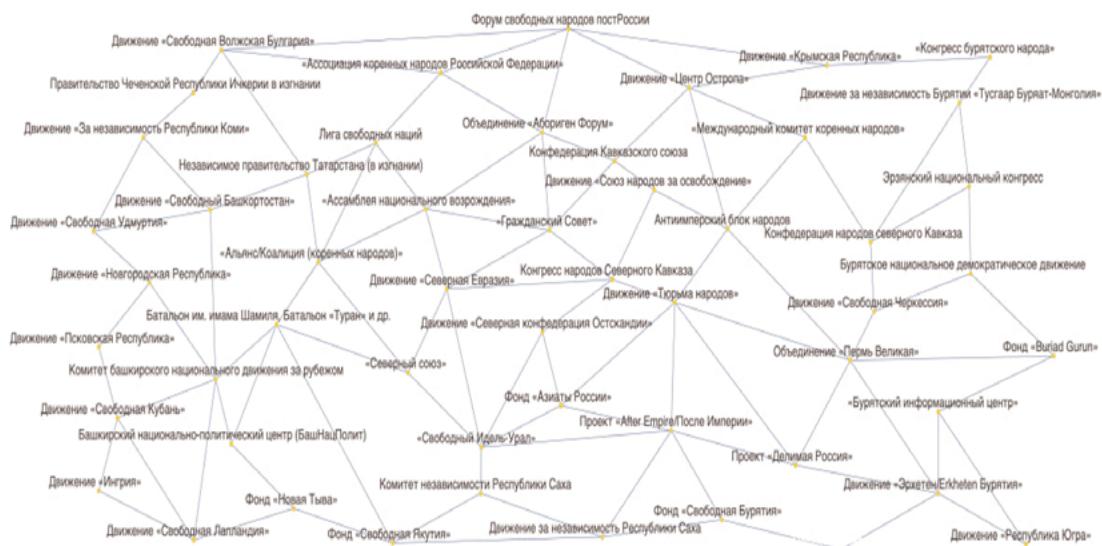

Рис. 1. Граф части структурных подразделений
«Форума свободных народов/государств постРоссии»¹⁸

Исследование попыток радикализации этничности в регионах России со стороны националистических организаций, поддерживаемых/организованных коллективным Западом, позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, деятельность Форума и его структурных подразделений¹⁹ осуществляется дистанционно и сводится в большей степени к радикализации этничности на дискурсивном уровне (прежде всего через русскоязычный сегмент сети «Интернет»). Однако недооценивать потенциал подобного деструктивного воздействия представляется опасным. Поскольку в контексте снижения экономического развития России, возможного ослабления федерального центра, отсутствия идеологии и четкого образа будущего государства антигосударственные, националистические и сепаратистские лозунги могут быть положительно восприняты отдельными категориями населения, это в последующем может использоваться геополитическими конкурентами как инструмент фрагментации РФ.

Во-вторых, исследование инициатив националистических организаций позволило определить политические технологии, направленные на формирование этнического радикализма в России:

18 Список подразделений форума представлен 170 организациями. С ним можно ознакомиться на официальном сайте Федеральной службы безопасности РФ. См.: Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

19 Организации признаны террористическими на территории РФ.

- позиционирование исторической России как «экзистенциального врага» различных этнонациональных сообществ (наиболее часто фигурируют такие обвинения, как «лишение государственности», «геноцид», «русификация» и т.д.);
- навязывание представлений о «колониальных» механизмах управления федерального центра регионами;
- призыв к борьбе за создание/возрождение национальной государственности;
- популяризация идеи необходимости получения народами России компенсации за различные виды «притеснений»;
- использование темы СВО как инструмента дестабилизации внутриполитического пространства РФ (в Telegram-каналах указанных структур прослеживается поддержка Украины, распространяются инструкции по избежанию мобилизации в Вооруженные силы РФ, призывы к вступлению в ряды ВСУ и т.д.).

В-третьих, в условиях ужесточения геополитического противостояния этническая идентичность становится мощным ресурсом для мобилизации населения на антигосударственные смыслы. Учитывая современные тенденции и исторический опыт, можно прогнозировать возрастание попыток разыгрывания конфликтного потенциала этничности. Кроме того, «защита» прав различных этнических групп, проживающих в РФ, выступает своеобразным обоснованием необходимости ядерного разоружения и демилитаризации России. При этом так называемые «деколонизация» и «деимпериализация» рассматриваются странами коллективного Запада как один из этапов военно-политического ослабления и последующей дезинтеграции не только России, но и коллективного Незапада в целом.

Список литературы

1. Демешко Н.Э., Ирхин А.А. Россия и Великобритания: национальный фактор в конкуренции великих держав // Диалог со временем. 2023. № 83. С. 215–231.
2. Ткаченко А.Г. Укрепление российской национальной идентичности как противодействие радикальному национализму // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 70–74.
3. Демешко Н.Э., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Деколонизация» и «деимпериализация»: современная политика Запада в отношении фрагментации России // Регионология. 2024. Т. 32. № 1 (126). С. 10–30.
4. Presidentti Stubb: Avaimet Ukrainian sodassa ovat nyt Kiinalla. 15.06.2024. URL: <https://yle.fi/a/74-20094320> (дата обращения: 05.03.2025).
5. Президент Польши Дуда: Я представляю ту часть мира, где Россия часто называется тюрьмой народов. 15.06.2024. URL: <https://crimea-news.com/society/2024/06/15/1393933.html> (дата обращения: 05.03.2025).
6. Vancouver Declaration and Resolutions Adopted by the OSCE Parliamentary Assembly at the Thirtieth Annual Session Vancouver. 04.07.2023. URL: <https://www.oscepa.org/en/documents/annual-sessions/2023-vancouver/declaration-29/4744->

- vancouver-declaration-eng/file (accessed: 05.03.2025).
7. The murder of Alexei Navalny and the need for EU action in support of political prisoners and oppressed civil society in Russia. 29.02.2024. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0118_EN.html (accessed: 05.03.2025).
 8. Ачкасова В.А. Политическая мобилизация в этнических конфликтах // Вестник Московского университета. Сер.12. Политические науки. 2016. № 5. С. 37–49.
 9. Игошева М.А. Этническая идентичность в системе социальной безопасности локальных сообществ : дис. ... д-ра философ. наук. Новочеркасск, 2020.
 10. Калабекова С.В. Этноцентризм в современных реалиях // Политика и Общество. 2018. № 5. С. 32–38.
 11. Осколков П. Политизация этничности и смежные феномены // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 8. С. 131–138.
 12. Рыбаков С.Е. Анатомия этнической деструктивности. Этнический радикализм // Вестник МГУ. Сер 18: Социология и политология. 2001. № 4. С. 15–31.
 13. Савва Е.В. Этнический сепаратизм в Российской Федерации: классификация и уровень активности // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 8. С. 31–35.
 14. Савченко И.А., Снегирева Л.А., Устинкин С.В. Феномен этнического радикализма в оценках зарубежных экспертов // Власть. 2017. Том 25. № 4. С. 58–61.
 15. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001.
 16. Янченкова О.А. Специфика и потенциал идеологии национализма в современных глобализационных процессах: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новочеркасск, 2023.
 17. Арутюнова Е.М. Антироссийская сепаратистская риторика: анализ дискурсивного пространства // Respublica Literaria. 2024. Т. 5. №. 4. С. 75–85.
 18. Венцель С.В., Волощук А.В., Гаас А.А., Калашкина Т.В. Краткий аналитический обзор информационных угроз в период СВО // Обзор.НЦПТИ. 2023. № 2 (33). С. 49–56.
 19. Шмелев А.П. Угрозы процессу формирования российской национально-политической идентичности: деятельность протестных сообществ // Сборник научных статей конференции, приуроченной к 25-летию основания РАУ. Ереван. 2023. С. 284–297.
 20. Первое мероприятие Форума, как платформы для структурной Реконструкции РФ, прошло в Варшаве 08.05.22. URL: <https://t.me/freenationsrussia/3> (дата обращения: 20.01.2025).
 21. Ключевая информация о Программе II Форума Свободных Народов России в Праге 22–24 июля. URL: <https://t.me/freenationsrussia/126> (дата обращения: 20.01.2025).
 22. Программа III Форума Свободных Народов ПостРоссии. URL: <https://t.me/freenationsrussia/1030> (дата обращения: 20.01.2025).

23. IV Форум СНП – Международная Конференция по ПостРоссии пройдет 7–11 декабря 2022 в г. Хельсингборг, Королевство Швеция. URL: <https://t.me/freenationsrussia/1723> (дата обращения: 20.01.2025).
24. Видеоанонс 5го Форума Свободных Народов ПостРоссии 31 января в Европейском Парламенте в Брюсселе от наших партнеров I NEWS. URL: <https://t.me/freenationsrussia/2491> (дата обращения: 20.01.2025).
25. Драфт адженды нашего ближайшего VI Форума Свободных Народов(и регионов) ПостРоссии 25–28 апреля в США. URL: <https://t.me/freenationsrussia/3180> (дата обращения: 20.01.2025).
26. Продолжаем активную подготовку и организацию 7th Free Nations of PostRussia Forum в июле в Японии: Возможности и Вызовы для Восточной и Северной Азии. URL: <https://t.me/freenationsrussia/3852> (дата обращения: 20.01.2025).
27. Друзья, уже завтра, в субботу 14.10.23 продолжит свою работу 8й Форум Свободных Государств ПостРоссии: The Global Benefits of PostRussia в Париже 14 октября. URL: <https://t.me/freenationsrussia/4969> (дата обращения: 20.01.2025).
28. Финальная программа (с таймингом активностей и выступлений спикеров) 9го Форума Свободных Государств ПостРоссии в Риме (пн. 11.12.23) и Берлине (чт. 14 декабря). URL: <https://t.me/freenationsrussia/5413> (дата обращения: 20.01.2025).
29. Пресс-анонс нашего ближайшего публичного мероприятия. URL: <https://t.me/freenationsrussia/6062?single> (дата обращения: 20.01.2025).
30. 11й Форум Свободных Государств ПостРоссии... URL: <https://t.me/freenationsrussia/6917?single> (дата обращения: 20.01.2025).
31. Финальная адженда (программа «открытой» части) с таймингом нашего ближайшего публичного мероприятия... URL: <https://t.me/freenationsrussia/7597> (дата обращения: 20.01.2025).
32. Финальная адженда (программа «открытой» части) с таймингом нашего ближайшего публичного мероприятия – Форум Свободных Государств ПостРоссии ... URL: <https://t.me/freenationsrussia/7986> (дата обращения: 20.01.2025).
33. Финальная адженда... URL: <https://t.me/freenationsrussia/8163> (дата обращения: 20.01.2025).
34. Спикеры. URL: <https://www.freenationsrf.org/ru/leadership> (дата обращения: 20.01.2025).
35. Независимость & Богатства. Форум Свободных Государств ПостРоссии – платформа коммуникации и аналитики, площадка для дискуссии, а также поиска лучших решений. URL: <https://www.freenationsrf.org/ru> (дата обращения: 20.01.2025).
36. Цели. URL: <https://www.freenationsrf.org/ru> (дата обращения: 20.01.2025).
37. Ингрия: цена свободы. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6ldeznnIDwc> (дата обращения: 07.01.2025).
38. Башкиры – возрождение государства. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3MB-8Ny-Img> (дата обращения: 07.01.2025).
39. Драма свободной Сибири. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=frmMLdTCCt8>

(дата обращения: 07.01.2025).

40. Кавказ. Сражение за свободу. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EgappxcjIT4>
(дата обращения: 07.01.2025).

Сведения об авторе

Демешко Наталья Эдуардовна – кандидат политических наук, г. Севастополь, доцент Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета.

E-mail: natalidem93@mail.ru

Demeshko N. E.

POLITICAL TECHNOLOGIES FOR FORMATION OF ALTERNATIVE RUSSIA: «THE FREE NATIONS OF POST-RUSSIA FORUM»²⁰ AS INSTRUMENT FOR WEAKENING STATEHOOD AND FRAGMENTATION OF RUSSIAN FEDERATION

Abstract: The article is devoted to the disclosure of «The Free Nations of Post-Russia Forum»²¹ as a tool for the formation of internal political tension and the creation of centrifugal tendencies in the territory of the Russian Federation. The object of the study is the ethno-national factor in modern political processes, the subject is «The Free Nations of Post-Russia Forum»²² as one of the Western mechanisms for weakening the statehood and fragmentation of the Russian Federation. The research methodology is represented by systematic, instrumentalist and discursive approaches. Based on the monitoring of the activities of the «The Free Nations of Post-Russia Forum»²³ and its structural divisions, political technologies aimed at the formation of ethnic radicalism in Russia have been identified. The forum's network structure allows not only to take into account the individual characteristics of individual peoples living in the constituent entities of the Russian Federation, but also to scale its activities for more effective ethnonational mobilization in anti-Russian terms. The author of the article shows that the «protection» of various ethnic groups from the alleged «colonial» control mechanisms of the federal center of the regions justifies the «need» for nuclear disarmament and demilitarization of Russia. At the same time, the so-called «decolonization» and «deimperialization» are considered by the countries of the collective West as one of the stages of the military-political weakening and subsequent fragmentation not only of Russia, but also of the collective Non-West as a whole.

Keywords: Russian Federation, national question, political technologies, «Free Nations of Post-Russia Forum»²⁴, decolonization, deimperialization.

20 Организация признана террористической на территории РФ.

21 Организация признана террористической на территории РФ.

22 Организация признана террористической на территории РФ.

23 Организации признаны террористическими на территории РФ.

24 Организация признана террористической на территории РФ.

References

1. Demeshko N.E., Irkhin A.A. Rossiya i Velikobritaniya: natsional'nyi faktor v konkurentsii velikikh derzhav [Russia and Great Britain: The National Factor in the Competition of the Great Powers]. Dialog so vremenem. 2023. № 81. P. 215–231.
2. Tkachenko A.G. Ukreplenie rossiiskoi natsional'noi identichnosti kak protivodeistvie radikal'nomu natsionalizmu [Strengthening Russian National Identity as a Counteraction to Radical Nationalism] // Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii. 2015. № 6. P. 70–74.
3. Demeshko N.E., Muradov G.L., Irkhin A.A., Moskalenko O.A. «Dekolonizatsiya» i «deimperializatsiya»: sovremennaya politika Zapada v otnoshenii fragmentatsii Rossii [“Decolonization” and “Deimperialization”: Modern Western Policy Towards Fragmentation of Russia]. Regionologiya. 2024. T. 32. № 1. P. 10–30.
4. Presidentti Stubb: Avaimet Ukrainian sodassa ovat nyt Kiinalla. Available at: <https://yle.fi/a/74-20094320> (accessed 5 March, 2025).
5. Prezident Pol'shi Duda: Ja predstavlju tu chast' mira, gde Rossija chasto nazyvaetsja tjur'moj narodov (Polish President Duda: I represent a part of the world where Russia is often called the prison of nations). Available at: <https://crimea-news.com/society/2024/06/15/1393933.html> (accessed 5 March, 2025).
6. Vancouver Declaration and Resolutions Adopted by the OSCE Parliamentary Assembly at the Thirtieth Annual Session Vancouver. Available at: <https://www.oscepa.org/en/documents/annual-sessions/2023-vancouver/declaration-29/4744-vancouver-declaration-eng/file> (accessed 5 March, 2025).
7. The murder of Alexei Navalny and the need for EU action in support of political prisoners and oppressed civil society in Russia. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0118_EN.html (accessed 5 March, 2025).
8. Achkasova V.A. Politicheskaya mobilizatsiya v etnicheskikh konfliktakh [Political Mobilization in Ethnic Conflicts] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.12. Politicheskie nauki. 2016. № 5. P. 37–49.
9. Igosheva M.A. Etnicheskaya identichnost' v sisteme sotsial'noi bezopasnosti lokal'nykh soobshchestv [Ethnic identity in the social security system of local communities. Dr. philosoph. sci. diss.]. Novocherkassk, 2020.
10. Kalabekova S.V. Etnotsentrizm v sovremennykh realiyakh [Ethnocentrism in Modern Realities] // Politika i Obshchestvo. 2018. № 5. P. 32–38.
11. Oskolkov P. Politizatsiya etnichnosti i smezhnye fenomeny [Politicization of Ethnicity and Related Phenomena] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 65. № 8. P. 131–138.
12. Rybakov S.E. Anatomiya etnicheskoi destruktivnosti. Etnicheskii radikalizm [The Anatomy of Ethnic Destructiveness. Ethnic Radicalism] // Vestnik MGU. Ser 18: Sotsiologiya i politologiya. 2001. № 4. P. 15–31.
13. Savva E.V. Etnicheskii separatizm v Rossiiskoi Federatsii: klassifikatsiya i uroven'

- aktivnosti [Ethnic Separatism in the Russian Federation: Classification and Level of Activity] // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2020. № 8. P. 31–35.
14. Savchenko I.A., Snegireva L.A., Ustinkin S.V. Fenomen etnicheskogo radikalizma v otsenkakh zarubezhnykh ekspertov [The Phenomenon of Ethnic Radicalism in the Assessments of Foreign Experts] // Vlast'. 2017. Tom 25. № 4. P. 58–61.
15. Tishkov V.A. Etnologiya i politika. Nauchnaya publitsistika [Ethnology and Politics. Scientific Journalism.]. Moscow: Nauka, 2001.
16. Yanchenkova O.A. Spetsifika i potentsial ideologii natsionalizma v sovremennykh glokalizatsionnykh protsessakh [Specifics and potential of the ideology of nationalism in modern globalization processes. Cand. philosoph. sci. thesis diss]. Novocherkassk, 2023.
17. Arutyunova E.M. Antirossiiskaya separatistskaya ritorika: analiz diskursivnogo prostranstva [Anti-Russian Separatist Rhetoric: Analysis of the Discursive Space] // Respublica Literaria. 2024. T. 5. № 4. P. 75–85.
18. Vencel' S.V., Voloshhuk A.V., Gaas A.A., Kalashkina T.V. Kratkij analiticheskij obzor informacionnyh ugroz v period SVO [Brief analytical review of information threats in the period of the SVO]. Obzor.NCPTI. 2023. № 2 (33). P. 49–56.
19. Shmelev A.P. Ugrozy processu formirovaniya rossijskoj nacional'no-politicheskoy identichnosti: dejatel'nost' protestnyh soobshhestv [Threats to the process of formation of Russian national and political identity: the activities of protest communities]. Sbornik nauchnyh statej konferencii, priurochennoj k 25-letiju osnovaniya RAU. Erevan. 2023. P. 284–297.
20. Pervoe meropriyatiye Forum, kak platformy dlya strukturnoi Rekonstruktsii RF, proshlo v Varshave 08.05.22 (The first event of the Forum, as a platform for the structural Reconstruction of the Russian Federation, was held in Warsaw on 05/08/12). Available at: <https://t.me/freenationsrussia/3> (accessed 20 January 2025).
21. Klyuchevaya informatsiya o Programme II Foruma Svobodnykh Narodov Rossii v Prage 22–24 iyulya (Key information about the Program of the II Free Nations of PostRussia Forum in Prague on July 22–24). Available at: <https://t.me/freenationsrussia/126> (accessed 20 January 2025).
22. Programma III Foruma Svobodnykh Narodov PostRossii (The program of the III Free Nations of PostRussia Forum). Available at: <https://t.me/freenationsrussia/1030> (accessed 20 January 2025).
23. IV Forum SNP – Mezhdunarodnaya Konferentsiya po PostRossii proidet 7–11 dekabrya 2022 v g. Khel'singborg, Korolevstvo Shvetsiya (The IV SNP Forum – an international Conference on Russia, will be held on December 7-11, 2022 in Helsingborg, Kingdom of Sweden). Available at: <https://t.me/freenationsrussia/1723> (accessed 20 January 2025).
24. Videoanons 5go Foruma Svobodnykh Narodov PostRossii 31 yanvarya v Evropeiskom Parlamente v Bryussele ot nashikh partnerov I NEWS (Video announcement of the 5th Free Nations of PostRussia Forum on January 31 at the European Parliament in

- Brussels from our partners I NEWS). Available at: <https://t.me/freenationsrussia/2491> (accessed 20 January 2025).
25. Draft adzhendy nashego blizhaishego VI Foruma Svobodnykh Narodov(i regionov) PostRossii 25–28 aprelya v SShA (Draft agenda of our next VI Free Nations of Postrussia Forum (and Regions) Construction on April 25-28 in the USA). Available at: <https://t.me/freenationsrussia/3180> (accessed 20 January 2025).
 26. Prodolzhaem aktivnuyu podgotovku i organizatsiyu 7th Free Nations of PostRussia Forum v iyule v Yaponii: Vozmozhnosti i Vyzovy dlya Vostochnoi i Severnoi Azii (We continue to actively prepare and organize the 7th Free Nations of PostRussia Forum in July in Japan: Opportunities and Challenges for East and North Asia). Available at: <https://t.me/freenationsrussia/3852> (accessed 20 January 2025).
 27. Druz'ya, uzhe zavtra, v subbotu 14.10.23 prodolzhit svoyu rabotu 8i Forum Svobodnykh Gosudarstv PostRossii: The Global Benefits of PostRussia v Parizhe 14 oktyabrya (Friends, tomorrow, on Saturday, 10/14/13, the 8th Free Nations of Postrussia Forum will continue its work.: The Global Benefits of PostRussia in Paris on October 14th). Available at: <https://t.me/freenationsrussia/4969> (accessed 20 January 2025).
 28. Final'naya programma (s taimingom aktivnostei i vystuplenii spikerov) 9go Foruma Svobodnykh Gosudarstv PostRossii v Rime (pn. 11.12.23) i Berline (cht. 14 dekabrya) (The final program (with the timing of the activities and speeches of the speakers) The 9th Free Nations of Postrussia Forum in Rome (Mon. 11.12.23) and Berlin (December 14th)). Available at: <https://t.me/freenationsrussia/5413> (accessed 20 January 2025).
 29. Press announcement of our upcoming public event (Press announcement of our upcoming public event). Available at: <https://t.me/freenationsrussia/6062?single> (accessed 20 January 2025).
 30. 11i Forum Svobodnykh Gosudarstv PostRossii... (11th Free Nations of Postrussia Forum...). Available at: <https://t.me/freenationsrussia/6917?single> (accessed 20 January 2025)).
 31. Final'naya adzhenda (programma «otkrytoi» chasti) s taimingom nashego blizhaishego publichnogo meropriyatiya... (The final adjenda (the program of the «open» part) with the timing of our next public event). Available at: <https://t.me/freenationsrussia/7597> (accessed 20 January 2025).
 32. Final'naya adzhenda (programma «otkrytoi» chasti) s taimingom nashego blizhaishego publichnogo meropriyatiya – Forum Svobodnykh Gosudarstv PostRossii ... (The final adjenda (the program of the «open» part) with the timing of our next public event – the Free Nations of Postrussia Forum). Available at: <https://t.me/freenationsrussia/7986> (accessed 20 January 2025).
 33. Final'naya adzhenda... (Final adjenda...). Available at: <https://t.me/freenationsrussia/8163> (accessed 20 January 2025).
 34. Spikery (Speakers). Available at: <https://www.freenationsrf.org/ru/leadership>

- (accessed 20 January 2025).
35. Nezavisimost' & Bogatstva. Forum Svobodnykh Gosudarstv PostRossii – platforma kommunikatsii i analitiki, ploshchadka dlya diskussii, a takzhe poiska luchshikh reshenii (Independence & Wealth. The Free Nations of PostRussia Forum is a platform for communication and analytics, a platform for discussion, as well as the search for the best solutions). Available at: <https://www.freenationsrf.org/ru> (accessed 20 January 2025).
 36. Tseli (Goals). Available at: <https://www.freenationsrf.org/ru> (accessed 20 January 2025).
 37. Ingriya: tsena svobody (Ingria: the price of freedom). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=6ldeznnIDwc> (accessed 07 January 2025).
 38. Bashkiry – vozrozhdenie gosudarstva (Bashkirs – the revival of the state). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=3MB-8Ny-Img> (accessed 07 January 2025).
 39. Drama svobodnoi Sibiri (The drama of Free Siberia). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=frmMLdTCCcT8> (accessed 07 January 2025).
 40. Kavkaz. Srazhenie za svobodu (The Caucasus. The battle for freedom). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=EgappxcjIT4> (accessed 07 January 2025).

*Demeshko Natalia Eduardovna – PhD in Political Science, Sevastopol, Associate Professor at the Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University.
E-mail: natalidem93@mail.ru*

УДК 327.82

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-2-134-150

ЗНАЧЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ В ЭПОХУ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Борисов Д. А., Горячева А. И.

Аннотация: В условиях развития процессов многополярности роль дипломатии возрастает, появляются новые направления дипломатической деятельности, обусловленные развитием информационно-коммуникационных технологий. В работе исследуется феномен «цифровая дипломатия» с целью изучения его роли в современной международной коммуникации. В ходе исследования проведено сравнение традиционной и цифровой дипломатии, определены достоинства и недостатки нового направления дипломатической деятельности. На основе анализа статистических данных объясняется растущая значимость новых технологий на мировой политической арене. В рамках работы показано применение искусственного интеллекта в политической сфере, а также приведены примеры данного явления на основе материалов СМИ. Также авторами было рассмотрено законодательное регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации. Описаны возможности использования цифровых технологий политическими акторами в современном мире. Авторы приходят к выводу, что для реализации своих внешнеполитических интересов странам необходимо активно наращивать информационный потенциал в интернет-пространстве, а также эффективно применять в своей деятельности инструменты нового вида дипломатического взаимодействия. Целесообразное использование новых цифровых ресурсов является одним из условий быть «центром силы» в новом многополярном мире.

Ключевые слова: цифровизация; многополярный мир; социальные сети; цифровая дипломатия; искусственный интеллект; дипфейки.

Введение

В XXI в. мировая политика претерпевает глобальные изменения. Эпоха однополярного мира во главе с США постепенно проходит, уступая место многополярному миру. В условиях активной трансформации международных отношений меняется и баланс сил. В противовес США возникают новые центры силы: Китай, Индия, Россия, Бразилия и др. Еще одной специфической особенностью современных международных отношений является влияние негосударственных акторов на политические процессы. Многополярность влияет на интенсивность дипломатических связей. В состоянии формирования многополярного мира усиливается необходимость поддержания множества разноуровневых международных коммуникаций. Таким образом, современная картина мира формирует запрос на эффективную дипломатию, которая не может быть реализована без привлечения современных информационных технологий. В новом тысячелетии в мировой политике возникает понятие «цифровая дипломатия». Данный феномен значительно расширяет

внешнеполитические возможности стран в цифровом пространстве.

Целью данного исследования является изучение роли цифровой дипломатии в условиях становления многополярности. В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

- определяется важность дипломатической коммуникации в условиях формирования многополярного мира;
- рассматривается определение понятия «цифровая дипломатия» в работах отечественных и зарубежных исследователей;
- изучаются перспективы нового вида дипломатической деятельности в условиях информационных войн;
- анализируются вызовы и возможности цифровой дипломатии в эпоху развития искусственного интеллекта;
- исследуется потенциал использования инструментов нового вида дипломатической деятельности странами для реализации внешнеполитических целей в условиях многополярности.

Методологической основой исследования выступают сравнительный метод, позволяющий соотнести традиционную и цифровую дипломатию, а также выявить конкурентные преимущества нового вида дипломатической деятельности. Анализ статистических данных обозначил важность использования новых медиа во внешнеполитической коммуникации. Метод контент-анализа и кейс-стади позволили рассмотреть использование инструментов цифровой дипломатии на примере современных политических деятелей.

Многополярный мир

Взгляды отечественных и зарубежных исследователей, касающиеся содержания термина «многополярность» и ее стабильности, часто являются противоречивыми. Многие американские исследователи утверждают, что мир все еще является однополярным и будет оставаться таким еще долгое время, заостряя внимание на недостатках других моделей мирового порядка. Так, например, бывший госсекретарь США Кондолиза Райс критикует идею многополярности, охарактеризовав ее как «теорию соперничества, конкурирующих интересов, а в худшем случае – конкурирующих ценностей» [1, с. 126]. В Российской Федерации и странах БРИКС многополярный мир рассматривается политическими деятелями в качестве предпочтительного варианта развития мирового порядка.

Директор Департамента внешнеполитического планирования МИД России А.Ю. Дробынин отмечает, что в настоящее время формируется новая историческая эпоха, где система международных отношений движется от глобализации к созданию множества цивилизационных платформ (центров силы/«полюсов») и далее – к взаимодействию и интеграции между ними. А.Ю. Дробынин в своей работе также пишет: «Новые центры мирового развития ищут в многополярности возможность сохранить суверенитет и социокультурную идентичность и гармонично развиваться – в соответствии со своими традициями и с опорой на национальные интересы и чаяния народов» [2, с. 56].

Как уже было отмечено, многополярный мировой порядок имеет в научном сообществе как сторонников, так и оппонентов, что является весьма логичным фактом, так

как любая научная модель имеет ряд достоинств и недостатков, а научное упрощение не может описать всю сложность и запутанность социальной реальности. С исторической точки зрения, многополярность – это естественное состояние международных отношений, когда на мировой арене одновременно действует множество суверенных акторов. Сложность и запутанность кооперационных и конкурентных взаимоотношений, прежде всего, между государствами породили классическое восприятие международных отношений как хаотичной среды социального взаимодействия. Современная система влияния в мировой политике усложняется не только сложностью государства, но и высокой субъектностью негосударственных акторов. Многополярность XXI в. закономерно приводит к усложнению взаимоотношений между государственными и негосударственными субъектами, что увеличивает вероятность столкновения интересов, а значит и возникновения противоречий. Чем больше «полюсов» в системе, тем сложнее механизмы регулирования равновесия, которые требуют больших коммуникационных люфтов и способов для сохранения разнонаправленной коммуникации между участниками международного процесса. В данной статье мы фокусируем внимание на оценке возможностей дипломатии и её современных форм с точки зрения поддержания эффективной коммуникации для обеспечения межгосударственного взаимодействия в условиях расширяющейся многополярности.

Развитие многополярного мира способствует увеличению масштабов коммуникации в международных отношениях. Появляется все больше акторов, влияющих на международную повестку. В таких условиях страны, претендующие на лидерство, должны предложить эффективную систему дипломатических связей, учитывающую особенности текущего момента.

Цифровая дипломатия: теоретический аспект

Современный мир сложно представить без новых средств коммуникации. Стремительное развитие информационных технологий оказывается на всех сферах жизни общества. В Федеральном законе РФ от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ дано следующее определение понятия: «Информационные технологии – процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов» [3].

Цифровизация активно внедряется и в международные отношения. Технический прогресс расширяет возможности обеспечения международной коммуникации для государства. Изменения в системе международных отношений приводят и к трансформации дипломатической системы. В XXI в. появляется понятие «цифровая дипломатия» («digital diplomacy»). Рассмотрим определения термина в работах отечественных и зарубежных исследователей.

Американский исследователь Ф. Хэнсон определяет новый вид дипломатической деятельности следующим образом: «Цифровая дипломатия – реализация достижения дипломатических целей с помощью использования ИКТ и социальных сетей» [4]. Еще одно определение сформулировано Г. Шнайдером: «Цифровая дипломатия представляет собой сочетание традиционных дипломатических методов с цифровыми инструментами нашего времени, такими как социальные сети, веб-сайты и онлайн-платформы» [5].

Отечественный эксперт в области цифровой дипломатии Е.С. Зиновьева характеризует термин следующим образом: «Цифровая дипломатия – одно из направлений публичной дипломатии, ориентированное на вовлечение в дипломатическую практику широких слоев населения, а не на взаимодействие с политической и дипломатической элитами зарубежных государств» [6, с. 215].

Отечественные исследователи считают, что появление цифровой дипломатии как правительенного механизма возникает примерно в 2009– 2010 гг. [7, с. 38]. Именно в это время государственные структуры разных стран начали создавать официальные аккаунты в социальных сетях, а международные медийные компании Voice of America, PressTV, Russia Today создали первые цифровые каналы во всемирной сети [7, с. 39].

Пик развития цифровой дипломатии пришелся на 2020 г., что обусловлено активной цифровизацией, вызванной пандемией COVID-19. В период пандемии огромное количество международных политических мероприятий проводилось в дистанционном формате. Коронавирусные ограничения уже давно сняты, однако некоторые международные встречи до сих пор проводятся в гибридном формате, что позволяет участникам экономить время и средства [8].

Развитие веб-сайтов и социальных сетей министерствами иностранных дел, посольствами и делегациями международных организаций сегодня является повседневной практикой. Для осуществления своей деятельности в рамках цифровой дипломатии международные акторы используют новые медиа, блоги, соцсети и другие медиа площадки в сети Интернет. Инструменты цифровой дипломатии позволяют правительствам взаимодействовать с иностранной аудиторией, укреплять отношения и продвигать национальные идеи в масштабах, которые ранее были невозможны.

Цифровая дипломатия: возможности и ограничения

С каждым годом количество сторонников цифровой дипломатии растет, это связано с тем, что она имеет ряд преимуществ перед традиционной дипломатией. Эксперты выделяют следующие достоинства цифровой дипломатии:

- Предоставляет государству возможность общаться с аудиторией без каких-либо посредников, а также транслировать официальную позицию за рубежом, избегая искажения информации СМИ [9].
- Позволяет моментально публиковать/дополнять/обновлять информацию. Целевая аудитория оперативно получает информацию в режиме реального времени. Для получения самой актуальной информации адресату необходим лишь доступ к интернету.
- Обеспечивает государству возможность общаться с более широкой аудиторией. В цифровой среде географические барьеры нивелируются. Послание на цифровой платформе потенциально может достичь миллионов людей по всему миру за считанные секунды [5].
- Гарантирует большую прозрачность, что в свою очередь, может способствовать укреплению доверия и взаимопонимания.

Как и у традиционной дипломатической деятельности, так и у цифровой есть слабые стороны. Исследователи пишут о следующих недостатках нового вида дипломатии:

- В интернет-среде есть вероятность различных кибератак. Возможен взлом сайтов и социальных сетей дипломатических представительств, а также не исключена утечка секретной информации [9].
- В цифровом пространстве дезинформация распространяется также быстро, в некоторых случаях даже быстрее, чем правда [5].
- Человеческий фактор: существует вероятность случайно поставить лайк/реакцию на пост или сделать репост какой-либо провокационной информации. Такие случаи уже были зафиксированы в дипломатической практике.

Исходя из рассмотренной информации, авторы дают следующее определение термина: «Цифровая дипломатия – направление публичной дипломатии, реализуемое с помощью цифровых инструментов (новых медиа, социальных сетей, блогов и др.), с целью поддержания коммуникации, а также формирования имиджа государства в глазах широкой иностранной аудитории в короткие сроки и без посредников».

По мнению авторов, как правило, существует 3 главные взаимосвязанные цели, почему политические акторы используют инструменты цифровой дипломатии:

- предоставление конвенциональной информации о проделанной работе или оценке текущих событий для максимально широкой аудитории;
- возможность выстраивать коммуникацию с аудиторией, а также продвигать свой дискурс (разъяснить позицию государства) напрямую без посредников;
- создание и поддержание странового имиджа (самопрезентация).

В качестве успешного примера использования инструментов цифровой дипломатии выступает 45-й президент США Дональд Трамп, который активно использует свои социальные сети для достижения вышеперечисленных целей. В качестве основной политической трибуны Д. Трамп долгое время использовал социальную сеть «X» (бывший Twitter) (запрещена на территории РФ)*. Однако в январе 2021 года его аккаунт в этой соцсети был заблокирован. Это произошло после штурма Капитолия 6.01.2021 г., когда сторонники Д. Трампа пытались воспрепятствовать утверждению в Конгрессе итогов прошедших в ноябре 2020 г. президентских выборов, победу на которых одержал Джозеф Байден [10]. Представители социальной сети сообщили, что причиной данного решения стал риск дальнейшего подстрекательства к насилию. Блокировке подверглись аккаунты 45-го президента США и в некоторых других социальных медиа. Ограничения в использовании привычных цифровых методов коммуникации с целевой аудиторией вдохновили Трампа создать собственную социальную сеть. 19 октября 2021 г. он объявил о создании медиагруппы «Trump Media & Technology Group» (TMTG), под началом которой будет разработана новая социальная сеть под названием «Truth Social» [10]. В феврале 2022 г. приложение новой социальной сети «Truth Social» появилось в маркетплейсе App Store. Этот пример показывает, какие огромные возможности цифровые технологии открывают для осуществления политической деятельности.

Позиции политических лидеров, опубликованные в соцсетях, часто сопровождаются активными обсуждениями, но, как правило, эти позиции остаются лишь словами, не превращаясь в какие-либо конкретные действия. В некоторых случаях подобные дискуссии

все-таки становятся первым шагом на пути к реальным политическим решениям, но, как правило, такое случается достаточно редко. Однако ситуации, когда высказывания в соцсетях приводили к нарастанию конфликта между политическими деятелями и даже странами, явление нередкое. Так, например, осенью 2017 г. высказывания Трампа о Северной Корее и лидере КНДР Ким Чен Ыне в Твиттере* (запрещен на территории РФ) резко обострили американо-северокорейский диалог: в конгрессе были озвучены призывы отнять у президента «ядерную кнопку» – глава США угрожал «полностью уничтожить КНДР» и недвусмысленно намекал, что может применить ядерное оружие [11].

Цифровая дипломатия является средством внешнеполитической пропаганды. Она помогает доводить свою позицию до зарубежной аудитории, формировать положительный образ, выстраивать долгосрочную коммуникацию, минуя различных посредников и географические барьеры. Однако с помощью цифровой дипломатии обычно не решаются какие-либо дипломатические задачи. В «цифровом мире» проблемы остаются на уровне обсуждений. Таким образом, мы можем сделать вывод, что цифровая дипломатия не может полностью заменить традиционную дипломатическую деятельность, она лишь дополняет ее, выступая в качестве подготовительного этапа.

Цифровизация мировой политики

Растущая значимость новых технологий на мировой политической арене можно объяснить, прежде всего, их значимостью с точки зрения охвата по количеству пользователей, масштабам использования и степени проникновения во все сферы жизни общества и государства [12, с. 4]. Количество пользователей глобальной сети продолжает расти. За последние 5 лет количество пользователей Интернета выросло с 4,54 до 5,35 млрд. Согласно отчету «Global digital 2024», опубликованному 31 января 2024 г., в начале этого года в мире насчитывалось 5,35 млрд. пользователей интернета, что составляет 66,2% от общего населения планеты (табл. 1) [13].

Таблица 1. Рост количества пользователей интернета с 2020 по 2024 г.

Критерий	Количество				
	2020	2021	2022	2023	2024
Год					
Всего пользователей интернета, млрд.	4,54	4,66	4,95	5,16	5,35
Количество интернет-пользователей от общего населения планеты в процентном соотношении, %	59,0	59,5	62,5	64,4	66,2
Среднее время, которое ежедневно проводит пользователь в интернете, ч./мин.	6/43	6/54	6/58	6/37	6/40
Кол-во пользователей социальных сетей, млрд.	3,8	4,2	4,62	4,76	5,04

Согласно отчету «Global digital 2024», в среднем человек ежедневно проводит в Интернете 6 час. 40 мин., что составляет более четверти суток. Самой упоминаемой среди респондентов причиной использования Интернета в 2024 г. является поиск информации (рис. 1). Процесс повсеместной цифровизации привел к тому, что человек при возникно-

вении какого-либо сомнения или непонимания обращается за поиском ответа на вопрос к интернету. В XXI в. традиционные советчики уходят на второй план, уступая лидирующее положение новым технологиям.

Основные причины, почему пользователи Интернета в возрасте от 16 до 64 лет пользуются Интернетом

- Основные причины, почему пользователи Интернета в возрасте от 16 до 64 лет пользуются Интернетом

Рис. 1. Основные причины использования интернета [13]

Использование Интернета для поиска политической информации и актуальных новостей продолжает набирать популярность. Традиционные СМИ постепенно уступают место новым медиа. Согласно данным опроса ВЦИОМ, проведенного в декабре 2023 г., пока еще телевидению удается сохранять лидирующие позиции: 4 из 10 россиян называли его главным источником новостей о событиях в нашей стране (40%), но за пять лет показатель упал на 13% с 53% в 2018 г.. Второе место занимает Интернет с результатом 44%, 3-е место – радио (2%). Бумажная пресса (газеты – 1%, журналы – <1%) продолжает терять свои позиции и целевую аудиторию [14]. Особой популярностью новостные интернет-ресурсы пользуются у молодежи. Очевидно, процесс цифровизации продолжит набирать обороты, что, в свою очередь, будет усиливать значение новых форм дипломатии в международной деятельности государств.

Преимущества в использовании интернета для поиска информации действительно

много: возможность найти информацию за считанные секунды; большое количество источников по самым разным вопросам и др. Однако, несмотря на огромное количество положительных аспектов использования интернета для поиска информации, существуют и некоторые существенные недостатки. Так, например, у человека появляется значительное количество информации, которую необходимо фильтровать и анализировать, так как информационное поле включает в себя огромное количество недостоверной информации.

Особенно популярным явлением выступает распространение фейковых или ложных новостей, используемых для достижения политических, идеологических или других целей. Согласно данным опроса ВЦИОМ, проведенного в ноябре 2023 г., 4 из 10 россиян за последний месяц сталкивались с новостями в СМИ и интернете, которые впоследствии оказывались недостоверными (40%). Каждый девятый ответил, что встречал недостоверную информацию на телевидении (11%), тогда как самыми нераспространенными «историями обитания» фейк-новос оказалось радио и газеты (печатная пресса) (по 2%) [15]. Это позволяет говорить о том, что главным источником распространения фейковых новостей является глобальная сеть. В XXI в. интернет-среда становится главным полем ведения информационных войн, а цифровая дипломатия одним из инструментов.

Цифровая дипломатия, информационные войны и искусственный интеллект

Активное внедрение цифровых технологий в политическую сферу расширяет возможности ведения информационных войн. Цифровая дипломатия становится новым мощным оружием в условиях информационного конфликта. В качестве яркого примера использования инструментов цифровой дипломатии в контексте информационных войн можно привести президента Украины Владимира Зеленского. После начала СВО его активность в соцсетях резко возросла. В соцсетях он публикует свое мнение и информацию, касающуюся происходящих в стране событий, а также просит помощи. Зеонский ежедневно размещает посты в Telegram, Instagram* (запрещен на территории РФ), «X» (бывший Twitter)* (запрещен на территории РФ) и других социальных сетях.

Согласно данным TGStat, количество публикуемых постов Зеленским многократно увеличилось после начала СВО (рис. 2). В январе 2022 г. он опубликовал 40 постов, в феврале было размещено уже 119 публикаций, а в марте этого же года 292 поста. Количество подписчиков также возросло (рис. 3). 23 февраля на Зеленского было подписано 65073 чел., 24 февраля – 234951 чел., а к концу февраля показатель увеличился до 1212768 [16].

С увеличением количества подписчиков возросла медийность В. Зеленского, а вместе с ними и его влияние в информационном пространстве. Что позволяет нам сделать вывод о том, что цифровая дипломатия является важным и эффективным ресурсом страны в ходе информационного противостояния.

Еще одной тенденцией информационного века является стремительное развитие искусственного интеллекта (ИИ). Интенсивное развитие и внедрение ИИ приводит к широкому распространению дипфейков – поддельных изображений, видео и аудио, созданных с помощью искусственного интеллекта на основе реального контента. Мошенники используют этот инструмент, чтобы создавать компроматы, входить в доверие к клиентам банков и т.д. [17]. На сегодняшний день за использование дипфейков в преступных целях

ответственности в российском законодательстве не предусмотрено. В РФ только предлагаю ввести уголовную ответственность за дипфейки. Наказывать планируют за подмену голоса или изображения человека. Пункты о дипфейках могут включить в статьи о краже и мошенничестве [18].

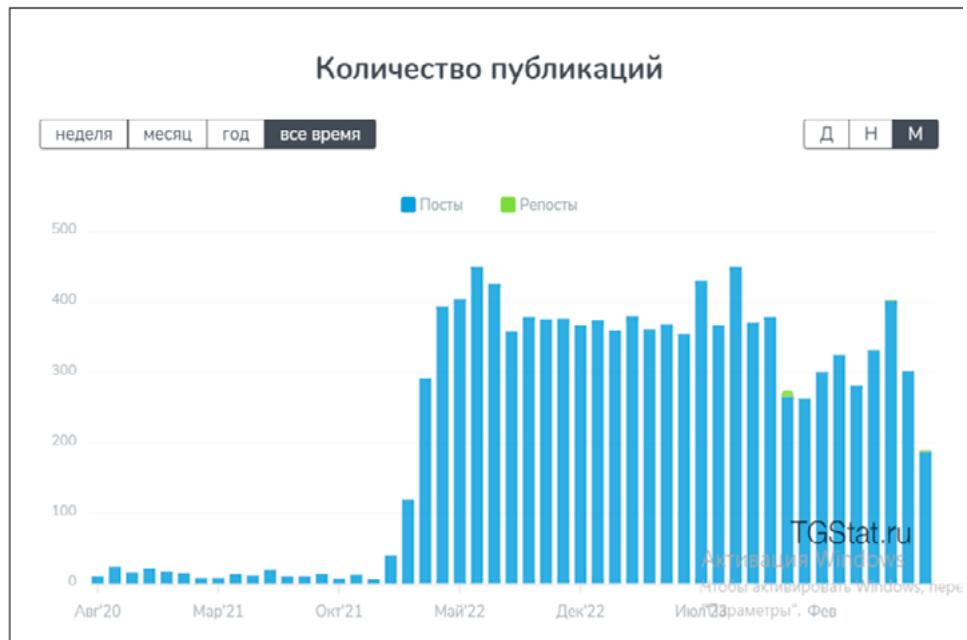

Рис. 2. Количество публикаций в Telegram-канале В. Зеленского [16]

Рис. 3. Рост количества подписчиков в Telegram-канале В. Зеленского [16]

С увеличением количества подписчиков возросла медийность В. Зеленского, а вместе с ними и его влияние в информационном пространстве. Что позволяет нам сделать вывод о том, что цифровая дипломатия является важным и эффективным ресурсом страны в ходе информационного противостояния.

Еще одной тенденцией информационного века является стремительное развитие искусственного интеллекта (ИИ). Интенсивное развитие и внедрение ИИ приводят к широкому распространению дипфейков – поддельных изображений, видео и аудио, созданных с помощью искусственного интеллекта на основе реального контента. Мошенники используют этот инструмент, чтобы создавать компроматы, входить в доверие к клиентам банков и т.д. [17]. На сегодняшний день за использование дипфейков в преступных целях ответственности в российском законодательстве не предусмотрено. В РФ только предлагаю ввести уголовную ответственность за дипфейки. Наказывать планируют за подмену голоса или изображения человека. Пункты о дипфейках могут включить в статьи о краже и мошенничестве [18].

Известны случаи использования дипфейков и в политической сфере. Так, например, в мае 2019 г. в глобальной сети появился дипфейк со спикером Палаты представителей США Нэнси Пелоси. На записи она медленно говорила, это создавало иллюзию того, что она в состоянии алкогольного опьянения. Видеозапись подверглась публичному обсуждению и резкой критике республиканских экспертов и политиков, дело шло к скандалу. Позже выяснилось, что речь Нэнси Пелоси была сгенерирована с помощью искусственного интеллекта [19].

Использование дипфейков в рамках цифровой дипломатии пугает. У злоумышленников появляется возможность не только взламывать сайты и соцсети министерств иностранных дел, международных организаций, политических деятелей, но и размещать на официальных страницах реалистичную информацию. С помощью дипфейков можно впечатлить целевой аудитории любую информацию, что также может применяться при ведении информационных войн.

Тем не менее важность развития искусственного интеллекта осознается всеми, в т.ч. и у нас в стране. Так, в конце ноября 2023 г. президент РФ В.В. Путин назвал «искусственный интеллект новой главой в жизни человечества, а также отметил, что граждане РФ замечают, как данная технология «делает более простыми и удобными многие повседневные процессы» и все шире применяется в сфере госуслуг и госуправления» [20]. 15 февраля 2024 г. президентом была утверждена обновленная национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г. Первая редакция стратегии была утверждена еще в 2019 г., однако, интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и новые информационные вызовы требовали быстрой реакции. В обновленной стратегии говорится и о напряженной внешнеполитической ситуации: в числе вызовов теперь ограничительные действия со стороны недружественных стран [21]. Обновленный документ также устанавливает новые цели к 2030 г., среди них: увеличение числа сотрудников, обладающих навыками работы с ИИ до 80%; ежегодное количество выпускников образовательных организаций, освоивших программы в области ИИ должно превысить

15 тысяч; планируется, что к 2030 г. уровень доверия россиян к ИИ-технологиям составит 80% и т.д. [22].

Искусственный интеллект стал использоваться и в дипломатических целях. Министерства иностранных дел и сотрудники различных международных организаций уже применяют ИИ в своей повседневной работе. В рамках консульской службы и кризисной дипломатии используются чат-боты, оснащенные ИИ [23]. Помимо чат-ботов в дипломатической детальности уже применяют ИИ для анализа данных. МИД РФ использует системы искусственного интеллекта для обработки визовых анкет, а также для общения с гражданами [24]. Активное внедрение ИИ в сферу дипломатии меняет требования к дипломатическим сотрудникам. В новых условиях повышается запрос на специалистов, которые могут генерировать творческие решения, освобождая МИД от бюрократии и формальностей.

Формирование единого информационного пространства породило новое измерение для противостояния. СМИ и интернет стали сильно политизированными, где каждая из сторон пытается обеспечить доминирование своей точки зрения, поэтому важны собственные механизмы трансляции информации. В последнее десятилетия глобальная сеть становится «полем битвы» geopolитических акторов, а уровень цифровизации становится важнейшим фактором, определяющим положение государства на мировой арене и спектр доступных ей внешнеполитических возможностей [25, с. 41]. Для поддержания своего имиджа и статуса на мировой арене государства вынуждены использовать в своей деятельности новые технологии, т.к., не заявляя о себе в интернет-среде, у страны просто нет никаких шансов стать полюсом в многополярной системе международных отношений. Наращивание информационного потенциала и использование цифровых инструментов в многополярной системе международных отношений становится необходимостью, грамотное использование данных ресурсов помогает в борьбе за глобальное лидерство. С развитием цифровых технологий государства соперничают не только в экономической, политической, военной сферах, но и в информационной.

Заключение

В настоящее время система международных отношений находится в переходном состоянии. Однополярная система международных отношений постепенно уходит в прошлое, уступая место многополярному миру. В связи с этим система международных отношений усложняется, что, в свою очередь, приводит к появлению многочисленных противоречий между политическими акторами, которые требуют значительного увеличения количества коммуникаций. В связи с этим дипломатия приобретает еще большую актуальность в активно трансформирующемся мире.

Эпоха цифровизации и информатизации отразилась на дипломатической системе, в XXI в. возникает новое направление публичной дипломатии, именуемое «цифровой дипломатией», в качестве ее инструментов исследователи выделяют следующие: новые медиа, сайты, блоги и социальные сети. В современном мире цифровая дипломатия расширяет возможности коммуникации в международных отношениях. Инструменты новой дипломатии дают возможность правительствам взаимодействовать с иностранной ауди-

торией, укреплять отношения и продвигать национальные идеи в глобальных масштабах.

Активное внедрение цифровых технологий в международные отношения таит в себе как множество возможностей, так и большое количество новых угроз. В условиях активной цифровизации политической сферы увеличивается и потенциал ведения информационных войн. В таких условиях инструменты цифровой дипломатии становятся новым эффективным оружием в войне нового поколения.

Развитие и применение искусственного интеллекта в сфере политики и международных отношений имеет ряд преимуществ и недостатков. С одной стороны, ИИ способствует упрощению рутинных задач. С другой стороны, развитие и внедрение искусственного интеллекта в политическую сферу провоцирует новые вызовы. Так, например, в политической практике уже известны случаи применения дипфейков. Применение новых возможностей в сфере мировой политики может привести к самым непредсказуемым последствиям.

Для достижения своих внешнеполитических целей странам необходимо активно наращивать информационный потенциал в глобальной сети, а также эффективно использовать в своей деятельности инструменты цифровой дипломатии. Использование новых цифровых ресурсов значительно расширяет возможности политических акторов в новой многополярной системе международных отношений.

Список литературы

1. Агаркова А. С. Концепция многополярности в зарубежном академическом дискурсе / А. С. Агаркова // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11, № 2А. С. 125-131.
2. Дробинин А.Ю. Образ многополярного мира /А. Ю. Дробинин // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 54–62.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 09.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 11.11.2024).
4. Hanson, F. Revolution @State: The Spread of Ediplomacy (2012) [Electronic resource]. URL: <https://russiancouncil.ru/en/blogs/guilherme-schneider-en/digital-diplomacy-a-new-age-tool-for-international-relations/> (accessed 15.10.2023).
5. Schneider, G. Digital Diplomacy: A New Age Tool for International Relations / G. Schneider // Russian international affairs council. September 6, 2023 [Electronic resource]. URL: <https://russiancouncil.ru/en/blogs/guilherme-schneider-en/digital-diplomacy-a-new-age-tool-for-international-relations/> (accessed 15.10.2023).
6. Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности / Е. С. Зиновьева // Индекс безопасности. 2013. № 1(104). С. 213-229.
7. Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях

- и методология его изучения / Н. А. Цветкова // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. №2. С. 37-47.
8. Абрамов Н. Грозный Трамп, мемы и Маск [Электронный ресурс] // LENTA.RU. 2023. 5 января. Режим доступа: [tps://m.lenta.ru/articles/2023/01/05/twiplomacy/amp/](https://m.lenta.ru/articles/2023/01/05/twiplomacy/) (дата обращения 10.05.2024).
 9. Синчук Ю. В. Перспективы и возможности цифровой дипломатии / Ю. В. Синчук, Т. В. Каширина // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5, № 2. С. 87-101. [Электронный ресурс]. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/45291/view> (дата обращения: 15.10.2023).
 10. Что известно о противостоянии Дональда Трампа и соцсетей [Электронный ресурс] // Тасс. 2023. 10 февраля. Режим доступа: <https://tass.ru/info/17017565> (дата обращения 12.06.2024).
 11. «Это его оружие»: как Трамп ведет войны в твиттере [Электронный ресурс] // ГАЗЕТА.RU. 2018. 8 июля. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2018/07/08_a_11830435.shtml?updated (дата обращения 10.05.2024).
 12. Зиновьева Е.С. Кибер-дипломатия в условиях обострения конкуренции между великими державами / Е. С. Зиновьева // Вестник МГИМО-Университета. 2022. С.1-21. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/3260> (дата обращения: 15.10.2023).
 13. Digital 2024: global overview report [Electronic resource]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (accessed 29.03.2024).
 14. Новости, достойные доверия [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2023. 26 декабря. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novosti-dostoinye-doverija#:~:text=%D0%A2%D0%BE%D0%BF%2D3%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0-BE%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%B9%20%D0%BE,14%25%2C%20%E2%88%926%20%D0%BF>. (дата обращения 13.05.2024).
 15. Фейк-ньюс - и как с ними бороться? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2023. 22 ноября. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/feik-njus-i-kak-s-nimi-borotsja> (дата обращения 13.05.2024).
 16. TGSTAT.RU [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tgstat.ru/> (дата обращения: 24.08.2023).
 17. Рождественская Я. Дипфейки стали политтехнологией [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2024. 25 февраля. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/amp/6531946> (дата обращения 12.05.2024).
 18. За дипфейки хотят ввести уголовную ответственность [Электронный ресурс] // Известия. 2024. 28 мая. Режим доступа: <https://iz.ru/1703516/video/za-dipfeiki-khotiat-vvesti-ugolovnuiu-otvetstvennost> (дата обращения 29.05.2024).
 19. Башкиров С. Что такое дипфейки, для чего их используют и чем они опасны [Электронный ресурс] // РБК. 2024. 20 февраля. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru>.

- ru/trends/amp/news/637738a09a79478e6797b557 (дата обращения 14.05.2024).
20. Путин продлил проект по развитию искусственного интеллекта до 2030 года [Электронный ресурс] // РБК. 2024. 16 февраля. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65ce7b5c9a79474b22d2eb2> (дата обращения 10.05.2024).
 21. Исакова Т. Национальному интеллекту обновили повестку [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2024. 17 февраля. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6522859> (дата обращения 10.05.2024).
 22. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/1f32224a00901db9cf44793e9a5e35567a4212c7/ (дата обращения 10.05.2024).
 23. «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии: аналитический доклад / [Е.С. Зиновьева, Н.А. Цветкова, А.Н. Сытник и др.; под ред. Е.С. Зиновьевой] М.: МГИМО, 2024. 47 с.
 24. МИД применит искусственный интеллект для анализа внешней политики [Электронный ресурс] // РБК. 2021. 14 декабря. Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/12/2021/61b770359a79475adb8e588f (дата обращения 14.05.2024).
 25. Зиновьева Е. С. Цифровой суверенитет в практике международных отношений / Е. С. Зиновьева, С. В. Шитьков // Международная жизнь. 2023. № 3. С. 38-51.

Сведения об авторах

Борисов Денис Алексеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления, Россия, Новосибирск.

E-mail: denisborisov@mail.ru

Горячева Арина Игоревна – преподаватель кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления, Россия, Новосибирск.

E-mail: a.i.goryacheva@nsuem.ru

Borisov D. A., Goryacheva A. I.

THE IMPORTANCE OF DIGITAL DIPLOMACY IN AN ERA OF MULTIPOLARITY

Abstract: In the context of developing multipolarity processes, the role of diplomacy is increasing, new areas of diplomatic activity are emerging, due to the development of information and communication technologies. The paper examines the phenomenon of «digital diplomacy» for

the purpose of its role in modern international communication. The study compared traditional and digital diplomacy, identified the advantages and disadvantages of the new area of diplomatic activity. Based on the analysis of statistical data, the growing importance of new technologies in the global political arena is explained. The work shows the use of artificial intelligence in the political sphere, and provides examples of this phenomenon based on media materials. The authors also considered the legislative regulation of artificial intelligence in the Russian Federation. The possibilities of using digital technologies by political actors in the modern world are described. The authors conclude that in order to implement their foreign policy interests, countries need to actively build up their information potential in the Internet space, as well as effectively apply the tools of a new type of diplomatic activity in their activities. The appropriate use of new digital resources gives states a chance to become a «center of power» in the new multipolar world.

Keywords: digitalization; multipolar world; social media; balance of power; electronic diplomacy; digital diplomacy; artificial intelligence; deepfakes.

References

1. Agarkova A. S. Kontseptsiya mnogopolyarnosti v zarubezhnom akademicheskem diskurse / A. S. Agarkova, Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy, 2022, T. 11, No 2A, pp. 125-131.
2. Drobinnin A.Yu. Obraz mnogopolyarnogo mira /A. Yu. Drobinnin, Rossiya v global'noy politike, 2023, T. 21, No 2, pp. 54–62.
1. Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 N 149-FZ (red. ot 09.11.2024) «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» [Elektronnyy resurs], Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (data obrashcheniya 11.11.2024).
2. Hanson, F. Revolution @State: The Spread of Ediplomacy (2012) [Electronic resource]. URL: <https://russiangroup.ru/en/blogs/guilherme-schneider-en/digital-diplomacy-a-new-age-tool-for-international-relations/> (acsessed 15.10.2023).
3. Schneider, G. Digital Diplomacy: A New Age Tool for International Relations / G. Schneider, Russian international affairs council. September 6, 2023 [Electronic resource]. URL: <https://russiangroup.ru/en/blogs/guilherme-schneider-en/digital-diplomacy-a-new-age-tool-for-international-relations/> (acsessed 15.10.2023).
4. Zinov'eva E.S. Tsifrovaya diplomatiya SShA: vozmozhnosti i ugrozy dlya mezhdunarodnoy bezopasnosti / E. S. Zinov'eva, Indeks bezopasnosti, 2013, No 1(104), pp. 213-229.
5. Tsvetkova N.A. Fenomen tsifrovoy diplomatii v mezhdunarodnykh otnosheniakh i metodologiya ego izucheniya / N. A. Tsvetkova, Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Iстория. Mezhdunarodnye otnosheniya, 2020, No2, pp. 37-47.
6. Abramov N. Groznyy Tramp, memy i Mask [Elektronnyy resurs], LENTA.RU, 2023, 5 yanvarya. Rezhim dostupa: [tps://m.lenta.ru/articles/2023/01/05/twiplomacy/](https://m.lenta.ru/articles/2023/01/05/twiplomacy/)

- amp/ (data obrashcheniya 10.05.2024).
7. Sinchuk Yu. V. Perspektivy i vozmozhnosti tsifrovoy diplomati / Yu. V. Sinchuk, T. V. Kashirina, Zhurnal politicheskikh issledovaniy, 2021, T. 5, No 2. pp. 87-101. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/45291/view> (data obrashcheniya: 15.10.2023).
 8. Chto izvestno o protivostoyanii Donal'da Trampa i sotssetey [Elektronnyy resurs], Tass, 2023, 10 fevralya. Rezhim dostupa: <https://tass.ru/info/17017565> (data obrashcheniya 12.06.2024).
 9. «Eto ego oruzhie»: kak Tramp vedet voyny v tvittere [Elektronnyy resurs], GAZETA.RU, 2018, 8 iyulya. Rezhim dostupa: https://www.gazeta.ru/politics/2018/07/08_a_11830435.shtml?updated (data obrashcheniya 10.05.2024).
 10. Zinov'eva E.S. Kiber-diplomatiya v usloviyah obostreniya konkurentsii mezhdu velikimi derzhavami / E. S. Zinov'eva, Vestnik MGIMO-Universiteta. 2022, pp.1-21. [Elektronnyy resurs], URL: <https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/3260> (data obrashcheniya: 15.10.2023).
 11. Digital 2024: global overview report [Electronic resource]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (acsessed 29.03.2024).
 12. Novosti, dostoynye doveriya [Elektronnyy resurs], VTsIOM, 2023, 26 dekabrya. Rezhim dostupa: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novosti-dostoinye-doverija#:~:text=%D0%A2%D0%BE%D0%BF%2D3%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%B9%20%D0%BE,14%25%2C%20%E2%88%926%20%D0%BF>. (data obrashcheniya 13.05.2024).
 13. Feyk-n'yus - i kak s nimi borot'sya? [Elektronnyy resurs], VTsIOM, 2023, 22 noyabrya. Rezhim dostupa: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/feik-njus-i-kak-s-nimi-borotsja> (data obrashcheniya 13.05.2024).
 14. TGSTAT.RU [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://tgstat.ru/> (data obrashcheniya: 24.08.2023).
 15. Rozhdestvenskaya Ya. Dipfeyki stali polittehnologiyey [Elektronnyy resurs], «Kommersant», 2024, 25 fevralya. Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/amp/6531946> (data obrashcheniya 12.05.2024).
 16. Za dipfeyki khotyat vvesti ugolovnuyu otvetstvennost' [Elektronnyy resurs] Izvestiya, 2024, 28 maya. Rezhim dostupa: <https://iz.ru/1703516/video/za-dipfeiki-khotiat-vvesti-ugolovnuiu-otvetstvennost> (data obrashcheniya 29.05.2024).
 17. Bashkirov S. Chto takoe dipfeyki, dlya chego ikh ispol'zuyut i chem oni opasny [Elektronnyy resurs], RBK, 2024, 20 fevralya. Rezhim dostupa: <https://trends.rbc.ru/trends/amp/news/637738a09a79478e6797b557> (data obrashcheniya 14.05.2024).
 18. Putin prodlil proekt po razvitiyu iskusstvennogo intellekta do 2030 goda [Elektronnyy resurs], RBK, 2024, 16 fevralya. Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65ce7b5c9a79474b22d2ebb2> (data obrashcheniya 10.05.2024).

19. Isakova T. Natsional'nomu intellektu obnovili povestku [Elektronnyy resurs], «Kommersant», 2024, 17 fevralya. Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/6522859> (data obrashcheniya 10.05.2024).
20. Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 N 490 (red. ot 15.02.2024) «O razvitiu iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii» (vmeste s «Natsional'noy strategiey razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda») [Elektronnyy resurs], Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/1f32224a00901db9cf44793e9a5e35567a4212c7/ (data obrashcheniya 10.05.2024).
21. «Tsifra» i iskusstvennyy intellekt na sluzhbe diplomati: analiticheskiy doklad / [E.S. Zinov'eva, N.A. Tsvetkova, A.N. Sytnik i dr.; pod red. E.S. Zinov'evoy] M.: MGIMO, 2024, 47 pp.
22. MID primenit iskusstvennyy intellekt dlya analiza vnesheiny politiki [Elektronnyy resurs], RBK, 2021, 14 dekabrya. Rezhim dostupa: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/12/2021/61b770359a79475adb8e588f (data obrashcheniya 14.05.2024).
23. Zinov'eva E. S. Tsifrovoy suverenitet v praktike mezhdunarodnykh otnosheni / E. S. Zinov'eva, S. V. Shit'kov, Mezhdunarodnaya zhizn', 2023, No 3, pp. 38-51.

Borisov Denis A. – PhD in History, Associate Professor, Department of World Economy, International Relations and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk.

E-mail: denisborisov@mail.ru

Goryacheva Arina I. – Lecturer, Department of World Economy, International Relations and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk.

E-mail: a.i.goryacheva@nsuem.ru

УДК 328.132.5(470+571)

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-2-151-162

К ВОПРОСУ О ДЕМАРКАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ И ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Бикейкин М. Е.

Аннотация: В статье представлен анализ противоречий в понимании национальной идеи и идеологии, существующих в российском политическом и политологическом дискурсе. Изучена риторика Президента России В.В. Путина о его видении национальной идеи страны, изложенная в публичных выступлениях за 2014–2024 гг. Приведены взгляды и предложения ведущих исследователей относительно видения национальной идеи и ее корреляции с различными формами политической идеологии. На основе проанализированного материала осуществлена демаркация между национальной идеей и идеологией, изложено обоснование необходимости избежания принятия в Российской Федерации государственной идеологии.

Ключевые слова: национальная идея, идеология, государственная идеология, патриотизм, правовое государство.

После обострения отношений Российской Федерации со странами коллективного Запада в 2014 г. начал стремительно меняться официальный политический курс страны. Многие исследователи отмечают, что данный процесс был запущен еще в феврале 2007 г. после выступления В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Однако он принял совсем иной масштаб после государственного переворота в Украине 2013–2014 гг. Приоритетом России стало возвращение политического, экономического и духовного суверенитета, вследствие чего актуализировался вопрос о национальной идеи и идеологии. Процесс продолжается до сих пор, дискуссии о национальной идеи России становятся все активнее, а отдельные ее фрагменты получают нормативно-правовое оформление.

Цель данной статьи – проанализировать соотношение понятий национальной идеи и идеологии, существующее в российском политикуме и научном сообществе, выявить ключевые маркеры их демаркации, а также определить возможности и ограничения по использованию концепции патриотизма в качестве национальной идеи современной России.

Президент России В.В. Путин за последние десять лет неоднократно высказывался о необходимости сформулировать национальную идею России и озвучивал свое видение данного вопроса. Для систематизации и наглядности приведем ряд высказываний национального лидера в хронологическом порядке (табл. 1)

Тезис о том, что национальной идеей России является патриотизм, последовательно проходит в выступлениях В.В. Путина. Анализ интенций показывает, как со временем на концепт патриотизма наслаждались новые смыслы, которые конкретизировали виде-

ние президентом национальной идеи страны. В.В. Путин подчеркивает консолидирующее значение патриотизма, его способность объединить российское общество. Также в речах президента присутствуют утверждения о необходимости правильного понимания патриотизма в качестве национальной идеи страны и происходит конкретизация смысловых аспектов национальной идеи, таких как приумножение российского народа, крепкая семья и ряд других.

Таблица 1. В.В. Путин о национальной идее России: 2014–2024 гг.

Высказывание	Дата
«У нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо» [1].	03.02.2016
«Да, в патриотизме. Я думаю, что ничего другого не может быть. Патриотизм не должен быть квасным, затхлым и кислым... Это совсем не значит, что нужно все время хвататься только за наше героическое прошлое, нужно смотреть в наше не менее героическое и успешное будущее. В этом залог успеха» [2].	10.05.2020
«Часто слышу, что нам нужна национальная идея, все об этом говорят, образ будущего. Вы знаете, уважаемые друзья, я стараюсь избегать каких-то высокопарных слов, но считаю, что крепкая благополучная семья, в которой растут двое, трое, четверо детей – по сути и должна быть вот этим образом будущего России» [3].	24.08.2021
«Великий русский мыслитель Дмитрий Иванович Менделеев еще на рубеже XIX–XX веков, по сути, сформулировал нашу главную национальную идею — приумножение народа России» [4].	25.04.2023
«Нужны объединительные идеи и, конечно, такой объединительной идеей, и сегодняшние события показывают это, может быть патриотизм» [5]. «Однако и сам патриотизм необходимо правильно оформить» [6].	07.06.2024

Тезис о том, что национальной идеей России является патриотизм, последовательно проходит в выступлениях В.В. Путина. Анализ интенций показывает, как со временем на концепт патриотизма насыщались новые смыслы, которые конкретизировали видение президентом национальной идеи страны. В.В. Путин подчеркивает консолидирующее значение патриотизма, его способность объединить российское общество. Также в речах президента присутствуют утверждения о необходимости правильного понимания патриотизма в качестве национальной идеи страны и происходит конкретизация

смысловых аспектов национальной идеи, таких как приумножение российского народа, крепкая семья и ряд других.

Патриотизм действительно выступает объединяющим фактором в российском обществе, на протяжении столетий служа опорой государства. Однако в нашем понимании национальная идея должна обладать практической реализуемостью, исходя из идейно-смысовых и ценностных ориентиров общества (народа), одним из которых для россиян, безусловно, является патриотизм. Идейно-смысовые и ценностные ориентиры – это часть национального сознания народа, они во многом формируют, обуславливают национальную идею, но в то же время ее не заменяют.

Для более точной иллюстрации нашей мысли мы предлагаем обратиться к рассуждениям известного американского социолога Роберта Беллы, обосновавшего в 1960-е гг. существование в США так называемой «гражданской религии». Анализируя общественно-политические события и явления, сопровождавшие историю США как государства, Роберт Белла делает вывод о трансформации духовных, политических и социальных практик жизни американцев в своеобразную систему символов, ритуалов и идей, имеющую сакральное значение и разделяемую абсолютным большинством американского общества вне зависимости от конфессиональной принадлежности отдельных его членов. Собственно, система этих ритуалов, определенная Р. Белла как «гражанская религия», и выступает консолидирующим фактором, скрепляющим американское общество, которое состоит из носителей различных религий, культур, этнических и прочих атрибутов. Патриотизм же является неотъемлемым базовым элементом гражданской религии (по Р. Белле), а в более широком смысле – частью национального сознания народа [7, с. 172], институционализированным выражением которого и стало появление «гражданской религии». Патриотизм как часть национального сознания служит мобилизации общества (народа) и способствует достижению национальных целей [7, с. 177], но сам по себе национальные цели он не заменяет.

А.Б. Багдасарова определяет национальную идею как духовную доминанту конкретного этапа национального строительства, которая служит идеологическим обоснованием данного процесса и движущим фактором этнической мобилизации. По мнению исследователя, национальная идея представляет собой одну из важнейших частей национального сознания народа и самосознания отдельных его представителей. Вместе с тем появление национальной идеи выступает маркером глубоких социальных, в частности – этнических противоречий в обществе, поскольку национальная идея возникает в результате запроса на объединение на уровне обращения к этнокультурным ценностям народа [8, с. 55].

Если следовать логике А.Б. Багдасаровой, то патриотизм может служить национальной идеей, поскольку несет в себе высокий консолидирующий потенциал. Но в долгосрочной перспективе патриотизм не сможет дать идейное обоснование устремлениям народа и государства. Патриотизм является платформой, безусловной необходимостью и почвой для произрастания национальной идеи, но самостоятельно патриотизм не решает проблему смыслового наполнения национальной идеи. Национальная идея на

определенном этапе может быть реализована или стать неактуальной, уступая место новой национальной идеи, обусловленной появлением перед народом и государством других вызовов и задач. Патриотизм же необходим для консолидации народа вне зависимости от преобладания на определенном этапе национального строительства той или иной национальной идеи. Чтобы избежать смешения понятий, необходимо провести четкую грань между патриотизмом как элементом национального сознания народа и национальной идеей, диктующей национальные цели и имеющей практическое выражение, то есть реализуемость. Конечно же, патриотизм необходим для воплощения национальной идеи, но как инструмент мотивации, а не как ее смысловое наполнение. Сам по себе патриотизм не генерирует смыслы и, более того, чувство любви к Родине формируется как раз таки в результате воздействия на индивида и общество определенных смыслов и идей.

Е.В. Гайнутдинова рассматривает патриотизм в качестве национальной идеи России с точки зрения мотивационных аспектов его актуализации через призму концепции К.Х. Момджяна и выделяет три вида патриотизма – эмоциональный, рассудочный и долженствующий [9, с. 209]. Согласно позиции автора, в сознании индивида патриотизм проходит три этапа от зарождения сильной позитивной эмоции до формирования ценностных приоритетов и появления осознанности. Патриотизм может быть национальной идеей только на третьем этапе, с уходом от эмоциональности к осознанности [9, с. 210]. Примечательно, что автор выделяет именно мотивационный потенциал патриотизма как формы национальной идеи, отмечая необходимость осознанности, которая приходит к индивиду только после впитывания определенных идейно-смысловых нарративов. Если патриотизм основывается исключительно на эмоциональной составляющей, то служить национальной идеей страны он не способен, хотя даже в таком случае патриотизм все равно сохраняет свой консолидирующий и мотивационный потенциал.

Вместе с тем в российском общественно-политическом пространстве существует немало противоречий относительно понимания идейного содержания и форм проявления патриотизма.

О.В. и И.В. Бахловы отмечают, что ведущие политические силы России предлагают разное смысловое наполнение понятия «патриотизм», в зависимости от идеологической ориентации. Например, во время выборов в Государственную Думу РФ 2021 г. все партии, прошедшие в нижнюю палату парламента, в разной степени апеллировали к концепции патриотизма, но каждая партия использовала его в собственном контексте, предлагая избирателям отличающиеся смыслы [10, с. 193].

В 2019 г. авторы провели исследование крупных интернет-ресурсов, использовав поисковые системы «Яндекс» и «Поиск Mail.ru», продемонстрировавшее, что среди интернет-пользователей также нет единства в понимании патриотизма как основы национальной идеи России, но присутствует «патриотическая и державническая тематика», которая местами смещается в сторону легкой шовинистической риторики [11, с. 34].

В.С. Ромадыкина приводит данные социологического исследования, согласно которому 64% опрошенных россиян считают, что быть патриотом означает любить свою

страну, и только 30% понимают патриотизм как активные действия, направленные на развитие страны и улучшение жизни народа. Исследователь напоминает, что в 1990-е гг. уже была предпринята попытка замены национальной идеи концепцией государственности, основанной на патриотизме («демократический патриотизм» Б.Н. Ельцина), однако консолидирующего потенциала данной концепции не хватило на продолжительное время [12, с. 70].

Мы предлагаем рассматривать национальную идею с позиции практических целей и задач, реализуемых материально, используя проектный подход [13, с. 721]. Данный подход для нашей страны исторически обоснован и проверен. СССР всегда ставил максимально амбициозные цели и разрабатывал проекты их реализации. Для иллюстрации нашей мысли предлагаем обратиться к мнению известного российского писателя и историка С.С. Минаева, который утверждает, что на определенном этапе существования СССР национальной идеей страны являлось строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Государство поставило цель освоения ресурсов и потенциала Восточной Сибири и Дальнего Востока, для достижения которой оно активно мотивировало граждан участвовать в самом масштабном проекте по развитию данного региона. В качестве стимулирования использовались самые разные инструменты и методы – от агитации с обращением к патриотическим чувствам граждан до различного рода материальной поддержки участников стройки [14]. Строительство БАМ – лишь частный пример национальной идеи СССР, на определенном этапе оформленной в конкретный проект. Сюда же можно отнести электрификацию, освоение целинных земель, систему пятилеток, послевоенное восстановление страны, освоение Арктики, освоение космоса и другие.

Конечно, национальной идеей СССР в широком смысле было построение коммунистического/социалистического общества, однако рассматривая в качестве национальной идеи коммунизм или концепции вроде «Москва – третий Рим» [15, с. 68] и «Православие. Самодержавие. Народность» применительно к сегодняшнему дню, мы неизбежно попадаем на поле идеологии, а не национальной идеи. На уровне риторики идеология может подменять собой национальную идею, но, на наш взгляд, это заблуждение. Идеология представляет собой определенный образ мысли и взглядов на существующую политическую и социально-экономическую действительность и декларирует видение страны в будущем, национальная идея же должна апеллировать к чему-то конкретному и реализуемому прямо сейчас (т.е. в осязаемой перспективе), способному объединять общество (народ) для достижения целей национального развития. Принятие официальной идеологии – это опасный путь, потому что любая идеология является продуктом конкретной временной эпохи, определенного исторического этапа, а смена идеологического вектора зачастую сопровождается масштабными социально-политическими потрясениями. Последнее время чаще стало звучать мнение о необходимости введения государственной идеологии, но это противоречит Конституции РФ, о чём в июне 2024 г. напомнил Президент России В.В. Путин во время выступления на ПМЭФ [6].

И.Н. Куксин и Н.В. Селихов говорят о необходимости конституционной реформы в России, поскольку, по их мнению, Основной закон является «юридическим вместили-

щем национальной идеи любого государства» [16, с. 734], а «займствование конструктов социального и правового государства в Конституцию России не принесло ощутимой пользы» [16, с. 737]. По мнению авторов, главная угроза единству российского общества (народа) – это социальное неравенство, которое усилилось в постсоветский период из-за отсутствия «положительной идеологии». В понимании исследователей побороть социальное неравенство может изменение Конституции РФ, ограничивающей возможность принятия официальной идеологии [16, с. 739].

Е.С. Толмачева озвучила крайне интересную мысль о том, что конституционный запрет на принятие государственной идеологии в России тоже является видом идеологии, означающим и запрет на существование в стране национальной идеи [17, с. 365]. Исследователь предлагает собственную концепцию правового регулирования национальной идеи, но отмечает необходимость сохранения политического плюрализма как атрибута правового государства и демократического достижения российского законодательства [17, с. 367].

Схожей точки зрения придерживаются Г.А. Куршева и Е.Н. Бикейкин, отмечающие, что статья 13 Конституции РФ запрещает существование в России государственной идеологии, а, стало быть, запрету подвергается и наличие национальной идеи, хотя страна в ней нуждается. Исследователи подчеркивают, что национальная идея должна отвечать на основополагающие вопросы о прошлом, настоящем и будущем страны, объединяя их в самосознании индивида в цельную идеально-смысловую картину [18, с. 22]. Рассуждая с позиции историзма, авторы обосновывают возможность использования в качестве сущностного наполнения национальной идеи концепцию единения народов России.

Во избежание терминологической путаницы, необходимо осуществить демаркацию между политической идеологией и идеально-смысловыми и аксиологическими (ценностными) ориентирами национального сознания народа. Не исключено, что в чем-то они могут совпадать, однако государственная идеология неизбежно приведет к ограничению политической мысли в стране. К тому же значительная часть идеально-смысловых и ценностных взглядов российского народа уже закреплена на уровне нормативно-правовых актов и документов стратегического планирования. Так, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. содержится список ценностей, близких всем народам России, среди которых: патриотизм; служение Отечеству; семья; созидательный труд; гуманизм; социальная справедливость; взаимопомощь и колlettivism [19]. А в 2022 г. Президентом России В.В. Путиным подписан указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в который кроме вышеупомянутых ценностей также вошли: жизнь, достоинство, права и свободы человека; высокие нравственные идеалы; приоритет духовного над материальным; милосердие; взаимопомощь и взаимуважение; историческая память и преемственность поколений; единство народов России [20].

У официального принятия государственной идеологии есть и серьезное глубинное препятствие, которое Н.С. Аникеева определяет как «нигилистическое правовое сознание».

ние» российских граждан, имеющее две формы выражения – обыденный и ведомственный правовой нигилизм. По мнению исследователя, в российском обществе в результате переплетения правовой неосведомленности и стереотипов значительная часть общества скептически относится к работе правовых механизмов и законов. Причем такая форма сознания присуща не только малообразованным гражданам, но и представителям интеллигенции, а также сотрудникам государственных институтов и структур [21, с. 13]. Данное социальное явление в перспективе способно нивелировать работу государственных идеологов, особенно если господствующие идеологемы со временем начнут расходиться с реальностью, как это часто бывает. Примечательно, что сторонники конституционной реформы с целью введения государственной идеологии И.Н. Куксин и Н.В. Селихов тоже отмечали склонность массового сознания россиян к впадению в «правовой инфанилизм и правовой нигилизм» [16, с. 737].

Очевидно, страна не может жить без грамотного целеполагания, но в XXI в. это целеполагание не обязательно должно иметь форму государственной идеологии. Вместо того государству будет правильнее предлагать обществу конкретные реализуемые проекты, обоснованные национальными интересами и ценностями, идея и смысл которых заключаются в том, чтобы сделать страну успешнее, а жизнь граждан комфортнее и благополучнее. Причем такие идеи уже есть. Как пример – система национальных проектов России, направленных на развитие страны в таких сферах как демография, здравоохранение, образование, культура, предпринимательство, экология, туризм, цифровые коммуникации, транспортная инфраструктура и другие.

Нам близка позиция А.А. Фатьянова, считающего отождествление национальной идеи и государственной идеологии неконструктивным подходом применительно к современному национальному и государственному строительству [22, с. 57]. Исследователь подчеркивает, что национальная идея не должна быть монолитным и неподвижным постулатом, а обязана видоизменяться в зависимости от приоритетов государства и общества на определенном этапе [22, с. 54]. А.А. Фатьянов предлагает собственную формулировку национальной идеи для современной России через обращение к образу родного дома, которым является Российская Федерация для всех народов, проживающих на ее территории. Исследователь отмечает, что подобная интерпретация национальной идеи позволит донести ее до большей части российского общества благодаря отсутствию излишней политизированности и идеологизированности, способных стать причиной раскола между сторонниками противоположных взглядов на вектор государственного развития. Вместе с тем идея России как родного дома ставит перед обществом конкретные задачи, которые необходимо выполнить, чтобы в этом доме всем было комфортно жить. А.А. Фатьянов определяет их через обеспечение пяти необходимых условий: обустройство, безопасность, свобода, достоинство и защита [22, с. 58].

Возвращаясь к вопросу поиска национальной идеи для современной России, мы еще раз подчеркиваем, что в ее основу необходимо закладывать конкретные достижимые цели и задачи, которые можно представить в форме проектов, имеющих дорожные карты и планы реализации. Но мы не отрицаем необходимости идейно-смысловой «оберт-

ки» для данных проектов, под которой их необходимо презентовать и разъяснить обществу (народу).

Подводя итог нашим рассуждениям и обобщая проанализированный материал, можно сформулировать следующие выводы:

1. Концепция патриотизма не может заменить национальную идею в долгосрочной перспективе, поскольку сама по себе она не генерирует идейно-смысловое наполнение для обоснования национальных интересов страны. При этом тактически концепция патриотизма способна временно играть роль национальной идеи, но, как показывает практика, непродолжительное время. Однако невозможно отрицать тот факт, что патриотизм необходим для реализации национальной идеи, поскольку является мощным фактором мобилизации и мотивации общества.

2. Между национальной идеей и идеологией существуют отличия, хотя на уровне риторики они размываются. Идеология требует государственного закрепления в Конституции, иначе она не будет работать. При этом официальное принятие идеологии не является гарантированно эффективным решением, которое улучшит целеполагание государства, – о его ограничениях мы писали выше. С нашей точки зрения, национальную идею от идеологии отличает практическая направленность и смысловая доступность. В свою очередь для идеологии характерна более сложная концептуализация, поскольку идеология состоит из нескольких взаимосвязанных идей (идеологем), представляя собой определенную систему мировоззрения.

Список литературы

1. Владимир Путин считает патриотизм национальной идеей России [Электронный ресурс]: Газета «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2907274?ysclid=lyfs4q2iqm125898952> (дата обращения: 10.07.2024).
2. Путин: не нужно все время хвататься за наше героическое прошлое [Электронный ресурс]: Газета «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4341435?ysclid=lyfxosfef3883764910> (дата обращения: 10.07.2024).
3. Путин рассказал об образе будущего России [Электронный ресурс]: Информационное агентство «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20210824/buduschee-1747083891.html?ysclid=lyhcv0bl4u876978108> (дата обращения: 11.07.2024).
4. Путин назвал главную национальную идею России [Электронный ресурс]: Интернет-газета «Фонтанка.ру». URL: <https://www.fontanka.ru/2023/04/25/72249611/?ysclid=lyfwhqa9hv278569094> (дата обращения: 10.07.2024).
5. Объединительной идеей для России может стать патриотизм, считает Путин [Электронный ресурс]: Информационное агентство «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20240607/putin-1951488917.html?ysclid=lyhbgwv1wm176851863> (дата обращения: 10.07.2024).
6. Путин: введение государственной идеологии в России противоречит Кон-

- ституции [Электронный ресурс]: Газета «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6759901?ysclid=lyhbiwbe5j644629967> (дата обращения: 10.07.2024).
7. Веселова, С. Б. Гражданская религия в Америке Роберт Н. Белла / С. Б. Веселова, В. А. Егоров // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – Т. 15, № 3. – С. 162–182.
 8. Багдасарова, А. Б. Национальная идея: сущность и ее трансформация в русской социально-философской мысли / А. Б. Багдасарова // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2004. – № 36. – С. 55–62.
 9. Гайнутдинова, Е. В. Патриотизм как национальная идея в России: мотивационные аспекты актуализации / Е. В. Гайнутдинова, М. Н. Руденко, В. Р. Свечкарева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – № 4(77). – С. 206–214.
 10. Бахлова, О. В. Концепт «патриотизм» в партийном дискурсе Российской Федерации и Республики Беларусь / О. В. Бахлова, И. В. Бахлов // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. – 2023. – № 6. – С. 189–200.
 11. Бахлова, О. В. Национальная идея России в теоретическом дискурсе и пространстве Интернета / О. В. Бахлова, Н. И. Изергина, И. В. Бахлов // Социально-политические науки. – 2019. – № 5. – С. 31–36.
 12. Ромадыкина, В. С. Национальная идея и национальная доктрина в современной России: основные подходы и ценности / В. С. Ромадыкина // Культура и цивилизация (Донецк). – 2022. – № 1(15). – С. 69–76.
 13. Кузнецов, Н. В. Проектный подход как инструмент реализации национальных проектов в России / Н. В. Кузнецов, Т. А. Першина // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 716–732.
 14. Республика БАМ: История Байкало-Амурской магистрали / Уроки истории / МИНАЕВ [Электронный ресурс]: YouTube-канал «МИНАЕВ LIVE». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=A7NcweVUDFY> (дата обращения: 15.07.2024).
 15. Монина, Н. П. Идеологема «Москва - третий Рим» в контексте национальной идеи России: культурологический аспект / Н. П. Монина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 11-1(50). – С. 67–69.
 16. Куксин, И. Н. Национальная идея в конституции России: теоретическая оценка ключевых положений / И. Н. Куксин, Н. В. Селихов // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2020. – Т. 45, № 4. – С. 732–741.
 17. Толмачева, Е. С. Национальная идея Российской Федерации: анализ конституционно-правового регулирования / Е. С. Толмачева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 11(127). – С. 364–368.
 18. Куршева, Г. А. Концепция единения народов России как сущностный атрибут национальной идеи страны / Г. А. Куршева, Е. Н. Бикейкин // Идеология будущего. – 2023. – № 8. – С. 21–28.
 19. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации

- на период до 2025 года: утв. Президентом РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 15.01.2024) [Электронный ресурс]: Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 17.07.2024).
20. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: утв. Президентом РФ от 09.11.2022 № 809 [Электронный ресурс]: Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 17.07.2024).
 21. Аникеева, Н. С. Востребованность национальной идеи в современной России / Н. С. Аникеева, С. Е. Туркулец // Юридическая наука и практика: современное состояние и тенденции развития : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 31 мая 2024 года. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2024. – С. 12–17.
 22. Фатьянов, А. А. Национальная идея для России: взгляд сквозь призму принципа правовой определенности / А. А. Фатьянов, А. В. Филиппова // Вестник Российской нации. – 2023. – № 5(91). – С. 53–59.

Сведения об авторе

Бикейкин Максим Евгеньевич – аспирант Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск.

E-mail: bikeykinm@bk.ru

Bikeykin M. E.

ON THE ISSUE OF THE DEMARCTION OF NATIONAL IDEAS AND IDEOLOGY IN MODERN RUSSIA: A POLITICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

Abstract: The article presents an analysis of the contradictions in the understanding of the national idea and ideology existing in the Russian political and political science discourse. The rhetoric of the President of Russia V.V. Putin about his vision of the national idea of the country, set out in public speeches for 2014-2024, has been studied. The views and suggestions of leading researchers on the vision of the national idea and its correlation with various forms of political ideology are presented. On the basis of the analyzed material, the demarcation between the national idea and ideology is carried out, the justification for the need to avoid the adoption of a state ideology in the Russian Federation is presented.

Keywords: national idea, ideology, state ideology, patriotism, rule of law.

References

1. Vladimir Putin considers patriotism to be the national idea of Russia [Electronic resource]: Kommersant newspaper. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2907274?ysclid=lyfs4q2iqm125898952> (date of reference: 07/10/2024).

2. Putin: we don't need to grab onto our heroic past all the time [Electronic resource]: Kommersant newspaper. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4341435?ysclid=lyfxosfef3883764910> (accessed: 07/10/2024).
3. Putin spoke about the image of the future of Russia [Electronic resource]: RIA Novosti News Agency. URL: <https://ria.ru/20210824/budushee-1747083891.html?ysclid=lyhcv0bl4u876978108> (accessed: 07/11/2024).
4. Putin named the main national idea of Russia [Electronic resource]: <url> online newspaper. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/04/25/72249611/?ysclid=lyfwhqa9hv278569094> (accessed: 07/10/2024).
5. Patriotism can become a unifying idea for Russia, Putin believes [Electronic resource]: RIA Novosti News Agency. URL: <https://ria.ru/20240607/putin-1951488917.html?ysclid=lyhbgwv1wm176851863> (date of reference: 07/10/2024).
6. Putin: the introduction of state ideology in Russia contradicts the Constitution [Electronic resource]: Kommersant newspaper. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6759901?ysclid=lyhbiwbe5j644629967> (accessed: 07/10/2024).
7. Veselova, S. B. Civil religion in America Robert N. Bella / S. B. Veselova, V. A. Egorov // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. – 2014. – Vol. 15, No. 3. – pp. 162–182.
8. Bagdasarova, A. B. The national idea: the essence and its transformation in the Russian social- philosophical thought / A. B. Bagdasarova // Bulletin of Stavropol State University. - 2004. – No. 36. – pp. 55–62.
9. Gainutdinova, E. V. Patriotism as a national idea in Russia: Motivational aspects of actualization / E. V. Gainutdinova, M. N. Rudenko, V. R. Svechkareva // The Caspian region: politics, economics, culture. – 2023. – № 4(77). – Pp. 206–214.
10. Bakhlova, O. V. The concept of «patriotism» in the party discourse of the Russian Federation and the Republic of Belarus / O. V. Bakhlova, I. V. Bakhlov // Proceedings of the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies. – 2023. – No. 6. – pp. 189–200.
11. Bakhlova, O. V. The national idea of Russia in theoretical discourse and the Internet space / O. V. Bakhlova, N. I. Izergina, I. V. Bakhlov // Socio-political sciences. - 2019. – No. 5. – pp. 31–36.
12. Romadykina, V. S. National idea and national doctrine in modern Russia: basic approaches and values / V. S. Romadykina // Culture and Civilization (Donetsk). – 2022. – № 1(15). – Pp. 69–76.
13. Kuznetsov, N. V. Project approach as a tool for the implementation of national projects in Russia / N. V. Kuznetsov, T. A. Pershina // MIR (Modernization. Innovation. Development). - 2023. – Vol. 14, No. 4. – pp. 716–732.
14. The Republic of BAM: The History of the Baikal-Amur mainline / History lessons / MINAEV [Electronic resource]: YouTube channel «MINAEV LIVE». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=A7NcweVUDFY> (date of application: 07/15/2024).
15. Monina, N. P. Ideologeme «Moscow - the third Rome» in the context of the national

- idea of Russia: a cultural aspect / N. P. Monina // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – № 11-1(50). – Pp. 67–69.
16. Kuksin, I. N. The national idea in the Constitution of Russia: a theoretical assessment of key provisions / I. N. Kuksin, N. V. Selikhov // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law. – 2020. – Vol. 45, No. 4. – pp. 732-741.
 17. Tolmacheva, E. S. The national idea of the Russian Federation: an analysis of constitutional and legal regulation / E. S. Tolmacheva // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. – 2013. – № 11(127). – Pp. 364–368.
 18. Kursheva, G. A. The concept of unity of the peoples of Russia as an essential attribute of the national idea of the country / G. A. Kursheva, E. N. Bikeikin // Ideology of the future. – 2023. – No.8. – pp. 21–28.
 19. The strategy of the state national Policy of the Russian Federation for the period up to 2025: approved By the President of the Russian Federation dated 12/19/2012 No. 1666 (ed. from 01/15/2024) [Electronic resource]: The President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (date of reference: 07/17/2024).
 20. Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: approved By the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 No. 809 [Electronic resource]: The President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (date of application: 07/17/2024).
 21. Anikeeva, N. S. The relevance of the national idea in modern Russia / N. S. Anikeeva, S. E. Turkulets // Legal science and practice: current state and development trends : Materials of the All-Russian Scientific and Practical conference, Khabarovsk, May 31, 2024. Khabarovsk: Far Eastern State University of Railway Engineering, 2024. – pp. 12–17.
 22. Fatyanov, A. A. National idea for Russia: a look through the prism of the principle of legal certainty / A. A. Fatyanov, A.V. Filippova // Bulletin of the Russian Nation. – 2023. – № 5(91). – Pp. 53–59.

Бикейкин Maxim Evgenievich – postgraduate student at the Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, Saransk.

E-mail: bikeykinm@bk.ru

УДК 327.58

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-2-163-178

ОРГАНИЗАЦИЯ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ¹ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Мельничук С. В.

Аннотация: В исследовании рассматривается деятельность Организации украинских националистов² (далее – ОУН³) в качестве инструмента внешнего влияния государств, стремившихся использовать украинский национальный вопрос как способ деструктивного воздействия в отношении СССР, а в дальнейшем, Российской Федерации. ОУН⁴ являлась одной из крупнейших украинских радикально-националистических организаций. Внешнеполитический курс ОУН⁵ содержал значимый антироссийский вектор, что было отражено в деятельности организации и сотрудничестве с geopolитическими противниками России. Популяризация идей радикального национализма на Украине, а также деятельность националистических организаций выступили в качестве угроз безопасности России. Производными этого впоследствии стали события украинского кризиса и вооруженного конфликта между Украиной и Россией. Осмысление деятельности украинских радикальных националистических организаций, а также поиски путей противодействия угрозам безопасности России, исходящих от них, представляет теоретическое и практическое значение. На протяжении всего периода существования ОУН⁶ активно сотрудничала с государствами, находящимися в состоянии геополитического противостояния с Россией. Украинские националистические объединения – в частности, ОУН⁷ и связанные с ней организации – стали инструментами политики США в контексте геополитического соперничества с Россией на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Организация украинских националистов⁸, Конгресс украинских националистов, радикальный национализм, Германия, Великобритания, США.

После разрушения Советского Союза в среде украинской элиты отсутствовал консенсус в отношении целого ряда вопросов внутри- и внешнеполитического характера. С учётом того, что США были заинтересованы в формировании устойчивой сферы влияния на постсоветском пространстве, украинский фактор становится одним из приоритет-

1 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

2 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

3 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

4 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

5 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

6 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

7 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

8 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

ных в контексте расширения американского влияния. В этом отношении актуальность исследования связанных с этим вопросов определяется активизацией геополитического соперничества коллективного Запада и России, а также обострением международной напряжённости вследствие продолжающегося украинского кризиса.

Проблемы деятельности Организации украинских националистов⁹ – в том числе, внешнеполитические аспекты – рассматривались отечественными и зарубежными исследователями, в частности О. Мозохиной [1], А. Носковой [2] и И. Турицыным [3] и Т. Пиотровским [4]. Вопросы сотрудничества ОУН¹⁰ с геополитическими противниками СССР в период холодной войны затрагивались в работах Л. Дорохотова [5]. Деятельность ОУН¹¹ в украинском правовом пространстве после обретения Украиной независимости изучалась В. Мальцевым [6]. При этом изучение аспектов использования ОУН¹² в качестве инструмента внешнего влияния в антисоветских и антироссийских целях зачастую носили ситуативное освещение.

Научная новизна данного исследования обусловлена комплексным подходом к рассмотрению деятельности ОУН¹³ в хронологических рамках XX – начала XXI веков. Кроме того, новизна обусловлена введением в оборот и анализом рассекреченных материалов США и СССР, в числе которых доклад ЦРУ «Факторы сопротивления и зоны действия специальных сил. Украина», и пособие КГБ 1955 г. «Подрывная деятельность украинских буржуазных националистов против СССР и борьба с нею органов государственной безопасности».

Цель исследования – определить роль Организации украинских националистов¹⁴ и связанных с ней объединений как инструмента реализации интересов западных государств в антисоветской и антироссийской политике.

Исследование базировалось на таких материалах: доктринальные документы ОУН¹⁵; рассекреченная документация, отражающая государственную политику США в контексте поддержки ОУН¹⁶; рассекреченная государственная документация СССР, подтверждающая наличие иностранного воздействия в отношении ОУН¹⁷; заявления политических деятелей; данные средств массовой информации.

Методология исследования основывается на неореалистической парадигме. В рамках исследования был осуществлён анализ и синтез информации о деятельности Организации украинских националистов¹⁸ во внешнеполитическом контексте, а также о

9 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

10 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

11 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

12 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

13 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

14 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

15 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

16 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

17 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

18 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

целях государств, оказавших поддержку ОУН¹⁹. В работе применён дескриптивный метод анализа документов при рассмотрении источников, содержавших информацию о роли ОУН²⁰, как инструмента сдерживания России. Историко-генетический метод был использован при ретроспективном рассмотрении механизмов взаимодействия ОУН²¹ с государствами, оказывавшими поддержку данному формированию.

Организация украинских националистов²² возникла за пределами Украинской ССР в результате консолидации деятельности различных националистических формирований, преимущественно молодёжных, в среде украинской эмиграции. Основную роль в её создании сыграл полковник Е. Коновалец, бывший член правительства С. Петлюры. Среди руководящего состава также были В. Мартинец, Н. Сциборский, Д. Андриевский. 28 января 1929 г. в Вене состоялся I конгресс украинских националистов, который положил начало существованию ОУН²³. В качестве своей цели организация заявляла создание независимого украинского государства. Идеологически организация объединяла различные украинские праворадикальные движения. Министерством юстиции России ОУН²⁴ и ее атрибутика включены в перечень нацистских и экстремистских организаций. Организация «Тризуб им. Степана Бандери»²⁵, ставшая производной от ОУН²⁶, также включена в перечень экстремистских организаций.

Хронологически считаем возможным выделить четыре основных периода взаимодействия ОУН²⁷ с внешнеполитическими кураторами.

1. Период взаимодействия, в основном со спецслужбами Германии и её союзников в Восточной Европе: 1933–1944 гг.
2. Переходный период: 1944–1945 гг.
3. Период взаимодействия преимущественно с англо-американскими разведками и их союзниками по западному блоку в ходе холодной войны 1945–1990 гг.
4. Период после распада СССР.

По мнению О. Мозохина, в нацистской Германии в 1935 г. инициируются контакты между штабом рейхсвера и ОУН²⁸. В переговорах участвуют Р. Ярый, Ч. Сидор, Березинский, С. Роман, Е. Коновалец. Об этой встрече и о результатах переговоров мы можем судить по материалам Иностранного Отдела Главного Управления Государственной Безопасности СССР [1]. На этой встрече со стороны представителей рейхсвера было поставлено условие переориентации деятельности организации против СССР. Центром ОУН²⁹ в Германии, непосредственно организующим разведывательную работу

19 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

20 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

21 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

22 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

23 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

24 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

25 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

26 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

27 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

28 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

29 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

против СССР после оккупации немецкими войсками Польши, стала Краковская краевая экзекутива ОУН³⁰.

В конце лета и начале осени 1940 года произошёл раскол в ОУН³¹ на сторонников С. Бандери и А. Мельника, что не повлияло на факт сотрудничества обоих частей с немецкой разведкой. Однако, стоит подчеркнуть тот факт, что партийные инстанции уже Третьего Рейха, в отличие от разведки и служб имперской безопасности, настороженно относились к данному сотрудничеству. И. Турицын писал: «По мнению О. Смысюла, в партии были недовольны Канарисом за то, что он излишне укрепил ОУН³². К примеру, служащий департамента «Восток» Управления по внешнеполитическим вопросам НСДАП А. Шикенданц в письме, направленном 18 сентября 1940 года на имя начальника Главного управления имперской безопасности (РСХА) Р. Гейдриха, отмечал, что не следует чрезмерно поддерживать ОУН³³. В советской Галиции она уже утратила политическое значение, а в германской зоне может угрожать безопасности рейха. Ввиду возможности «использования западными государствами украинцев против Германии», он рекомендовал распространять среди националистов слухи о решении «украинского вопроса» в будущем, после победы Германии над Англией и разгрома СССР» [3, с. 54].

Среди значимых примеров взаимодействия немецких властей и ОУН³⁴ представляются следующие:

1. Деятельность Украинского центрального комитета и Украинского комитета помощи беженцам-украинцам. Со стороны Германии административной работой этих комитетов, расквартированных в Кракове, занимался капитан Гицнер. Кроме того, он занимался военной подготовкой молодёжи в рамках работы этих комитетов, главной задачей которых декларировалась консолидация украинской эмиграции.

2. Взаимодействие между ОУН³⁵ под председательством бывшего петлюровского офицера разведки полковника Т. Омельченко и внешнеполитического отдела НСДАП под руководством А. Розенберга, по указаниям которого работала организация в 1938-1940 гг.

3. Работа по взаимодействию с украинской эмиграцией в США и Канаде в рамках деятельности Организации государственного возрождения

Украины. Руководитель организации – профессор Грановский – сотрудничал с германской разведкой, о чём неоднократно писали в американской печати. Активными участниками этого процесса являлись представители германских организаций. Отметим, что сотрудничество последователей П. Скоропадского осуществлялось также и с представителями американского промышленного капитала, например, с Г. Фордом [1].

4. Работа с украинской эмиграцией в рамках деятельности Украинского бюро доверия во главе с Р. Сушко. Организовано бюро было в Берлине 1 декабря 1938 г. прави-

30 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

31 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

32 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

33 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

34 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

35 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

тельством Третьего Рейха, и занималось созданием кадровой базы для органов власти, полиции и пограничных подразделений в оккупированных областях.

5. Взаимодействие с Украинской греко-католической церковью (УГКЦ). Известны факты многократных контактов иерархов церкви с руководством Рейха, в частности, митрополит А. Шептицкий неоднократно писал поздравительные письма и письма с просьбами А. Гитлеру. Священнослужители УГКЦ занимались пропагандой в пользу Третьего Рейха среди украинской эмиграции и населения оккупированных регионов в ходе войны.

6. Деятельность Украинского научного института. Создан институт был в 1926 г. ещё по инициативе П. Скоропадского и генерала рейхсвера и министра В. Гренера. Финансирование института осуществлялось германским Объединением исследования украинской культуры и науки, а с 1931 г. министерством просвещения Германии. Под руководством министерства пропаганды Третьего Рейха институт занимался научно-исследовательской работой для националистических организаций. Главой института был немецкий комиссар Мирчук. Известны выпускавшиеся институтом военные и топографические немецко-украинские словари. Студенты института получали немецкую стипендию (110 рейхсмарок в месяц).

7. Организация разведшкол под руководством Абвера. В 1940 г. было организовано 4 лагеря школы при Абверштилле Краков: в местечках Криница, Дукла, Барвинек и Каменница. В каждом обучались 100-300 человек. Лагеря были разделены между сторонниками С. Бандери и А. Мельника. Подготовленные разведчики включались в соединение «Бранденбург-800», перебрасывались на территорию СССР через резидентуры в Венгрии и Словакии [1]. Известно о том, что и С. Бандера, и А. Мельник были агентами Абвера с агентурными кличками «Консул-2» и «Консул-1» соответственно. Осуществлялась подготовка диверсий против СССР и на Дальнем Востоке, для чего в Манчжуру-Го были направлены члены ОУН³⁶ Г. Купецкий и В. Мороз [4, с. 125].

8. Организация военизированных отрядов: «Украинская армия», «Украинские легионеры», «Сечевые стрельцы», «Украинские тaborы». Военные формирования украинцев на территории Германии насчитывали 75 тысяч человек. Кроме того, 25 февраля 1941 г. В. Канарис, глава Абвера, даёт санкцию на создание «украинского легиона». Было сформировано 2 батальона – «Роланд» и «Нахтигаль». Руководство осуществляли представители польской армии, ОУН³⁷ и немецкого командования – капитан Е. Побигущий и Р. Ярый в батальоне «Роланд», и А. Герцнер, Т. Оберлендер и Р. Шухевич – в батальоне «Нахтигаль». Как акцентировал Т. Пиотровский, «Джон Армстронг отмечает: «Еще в 1940 г. немцы тайно формировали военные подразделения по подготовке украинцев. Официально такая подготовка называлась подготовкой этнических немцев (фольксдойче) для целей Имперской службы труда на территории генерал-губернаторства» [4, с. 126].

Переломным моментом в переориентации ОУН³⁸ -УПА с немецкого на англо-американский вектор можно считать III чрезвычайный съезд ОУН(б)³⁹ в августе 1943 г.

36 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

37 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

38 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

39 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

Справка от 4 декабря 1944 г. «О связях ОУН⁴⁰ с англичанами» за подпись заместителя начальника 6-го отдела ГУББ НКВД СССР подполковника Матвеева [7] демонстрирует нам, что ряд деятелей ОУН⁴¹, в частности, Р. Шухевич, вели двойную игру, осуществляя сотрудничество как с Абвером, так и с секретной разведывательной службой МИД Великобритании Secret Intelligence Service (SIS). Их дальнейшие намерения сводились к использованию националистических сил в мировом противостоянии в рамках холодной войны между СССР и блоком НАТО, в частности, США. Таковым, к примеру, является секретный доклад «Факторы сопротивления и зоны действия специальных сил. Украина» 1957 г., рассекреченный в рамках американской программы опубликования секретных документов в 2014 г. В докладе, кроме анализа географических данных (природные ресурсы Украины, климат и т.п.), не малый фрагмент посвящен структуре лояльности отдельных регионов УССР по отношению к метрополии СССР. Делаются далеко идущие выводы о том, что наиболее лояльные регионы для последующего вторжения сил Запада – те же, что лояльно восприняли вторжение сил Третьего Рейха в период Великой Отечественной войны. Отдельно упоминаются даже существующие на момент подготовки доклада партизанские отряды, ведущие вооруженную борьбу против советского строя [8]. Как уже отмечалось, в период с 1944 г. большая часть активных националистических группировок переориентировалась с Третьего Рейха, уже очевидно проигравшего войну, сначала на дальних союзников Германии, Румынию и Венгрию, а затем на США и Великобританию, не без поддержки имеющейся агентуры SIS.

В рассекреченном пособии КГБ 1955 г. «Подрывная деятельность украинских буржуазных националистов против СССР и борьба с нею органов государственной безопасности» подробно рассматривается деятельность эмигрантских организаций. Кроме того, в издании указывается наличие связей между различными эмигрантскими организациями и разведками соответствующих стран. Наиболее активными антисоветскими действиями отличились:

1. ОУН(б)⁴² – в 1948 г. разделена на две основные группировки: Закордонные части ОУН⁴³ во главе с С. Бандерой и Я. Стецько и Закордонное представительство Украинской главной освободительной рады (или Зарубежное представительство украинского главного освободительного совета) во главе с Н. Лебедем и униатским священником И. Гриньохом. Они обладали печатными органами «Сурма» и «Сучасна Україна» соответственно. Советской разведке было известно о контактах С. Бандеры и представителя американской разведки Масловича в марте 1951 г. Его заместитель Я. Стецько возглавил Антибольшевистский блок народов, созданный в 1946 г. в Мюнхене при поддержке создателя политической разведки ФРГ (БНД) Р. Гелена (позже, 19 июля 1983 г. Я. Стецько как глава АБН будет на приёме у президента США Р. Рейгана, где напрямую объявит о большой роли данного преступника в деле защиты демократии на службе США). Указываются данные о сотрудничестве главы ЗП УГВР Н. Лебедя с американской разведкой, о чём есть подтверждение из других источников, включая рассекреченные документы ЦРУ [9].

40 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

41 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

42 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

43 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

2. ОУН(м)⁴⁴ во главе с «Проводом украинских националистов».

Руководители: А. Мельник и генерал петлюровской армии Н. Капустянский. В издании даются сведения о создании Н. Капустянским «украинских сотен», замаскированных под «рабочие отряды» и формировавшихся в Париже и Вашингтоне по прямому распоряжению тогда ещё генералов Эйзенхауэра и Риджуэя в 1953–1954 гг. с целью дальнейшей заброски на территорию СССР и подъёма восстаний.

3. Правительство УНР – Украинская национальная рада, сотрудничали с ОУН(м)⁴⁵.

4. Украинская революционно-демократическая партия. Во главе – И. Багряный, занимались организацией периодической антисоветской печати – изданий «Украинские висти» и «Вперёд» (г. Ульм, Германия). Имели военное формирование – «Легион имени Симона Петлюры».

5. Украинская национальная гвардия. Во главе – Т. Боровец, сотрудник немецкой разведки (псевдоним – «Бульба»), перешедший в американскую разведку. Периодическое издание – «Меч и воля». В 1953 г. создали «Освободительно-революционный центр» для координации националистического подполья, действовавшего на территории Украины и Белоруссии. Первое заседание прошло в г. Штутгарте в 1954 г.

6. «Украинское национально-демократическое объединение». Глава – В. Мудрый.

7. Украинский национально-державный союз. Глава – Н. Левицкий.

8. Союз земли соборной Украины. Глава – В. Доленко. Создан в 1948 г. при содействии американской разведки для организации националистического подполья в восточных областях Украины.

9. «Конгресс украинцев Канады». Организация активно участвует в популяризации ОУН⁴⁶. По их инициативе в разных городах страны установлены памятники в честь украинских националистов, в частности бюст одного из руководителей ОУН⁴⁷ Р. Шухевича в Эдмонтоне. В августе 2022 года Минюст РФ включил Конгресс украинцев Канады в список нежелательных организаций.

10. Украинский конгрессовый комитет. В составе – участники дивизии СС «Галичина». С 1953 г. участниками заседаний комитета становятся официальные должностные лица Канады.

11. Союз украинцев Британии.

В издании уделяется внимание деятельности «Американского комитета освобождения народов», организованного в 1951 г. и проведшего конференцию в г. Фюссен в Западной Германии. Комитет в лице своих представителей – главы комитета Лайонса, а также Спенсера, Левина и А. Керенского вёл переговоры с национальными антисоветскими эмиграционными объединениями, в том числе украинскими. Было проведено несколько конференций – в г. Фюссен, г. Штутгарт, г. Висбадене. Позже, в марте 1952 г. во главе комитета встал адмирал Кэрк. Кроме того, в январе 1951 г. была проведено лондонское специальное совещание представителей американских и британских разве-

44 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

45 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

46 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

47 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

док с целью координации усилий по подрыву советского строя с помощью диверсионной работы украинских националистических формирований. Но внутренние противоречия, подробно описанные в издании, не позволили полностью воплотить эти идеи [10].

Характеризуя шаги, предпринимаемые со стороны США в отношении Украины после разрушения Советского Союза, С. Жильцов и Е. Ильинова отмечали: «В начале 1990-х гг. внешняя политика США была сфокусирована на поддержке политической элиты Украины, чья деятельность была направлена на утверждение нового политico-экономического порядка, реализацию сценария по накоплению первичного капитала» [11, с. 23]. Авторы утверждали: «Эти процессы приняли организованно направленный характер и оказали негативное влияние на промышленный потенциал, кардинально изменили социальную структуру общества и привели к противостоянию между украинскими элитами, имеющими различные идеологические взгляды. Основная борьба происходила между сторонниками воссоединения бывших советских республик и «демократами», выступавшими за разрыв отношений с Россией» [11, с. 23].

Одним из множества последствий данных противоречий стало формирование политических организаций радикально-националистического толка. В дальнейшем националистические объединения внесли значительный вклад в популяризацию антироссийского нарратива. В числе первых в данном ключе начал работу «Конгресс украинских националистов» (далее «Конгресс»). Организация была сформирована в 18 октября 1992 г. и стала фактической реинкарнацией одной из фракций ОУН⁴⁸, в частности фракции, получившей наименование ОУН(б)⁴⁹ (от имени С. Бандery). В преддверье создания «Конгресса» в Киеве состоялась научно-практическая конференция «Украинский национализм: прошлое, будущее и современность». Мероприятие стало источником формирования идеологических положений, которые будут продвигаться националистами в ранние годы украинской независимости. На конференции было принято решение создать националистическую партию. Были озвучены идеи о необходимости выхода из СНГ, ликвидации автономии Крыма, реабилитации депортированных народов, проведения бесплатной приватизации.

В ходе учредительного сбора «Конгресса» руководителем организации была избрана Я. Стецько, вдова крупного деятеля ОУН(б)⁵⁰ Я. Стецько. Данный выбор, на наш взгляд, носил, в первую очередь, символическое значение, поскольку Я. Стецько был активным прогерманским коллаборационистом в годы Второй мировой войны. Именно он принимал участие в провозглашении Украинского государства под началом ОУН⁵¹ и в союзе с Третьим Рейхом. Он же обнародовал и первый декрет «проводника ОУН⁵² Степана Бандери» о назначении «Краевого Правления Западных областей Украины» (до создания «Центральной Власти в Киеве»), которое также возглавил Я. Стецько. В свою очередь, Я. Стецько была руководителем организации «Антибольшевистский блок народов» (АБН).

48 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

49 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

50 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

51 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

52 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

С 1968 г. она заведовала сектором иностранной политики ОУН(б)⁵³. После смерти в 1986 г. её мужа Я. Стецько была избрана главой ОУН(б)⁵⁴ и президентом АБН.

АБН представлял собой объединение организаций эмигрантов с территорий государств Социалистического блока. Это объединение стало одним из крупнейших, ставивших своей целью противостояние расширению влияния СССР. В контексте процессов холодной войны АБН неоднократно демонстрировал себя в качестве проамериканского движения. В своей деятельности данная организация неоднократно демонстрировала не только антисоветский, но и антироссийский курс. О роли АБН, как инструмента реализации американских интересов Л.Н. Доброхотов писал следующее: «Очень активную роль в этом комитете начинает играть его супруга Слава Стецько» [10]. Потом возникает так называемый Антибольшевистский блок народов и становится известно, что эта организация получает полное покровительство со стороны Федерального бюро расследований (ФБР), Центрального разведывательного управления США (ЦРУ), американского Конгресса и президента. И все это заканчивается тем, что в 1984 году руководство данного блока, так называемой Антикоммунистической лиги, принимается в Белом доме президентом США Рональдом Рейганом. В числе присутствующих – Ярослав Стецько и его супруга. Известно приветствие господина Рейгана, которое он направил в адрес этой организации. Через некоторое время Я. Стецько умирает, но его супруга продолжает активно действовать. Рейган говорит на одной из встреч с госпожой Я. Стецько: «Ваша борьба – это наша борьба. Ваша мечта – это наша мечта» [12].

В равной мере представляется важным отметить и взаимодействие данной организации с «Всемирной антикоммунистической лигой» (ВАКЛ). Организация проводила ежегодные собрания в разных точках мира. ВАКЛ пользовалась поддержкой многих конгрессменов США, в частности, кандидата в президенты 2008 г. сенатора Д. Маккейна, который в начале 1980-х гг. входил в совет директоров Комитета Соединенных Штатов за мировую свободу. По данным Associated Press, «когда во время выборов зашла речь о его членстве в ВАКЛ, Маккейн заявил, что вышел из состава совета в 1984 году, а в 1986 году попросил убрать его имя с фирменного бланка организации» [13]. Данный факт позволяет констатировать заинтересованность властей США в поддержке ОУН⁵⁵-УПА в контексте противостояния с Советским Союзом. Как следствие Я. Стецько, непосредственно вовлечённая в работу АБН и «Всемирной антикоммунистической лиги», являлась агентом американского влияния.

Под руководством Я. Стецько произошло фактическое оформление ОУН(б)⁵⁶ в политическую партию, легально действовавшую на территории Украины. Данный шаг стал началом длительного пропагандистского процесса, направленного на нормализацию общественного отношения к ОУН⁵⁷-УПА и прогерманскому коллаборационистскому движению. К тому времени ОУН⁵⁸ успела стать значимым сегментом антисоветского

53 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

54 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

55 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

56 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

57 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

58 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

интернационала. В частности, это касается сотрудничества в рамках АБН и «Всемирной антикоммунистической лиги».

Важным фактором интеграции участников и последователей «Конгресса» в украинское правовое поле стало отношение государственной власти. Руководство Украины во главе с Л. Кравчуком не препятствовало возвращению ОУН⁵⁹ на территорию страны. В целях нормализации собственного присутствия под началом «Конгресса» в украинском правовом поле было сформировано несколько общественно-политических организаций. В качестве коллективных членов в «Конгресс» входили: «Всеукраинское братство воинов УПА», «Лига украинской молодёжи», «Лига украинских женщин» и др. Кроме того, «Конгресс» инициировал создание ряда общественных организаций: Украинского педагогического общества им. Г. Ващенко, Благотворительного фонда им. Я. Стецько, Всеукраинского научного и профессионального общества им. М. Михновского, спортивно-патриотической организации «Тризуб им. С. Бандери»⁶⁰.

В дальнейшем деятельность «Тризуба»⁶¹ была сфокусирована на внутреннем давлении на украинское общество. О причинах данной направленности В. Мальцев писал: «В отличие от УНСО, «тризубовцы» ни разу не принимали участия в военных конфликтах за границей. Причина, однако, отнюдь не в их миролюбии. «Тризубовцы» прославились в последующие годы огромным числом криминальных скандалов, в том числе с участием руководства отделений. В январе 1996 г. глава харьковского отделения вместе с двумя соратниками, вооруженные обрезами, напали на воинскую часть и, разоружив часовых, завладели автоматами и патронами, но на обратном пути были задержаны милицией» [6, с. 55].

Организация «Тризуб»⁶² была создана 14 октября 1993 г., как военное крыло праворадикальной партии «Конгресс Украинских Националистов», и отделилась от неё в 1999 г. Её основателем и первым лидером являлся В. Иванишин. После него организацию возглавляли Д. Ярош и А. Стемпицкий. На момент 2024 г. руководителем является О. Микитюк. Под эгидой «Тризуба»⁶³ с 1999 г. издаётся газета «Бандеровец».

Партия активно поддержала Л. Кучму на президентских выборах 1999 г., называя его «настоящим украинским державником» и противопоставляя ему П. Симоненко, лидера Коммунистической партии Украины. В среде националистов Кучма считался умеренным, что привело к критике «Тризуба»⁶⁴ радикальными националистами. Во времена акций «Украина без Кучмы» дошло даже до нападений со стороны «Тризуба»⁶⁵ на колонны Коммунистической партии Украины и Социалистической партии Украины [14].

В дальнейшем организация стала активным участником гражданского противостояния во время событий Евромайдана. В частности, это наблюдалось во время противо-

59 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

60 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

61 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

62 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

63 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

64 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

65 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

стояния на ул. Грушевского с 19 по конец января 2014 г., штурма майдана Незалежности 18–20 февраля 2014 г. и, вероятно, во время событий возле Администрации Президента Украины 1 декабря 2013 г. В доктринальных документах в качестве идеиных вдохновителей «Тризуба»⁶⁶ называются Е. Коновалец, С. Бандера и Р. Шухевич. Также в документах организация определяется врагом «гуманистов», которые «через якобинство, социализм и социал-демократию дошли до национал-социализма и коммунизма». Несмотря на то, что организация продвигает идеи христианства, заявляя, что «Всемогущий Бог сотворил нас украинцами, украинской нацией», она призывает объединяться христиан, мусульман и иудеев» [15].

«Тризуб»⁶⁷ ставит перед собой несколько задач по агрессивной идеологической обработке украинской молодёжи. В этой пропаганде она продвигает и культивирует идею украинской государственности на землях проживания этнических украинцев, призывает к готовности на самопожертвование во имя нации. При этом одной из главных идей значится противостояние империализму и защита части и достоинства Украины в сотрудничестве с другими иностранными организациями. В частности, главным противником, с которым предполагается вести борьбу, является «Московская империя». Наличие силового крыла у «Конгресса» способствовало зарождению тенденции, в дальнейшем характерной для праворадикальных объединений. Фактическое отсутствие со стороны украинской власти противодействия «Тризубу»⁶⁸ стало сигналом о том, что радикальные объединения могут существовать в украинском правовом поле. Несмотря на то, что несколько участников «Тризуба»⁶⁹ привлекались к уголовной или административной ответственности, фактически это не препятствовало работе ни «Конгресса», ни «Тризуба»⁷⁰. В дальнейшем Я. Стецько совместно с рядом соратников по партии занимали депутатские должности по итогам трех избирательных кампаний [16].

Возвращение ОУН⁷¹ в украинское политическое пространство создало прецедент, который отразится на дальнейшей трансформации политической реальности на Украине. Нормализация отношения к радикальным националистическим формированиям началась именно с правовой интеграции ОУН⁷². ОУН⁷³ и аффилированные с ней организации получили возможность ведения пропагандистской деятельности с целью популяризации идей антироссийского толка. В условиях неопределенности первых лет после обретения независимости Украиной ОУН⁷⁴ получила возможность беспрепятственно занять нишу в украинском обществе. Радикальные националистические идеи

66 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

67 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

68 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

69 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

70 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

71 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

72 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

73 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

74 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

ОУН⁷⁵ стали частью идеологического антироссийского фундамента на Украине, а ОУН⁷⁶ – одним из акторов процесса распространения антироссийских взглядов в украинском обществе, что выступит значимым фактором легитимации антироссийской политики

Выводы. На протяжении всего периода существования ОУН⁷⁷ активно сотрудничала с государствами, находящимися в состоянии геополитического противостояния с Россией. В период, предшествовавший Второй мировой войне, ОУН⁷⁸ выстраивала тесные связи с руководством Германии, рассчитывая реализовать проект создания украинского государства в случае военного поражения Советского Союза. В свою очередь, руководство Третьего Рейха стремилось использовать ОУН⁷⁹ в качестве инструмента дестабилизации СССР, а также как источник вооруженной поддержки на оккупированных территориях. В дальнейшем, после падения нацистского режима в Германии, ОУН⁸⁰ получило поддержку от США, также в контексте противостояния с СССР. Сотрудничество ОУН⁸¹ и Соединённых Штатов содержало в себе как проекты ведения боевых действий на территории Украинской ССР, так и длительную информационную поддержку идей украинского национализма.

В период политической нестабильности, вызванной распадом СССР, на Украине началось оформление националистических организаций. В своей деятельности данные организации того времени ставили перед собой две основные задачи: 1) формирование в украинском политическом пространстве устойчивого антироссийского дискурса; 2) практическое противодействие сохранению российского влияния на постсоветском пространстве.

Украинские националистические объединения – в частности, ОУН⁸² и связанные с ней организации – в своей деятельности стали инструментами политики США в контексте геополитического противостояния России на постсоветском пространстве. Стремясь снизить влияние России, как правопреемника СССР, Соединенные Штаты поддерживали работу украинских националистов. Популяризация идеологий таких организаций означала формирование негативного образа России в глазах украинского населения. Парамилитаристская природа данных организаций, как фактор борьбы с политическими оппонентами, в дальнейшем сыграла значительную роль в утверждении антироссийского курса современной Украины. «Конгресс украинских националистов» и «Тризуб»⁸³ выступают ярким примером данной тенденции.

75 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

76 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

77 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

78 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

79 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

80 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

81 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

82 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

83 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

Список литературы

1. Мозохин О.Б. Германское влияние на создание украинских националистических организаций в 1920–1940 гг. // Новейшая история России. 2023. №3 (13). С. 549–568.
2. Носкова А.Ф. Украинские националисты в борьбе за «Соборную Украину» в годы Второй мировой войны: итоги и последствия // БЕРЕГИЯ.777.СОВА. 2015. №3 (26). С. 112–122.
3. Турицын И.В. От «второго фронта» против СССР к идеи третьей мировой войны: к истории смены внешнеполитических приоритетов украинских националистов (1942–1945 ГГ.) // Современная научная мысль. 2016. №1. С. 52–66.
4. Пиотровский Т. Украинские националистические организации и их сотрудничество с нацистской Германией // БЕРЕГИЯ.777.СОВА. 2015. №3 (26). С. 123–145.
5. Доброхотов Л.Н. Политика США на постсоветском пространстве: вчера и сегодня // БЕРЕГИЯ.777.СОВА. 2011. №4 (11). С.64–75.
6. Мальцев В. Россия – извечный враг Украины // Вопросы национализма. 2014. № 2 (18). С. 48–67.
7. Украинские националистические организации в годы второй мировой войны. Том 2 1944–1945 Москва. РОССПЭН. 2012. С. 448–450
8. Resistance factors and Special Forces areas. Ukraine. [электронный ресурс] 01.08.1957. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP81-01043R002300220007-1.pdf> (дата обращения: 31.03.2025).
9. Breitman R., Goda N. J. W. Hitler,s Shadow. Nazi War Criminals, U.S. Intelligence, and the Cold War. US National Archives and Records Administration. P. 72. [электронный ресурс] URL: <https://www.archives.gov/files/iwg/reports/hitlers-shadow.pdf> (дата обращения: 31.03.2025).
10. Подрывная деятельность украинских буржуазных националистов против СССР и борьба с ней органов государственной безопасности (учебный материал) / Л.С Бурдин, И.В. Хамазюк, С.В. Прудко, И.А. Кулешов. – М.: Высшая школа КГБ при СМ СССР, 1955. С.101–103
11. Жильцов С.С., Ильинова Е.Г. Политика США в отношении Украины (1991–2012) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. №1. С. 20–34.
12. Кургинян И.С. ИА Красная Весна. Газета «Суть времени» №77. 14 мая 2014. [электронный ресурс] URL: <https://rossaprimavera.ru/article/chernyy-koren>
13. YostP.McCainlinkedtogroupinIran-Contraaffair[электронный ресурс]//Associated Press: сайт. 01.10.2008. URL: <https://web.archive.org/web/20081208061208/http://www.sfgate.com/cgi-bin/article.cgi?f=%2Fn%2Fa%2F2008%2F10%2F06%2Fpolitics%2Fp212035D66.DTL> (дата обращения: 31.03.2025).

14. Володарский А. «Тризуб имени Степана Бандери»⁸⁴: патриоты – террористы. [электронный ресурс] // Политбюро: сайт. 10.02.2011. URL: <https://web.archive.org/web/20160304234753/http://politbyro.in.ua/part/746-trizub-imeni-stepana-bandery-patrioty-terrorist.html> (дата обращения: 31.03.2025).
15. Декларация националистических принципов «Тризуба» им. Степана Бандери⁸⁵ [электронный ресурс] URL: <https://archive.ph/20141204154017/http://banderivets.org.ua/deklaratsiya-natsionalistychnyh-pryntsypiv.html#selection-1411.14-1411.15> (дата обращения: 31.03.2025).
16. Список народных депутатов Верховной Рады Украины 2-го созыва (1994–1998) [электронный ресурс] URL: https://web.archive.org/web/20101107094535/http://gska2.rada.gov.ua/pls/radac_gs09/d_index_arh?skl=2 (дата обращения: 31.03.2025).

Сведения об авторе

Мельничук Сергей Васильевич – аспирант кафедры политических наук и международных отношений Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

E-mail: sergey.melnichuk99@gmail.com

Melnichuk S. V.

ORGANIZATION OF UKRAINIAN NATIONALISTS AS AN INSTRUMENT OF EXTERNAL INFLUENCE

Abstract: *The article examines the activities of the Organization of Ukrainian Nationalists (hereinafter referred to as the OUN) as an instrument of external influence of states seeking to use the Ukrainian national question as a means of destructive influence against the USSR, and later, the Russian Federation. The OUN was one of the largest Ukrainian radical nationalist organizations. The foreign policy of the OUN contained a significant anti-Russian vector, which was reflected in the activities of the organization and cooperation with Russia's geopolitical opponents. Popularization of the ideas of radical nationalism in Ukraine, as well as the activities of nationalist organizations, acted as threats to Russia's security. The derivatives of this subsequently became the events of the Ukrainian crisis and the armed conflict between Ukraine and Russia. Understanding the activities of Ukrainian radical nationalist organizations, as well as searching for ways to counteract the threats to Russia's security emanating from them, is of theoretical and practical importance. The purpose of the study is to characterize the role of the Organization of Ukrainian Nationalists and related associations as an instrument for implementing the interests of Western states in containing the USSR and Russia. The methodology of the study is based on the neorealist paradigm. The work analyzes and synthesizes information about the activities of the OUN. The method of*

84 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

85 Организация признана в РФ экстремистской и запрещена

content analysis was used when examining sources containing information about the role of the OUN as an instrument of containing Russia. The historical-genetic method was used in a retrospective examination of the mechanisms of interaction between the OUN and the states that supported the organization. Throughout its existence, the OUN actively cooperated with states in a state of geopolitical confrontation with Russia. Ukrainian nationalist associations - in particular, the OUN and related organizations - became instruments of US policy in the context of geopolitical rivalry with Russia in the post-Soviet countries.

Keywords: Organization of Ukrainian Nationalists, Congress of Ukrainian Nationalists, radical nationalism, Germany, Great Britain, USA.

References

1. Mozohin O.B. Germanskoe vlijanie na sozdanie ukrainskih nacionalisticheskikh organizacij v 1920–1940 gg. // Novejshaja istorija Rossii. 2023. №3 (13). Pp. 549–568.
2. Noskova A. F. Ukrainskie nacionalisty v bor’be za «Sobornuju Ukrainu» v gody Vtoroj mirovoj vojny: itogi i posledstvija // BEREGINJa.777.SOVA. 2015. №3 (26). Pp. 112–122.
3. Turicyn I. V. Ot «vторого fronta» protiv SSSR k idee tret’ej mirovoj vojny: k istorii smeny vneshnepoliticheskikh prioritetov ukrainskih nationalistov (1942–1945 GG.) // Sovremennaja nauchnaja mysl’. 2016. №1. Pp. 52–66.
4. Piotrovskij T. Ukrainskie nationalisticheskie organizacii i ih sotrudnichestvo s nacistskoj Germaniej // BEREGINJa.777.SOVA. 2015. №3 (26). Pp. 123–145.
5. Dobrohotov L. N. Politika SShA na postsovetskom prostranstve: vchera i segodnya // BEREGINJa.777.SOVA. 2011. №4 (11). Pp.64–75.
6. Mal’cev V. Rossija - izvechnyj vrag Ukrayny // Voprosy nacionalizma. 2014. № 2 (18). Pp. 48–67.
7. Ukrainskie nationalisticheskie organizacii v gody vtoroj mirovoj vojny. Tom 2 1944–1945 Moskva. ROSSPJeN. 2012. Pp. 448–450
8. Resistance factors and Special Forces areas. Ukraine. 01.08.1957. [Electronic resource] URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP81-01043R002300220007-1.pdf>
9. Breitman R., Goda N. J. W. Hitler,s Shadow. Nazi War Criminals, U.S. Intelligence, and the Cold War. US National Archives and Records Administration. P. 72. [Electronic resource] URL: <https://www.archives.gov/files/iwg/reports/hitlers-shadow.pdf>
10. Podryvnaja dejatel’nost’ ukrainskih burzhuaznih nationalistov protiv SSSR i bor’ba s neju organov gosudarstvennoj bezopasnosti (uchebnyj material) / L. S Burdin, I. V. Hamazjuk, S. V. Prud’ko, I. A. Kuleshov. – M.: Vysshaja shkola KGB pri SM SSSR, 1955. Pp.101–103
11. Zhil’cov S.S., Il’inova E.G. Politika SShA v otnoshenii Ukrayny (1991–2012) //

- Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Politologija. 2014. №1. Pp. 20–34.
12. Kurginjan I. C. IA Krasnaja Vesna. Gazeta «Sut' vremeni» №77. 14 maja 2014. [Electronic resource] URL: <https://rossaprimavera.ru/article/chernyy-koren>
 13. Yost P. McCain linked to group in Iran-Contra affair//Associated Press: sajt. 01.10.2008. [Electronic resource] URL:<https://web.archive.org/web/20081208061208/http://www.sfgate.com/cgi-bin/article.cgi?f=%2Fn%2Fa%2F2008%2F10%2F06%2Fpolitics%2Fp212035D66.DTL>
 14. Volodarskij A. «Trizub imeni Stepana Bandery»: patriots – terrorists. // Politburo: sajt. 10.02.2011. [Electronic resource] URL: <https://web.archive.org/web/20160304234753/http://politbyro.in.ua/part/746-trizub-imeni-stepana-bandery-patriots-terrorists.html>
 15. Deklaracija nacionalisticheskikh principov «Trizuba» im. Stepana Bandery [Electronic resource] URL: <https://archive.ph/20141204154017/http://banderivets.org.ua/deklaratsiya-natsionalistychnyh-pryntsypiv.html#selection-1411.14-1411.15>
 16. Spisok narodnyh deputatov Verhovnoj Rady Ukrayiny 2-go sozyva (1994-1998) [Electronic resource] URL: https://web.archive.org/web/20101107094535/http://gska2.rada.gov.ua/pls/radac_gs09/d_index_arh?skl=2

Melnichuk Sergey Vasilyevich – post-graduate student of the Department of Political Science and International Relations of the Institute «Tauride Academy», V.I. Vernadskiy Crimean Federal University.

E-mail: sergey.melnichuk99@gmail.com

CONTENT

PHILOSOPHY

Zudilina N. V. Human mind and brain vs. artificial “intelligence”: intensive and extensive aspects	5
Nefedev S. N. Post-truth as a social symptom and instrument for identity construction.....	31
Smirnov N. A. Ascent to the genus: “Memoirs” by P.A. Florensky as a form of philosophical self-reflection.	46
Zorenko P. A., Karabykov A. V. Criticism of culture in the works by S. L. Frank and N. A. Berdyaev in the first half of the 1920s.	59

CULTURAL STUDIES

Pilavov G. Sh. Chess in medieval Europe as a representation of socio-cultural processes	71
Gabrielyan O. A., Garbuzov D. V. Mythological hero as a cultural institution: origins and modernity. Part 1. Origins and spirit of the heroic myth	81
Zakharova A. V., Makeeva K. A. The role of interactive technologies in the development of educational abilities of the Museum of Crimea and Novorossiya	90

POLITICAL SCIENCE

Shorkin A. D. The BRICS-bridge strategy of the world order	104
Demeshko N. E. Political technologies for formation of alternative Russia: “The free nations of post-Russia forum” ¹ as instrument for weakening statehood and fragmentation of Russian Federation	117
Borisov D. A., Goryacheva A. I. The importance of digital diplomacy in an era of multipolarity	134
Bikeykin M. E. On the issue of the demarcation of national ideas and ideology in modern Russia: a political and philosophical aspect	151
Melnichuk S. V. The organization of Ukrainian nationalists ² as an instrument of external influence	163

1 Организация признана террористической на территории РФ.

2 Организация признана террористической на территории РФ.